

ОТ СОЗДАТЕЛЯ МИРОВЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

СТИВЕН ХАНТЕР

Непревзойденный
мастер триллера

...И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

ЕЩЕ ОДИН ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РОМАН ОТ АВТОРА ЗНАМЕНИТОГО «СНАЙПЕРА»!

Стивен Хантер
«...И ад следовал за ним»
Серия «Эрл Свэггер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135191
«...И ад следовал за ним»: Эксмо, Домино; М.: СПб.; 2011
ISBN 5-699-15622-4

Аннотация

При загадочных обстоятельствах в маленьком американском городке Фивы исчезает адвокат Сэм Винсент, старый друг бывшего морского пехотинца Эрла Свэггера. Пытаясь спасти друга, Эрл попадает в западню и оказывается в местной тюрьме. Из этого страшного мира, где заключенных подвергают нечеловеческим пыткам, есть только один выход – смерть. Однако Эрлу удастся вырваться оттуда. Собрав небольшой отряд из самых крутых и безжалостных стрелков, какие ему только известны, он возвращается в Фивы, чтобы вершить кровавую месть.

Еще один захватывающий бестселлер от автора знаменитого романа «Снайпер»!

Содержание

Часть 1	4
Глава 01	4
Глава 02	10
Глава 03	15
Глава 04	23
Глава 05	32
Глава 06	37
Глава 07	41
Часть 2	46
Глава 08	46
Глава 09	51
Глава 10	57
Глава 11	75
Глава 12	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Стивен Хантер

«...И ад следовал за ним»

Эта книга наконец-то посвящается Джин

*Нет нужды верить в сверхъестественное происхождение зла;
люди и сами по себе способны творить любое зло.
Джозеф Конрад*

*Когда мишенью становится человек, это всегда вызывает
особый интерес.
Эд Макгиверн*

*...И вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть;
и ад следовал за ним...
Откровение Иоанна Богослова, 6, 8*

Часть 1

Путь Сэма

Глава 01

В середине 1947 года Джефферсон Барнз, прокурор округа Полк, штат Арканзас, окончил свой жизненный путь. Старик отправился проводить отпуск в Хот-Спрингс, вывалился из одной из этих новомодных тележек для гольфа, скатился в водосточную канаву, извергая проклятия, и свернул шею о дренажную трубу. После этой трагедии его место занял Сэм Винсент, преданный помощник. В 1948 году на Сэма обратила внимание Демократическая партия (другой в западном Арканзасе не было), включившая его в один список с Гарри С. Трумэном и Фредом К. Беккером. Как и эти достойные люди, Сэм одержал убедительную победу. Таким образом, он наконец достиг цели, к которой стремился уже много лет. Сэм Винсент всегда хотел быть слугой закона, но сейчас он стал самым законом, и это было гораздо лучше. Сэм, высокий мужчина сорока четырех лет, обладатель пышной шевелюры, отличался резкостью манер, которую никак нельзя было назвать обаянием. Он смущал своих собеседников пристальным взглядом и терпеть не мог дураков, идиотов, янки, политических авантюристов, людей малодушных и нарушителей закона. Он носил мешковатые костюмы, обсыпанные пеплом из трубки, и очки с толстыми стеклами и при ходьбе слегка подпрыгивал. Осенью он ходил на охоту, летом следил за игрой бейсбольной команды «Сент-Луис браунс» (когда у него было время, то есть почти никогда) и вязал искусственных мушек, хотя рыбу ловил очень редко. Все остальное время Сэм Винсент трудился как одержимый. Он являл собой классический пример американского трудоголика, который ставит работу настолько выше личной жизни, что для личной жизни почти не остается места. Своим безразличием Сэм оттолкнул от себя жену и детей; его требовательность сводила секретарей и помощников с ума, а следователи канцелярии шерифа терпеть не могли Сэма за то, что он постоянно находил работу и для них. В то небольшое свободное время, которое у него оставалось, Сэм работал в призывной комиссии (за участие в Арденнской операции 1944 года он получил «Бронзовую звезду»), ездил по пяти соседним штатам, разговаривая с многообеща-

ющими выпускниками средних школ, собиравшимися поступать в его любимый Принстонский университет, раз в неделю играл в местном клубе в гольф с представителями окружных властей и поглощал в чрезмерных количествах бурбон восьмилетней выдержки. Он был со всеми знаком и пользовался всеобщим уважением. Прекрасный человек и настоящий американец, Сэм Винсент добился самого высокого процента обвинительных приговоров среди всех окружных прокуроров Аризоны, а также Оклахомы, Миссури и Теннесси.

Его не переизбрали. Больше того, он потерпел сокрушительное поражение от никому не известного адвоката Фебьюса Букинса, добродушного провинциала, от которого постоянно пахло джином. Букинс думал только о том, как за время своего пребывания в должности обчистить государственный карман. Он называл себя реформатором, однако его первостепенная задача состояла в том, чтобы реформировать свой банковский счет в нечто более респектабельное.

Сэм совершил всего одну ошибку, однако такую, какую в его родном штате, да и, по правде говоря, почти везде не простили бы никому. В 1949 году Сэм вел в суде дело против некоего Уиллиса Бодайна, обвиненного в изнасиловании молодой женщины по имени Надин Джонсон. Дело было ничем не примечательное, за исключением того, что Уиллис был белый, а Надин – негритянка. Вообще-то кожа у нее была очень светлая, что называется, «кофе с молоком». К тому же Надин была вовсе не такой уж невинной, какой стремилась показать себя в суде. Однако факты есть факты, закон есть закон. Основные доказательства обвинения добыл Эрл Свэггер, в прошлом следователь в подчинении у Сэма, а к тому времени сержант полиции штата, знаменитый тем, что был удостоен высшей военной награды – медали Почета¹. Давая показания против Уиллиса, Эрл ничем не рисковал, ибо этот независимый упрямец не боялся никого и ничего, а к нему самому относились с уважительным страхом. Сэм, напротив, пошел на большой риск и потерял все, хотя Уиллис был осужден и отсидел шесть месяцев в Такерской исправительной колонии. А что касается Надин, ей пришлось уехать из города, потому что даже в своей среде ее считали шлюхой. Она перебралась в Сент-Луис и продолжала вести прежний образ жизни, что вскоре привело ее к роковому концу. Убийство чернокожей проститутки не вызвало никакого интереса.

Сэм Винсент горько переживал свое поражение. Если его родные решили, что отныне будут видеть главу семьи чаще, они ошиблись. Вместо этого Сэм снял небольшую контору на главной площади окружного центра Блу-Ай и стал проводить там все дни и почти все ночи. Он брался за любые мелкие дела, с которыми к нему обращались, но в основном вынашивал планы, как вернуть потерянную должность. Время от времени Сэм по-прежнему ходил на охоту вместе с Эрлом. Помимо Эрла единственным его другом была Конни Лонгакр, умница с Восточного побережья, которую самый богатый и самый никчемный наследник в округе привез с собой в тридцатые годы из Аннаполиса после неудачной попытки получить образование в местном университете и последовавшей затем провальной карьеры в военноморском флоте. Конни быстро поняла, каким увлекающимся человеком является ее Рэнс, и, занимаясь воспитанием своего хулиганистого сына Стивена, сдружилась с Сэмом – он единственный из этой части Арканзаса бывал в театре на Бродвее, назначал свидание девушке под часами в Балтиморе и не считал Генри Уоллеса² пешкой в руках Красного Кремля.

Сэм ни единого дня в жизни не был дураком. Он прекрасно понимал, что ему в первую очередь необходимо вернуть себе доверие белых. Поэтому он наотрез отказался заниматься делами, в которых были замешаны негры, даже если речь шла об иске одного чернокожего

¹ Медаль Почета – высшая военная награда США, присуждаемая за особые заслуги. Вручается президентом от имени Конгресса. Во время Второй мировой войны эту награду получили всего около пятисот человек.

² Уоллес Генри Эгард – американский государственный деятель, в 1941—1945 гг. вице-президент, лидер либерального крыла Демократической партии. Критиковал политику холодной войны, выступал за социальные реформы и развитие отношений с Советским Союзом.

к другому. Для таких дел в городе имелся адвокат-негр, некий мистер Теополис Симмонс. А тем временем Сэм работал как вол, проводил агрессивную политическую кампанию, держал руку на пульсе всего происходящего в округе, подлизывался к местной аристократии, которая так вежливо показала ему на дверь, и старался держаться в центре внимания.

В один из июньских дней 1951 года с ним произошло необычное событие, ничем не предвещаемое ни за день, ни за неделю до этого. Сэм сидел один в своей конторе и изучал дело о наследстве фермера по фамилии Льюис, который скончался, не оставив завещания. Власти штата собирались конфисковать его поместье за неуплату налогов, вследствие чего жена и четверо детей Льюиса оказались бы низвергнуты из относительного достатка в полную нищету. Сэм собирался не допустить этого, вот только надо было придумать, как именно это сделать...

Он услышал, как открылась входная дверь. Работая на округ, Сэм всегда держал секретаршу, но сейчас, когда он стал сам себе хозяин, секретарши у него не было. Встав из-за стола, Сэм проложил себе путь сквозь густой табачный дым и открыл дверь в приемную. Там на диванчике сидел элегантный господин и рассеянно листал старый журнал «Лук».

– Сэр, вы договаривались о приеме? – спросил Сэм.

Незнакомец поднял взгляд.

Лицо, покрытое мягким загаром, свидетельствующим об отпуске на дорогом курорте, большая залысина на лбу, очень ухоженная внешность, неопределенный возраст – между тридцатью и пятьюдесятью. Общее впечатление достатка. Подогнанный по фигуре синий костюм в тонкую полоску, светло-кремовая рубашка и строгий черный галстук. Жемчужно-серая фетровая шляпа лежала на диванчике рядом; на ногах черные лакированные штиблеты, вероятно сделанные на заказ, и носки с вензелями. Сэм обратил внимание на то, что штиблеты начищены до самых подошв, это свидетельствовало о работе профессионала – на железнодорожном вокзале, в гостинице или в парикмахерской.

– Увы, нет, мистер Винсент. Однако я с радостью договорюсь с вами о том, чтобы вы приняли меня в любое удобное время. Или, если хотите, подожду, пока вы освободитесь.

– Гм, – неуверенно произнес Сэм, почувствовав, что дело пахнет деньгами. – В настоящий момент я поглощен одним делом, мистер... э?..

– Моя фамилия Тругуд, сэр.

– Мистер Тругуд. Вы можете подождать несколько минут, пока я разберу бумаги и наведу порядок на столе?

– Разумеется. У меня и в мыслях не было вам мешать.

Сэм юркнул обратно в кабинет. Быстро собрав бумаги по делу Льюиса, он сунул их в папку и спрятал ее в ящик письменного стола. На столе царил полный разгром, и Сэм навел элементарный порядок, из чего следовало, что после ухода мистера Тругуда ему придется восстанавливать беспорядок. Однако он готов был признать, что щедрый, респектабельный клиент ему сейчас совсем не помешает, явившись хоть какой-то отдушиной от бедняков Льюисов, а также Дженнингсов, Джонсов, Смитов, Боупре, Диконов и Хьюстонов, заполнявших все обозримое будущее. Более или менее подготовившись, Сэм достал из ящика новую тетрадку и, подписав ее: «ТРУГУД», поставил число.

Он открыл дверь.

– Сэр, теперь я могу вас принять.

– Благодарю вас, мистер Винсент.

Изящным движением поднявшись с диванчика, Тругуд улыбнулся и вошел в кабинет, делая вид, что не замечает беспорядка, мусора, разбросанных папок, изъеденной молью оленьей головы и даже висящего в воздухе табачного дыма из вересковой трубки, буквально осязаемого на ощупь.

Пройдя следом в кабинет, Сэм указал Тругуду на стул. Пока он обходил стол, чтобы занять свое место, посетитель достал свою визитную карточку.

– Ага, – заметил Сэм, взглянув на карточку. – Вижу, мы с вами коллеги.

– Вы правы, – подтвердил посетитель.

Судя по визитной карточке, адвокат Дейвис Тругуд работал в юридической фирме «Моусли, Ваканнс и Дестин», 777, Северо-Мичиганское авеню, Чикаго, штат Иллинойс.

– Итак, мистер Тругуд, я полностью к вашим услугам.

– Благодарю вас, мистер Винсент. Позвольте заметить, я много о вас наслышан, и мне пришлось предпринять определенные усилия, чтобы вас разыскать.

– Сэр, я никуда отсюда не выезжал. Я не имел понятия, что слухи о моей деятельности вышли за пределы нашего маленького невежественного штата. И уж тем более не мог предположить, что они дошли до такого большого и образованного города, как Чикаго.

– Ну, сэр, возможно, так далеко слухи все же не дошли. Но они распространились по всему Югу, или, точнее сказать, по определенной части Юга.

– И что же это за часть Юга, сэр?

– Тот Юг, который населен цветными, сэр. Неграми. Вас называют одним из немногих белых адвокатов, которые справедливо относятся к представителям чернокожей расы.

– Что ж, – ответил застигнутый врасплох Сэм, – если под этим понимать то, что в бытность мою окружным прокурором я обрушивал всю строгость закона на преступника, каким бы ни был цвет его кожи, это соответствует действительности. Я верю в закон. Но не спешите судить обо мне, сэр. Меня ни в коем случае нельзя считать борцом за расовое равноправие. Я не являюсь защитником гражданских прав негров и не собираюсь им становиться. Подобно многим, я считаю, что на долю американских чернокожих выпало много несправедливостей. Однако я также считаю, что исправление этого положения – процесс длительный. Я не сторонник того, что следует разрушить все до основания ради сомнительных моральных понятий, ибо это восстановит против меня представителей моей собственной расы, выплеснет гнев озлобленных белых на бедных негров и в конечном счете приведет ко всеобщей разрухе. Поэтому, мистер Тругуд, если вы считаете меня человеком, способным возглавить крестовый поход, потребовать пересмотра закона, бросить перчатку, сжечь мосты, спеть гимн или совершить какой-нибудь другой подвиг, должен вас предупредить: вы ошибаетесь.

– Мистер Винсент, благодарю вас за искренность. Должен признаться, большинство адвокатов-южан предпочитают разговаривать на каком-то особом языке, понять который может только выпускник «Старой мисс»³ или Университета Алабамы. Вы, сэр, по крайней мере, прямо выражаете свои мысли.

– Я нахожусь в этом удовольствие. Вероятно, это следствие того, что я получил образование на Восточном побережье.

– Замечательно, сэр. Итак, перейдем к делу. Мне нужен поверенный, который отправился бы в один маленький городок в провинциальной глубинке Юга и навел там кое-какие справки частного характера. Этот человек должен быть чрезвычайно умным, обладать определенным обаянием, быть упрямым, как наш Господь, и абсолютно неподкупным. Кроме того, он должен быть достаточно храбрым или хотя бы не пасовать, столкнувшись с проявлением враждебности. Этот человек также должен уметь одинаково свободно общаться с представителями различных рас – белыми и неграми. Он должен уметь ладить с сотрудниками правоохранительных органов определенного типа – такими, которые сначала сбивают с человека шляпу, а уж потом разговаривают с ним. Вознаграждение за эту работу, которая продлится примерно неделю, будет весьма высоким, учитывая сложность порученного дела.

³ Прозвище Университета Миссисипи, известного своими консервативными порядками.

Полагаю, у вас нет никаких моральных предубеждений против высокого вознаграждения, не так ли, мистер Винсент?

– Высокое вознаграждение. В моей карьере эти два слова крайне редко встречаются в одном предложении. Да, мистер Тругуд, пожалуйста, продолжайте. Мое внимание всецело принадлежит вам.

– Благодарю вас, сэр. Мне поручено проследить за тем, как будет выполнена последняя воля одного довольно состоятельного жителя Чикаго, умершего некоторое время назад. В течение многих лет у этого человека находился в услужении некий негр по имени Линкольн Тилсон.

Сэм записал в тетрадке: «Негр Линкольн Тилсон».

– Этот Линкольн Тилсон преданно охранял имущество моего клиента, – продолжал Тругуд, – был мастером на все руки, а также выполнял обязанности телохранителя, садовника и личного шофера. Своим живым и веселым характером он поднимал настроение моему клиенту, в какой-то степени способствуя его крайне успешной деловой карьере.

– Я вас внимательно слушаю, сэр, – сказал Сэм.

– Пять лет назад Линкольн Тилсон наконец решил удалиться на покой. Мой клиент выделил ему сумму – весьма значительную – и тепло распрощался с ним. Он даже отвез своего бывшего слугу на центральный вокзал штата Иллинойс к поезду до Нового Орлеана. Таким образом, Линкольн проделал в обратном направлении тот самый путь, каким много лет назад приехал на Север, ибо старый негр мечтал о том, чтобы вернуться к простым наслаждениям жизни на Юге. Линкольн возвратился в свой родной городок Фивы в округе Фивы, штат Миссисипи.

Записав это, Сэм заметил вслух:

– Если так можно выразиться, вот уж самая что ни на есть провинциальная южная глубинка.

– Вы совершенно правы, сэр.

Название Фивы вызвало в памяти Сэма смутный образ. Он вспомнил, что Фивы были городом в Древней Греции, и довольно большим, из-за которого в античном мире часто велись войны. Почему-то в сознании Сэма с этим городом ассоциировалась цифра «семь».

– Вижу ваше недоумение, сэр, – сказал Тругуд. – Вы человек образованный и, несомненно, вспомнили трагедию древнегреческого драматурга Эсхила «Семеро против Фив». Смеем вас заверить, в данном случае нет речи ни о какой армии под предводительством семейных героев. У Фив из штата Миссисипи нет ничего общего с местом действия трагедии Эсхила. Это сонный негритянский городок в верховьях реки Яксахатчи, притока реки Паскагулы. В окрестностях Фив расположена знаменитая, точнее, печально знаменитая тюрьма для цветных, которая называется Фиванской колонией.

– Совершенно верно, – подтвердил Сэм. – Тюрьма пользуется легендарной известностью среди чернокожих преступников, с которыми я часто сталкивался в молодости, работая окружным прокурором. «Никто не хочет попасть в Фивы, – говорили они. – Из Фив не возвращается никто, никогда и никак». Или что-то в этом духе.

– Похоже, по простоте душевной негры путали Фивы с царством Аида. Да, Фивы никак нельзя назвать приятным местом. Никто не хочет попасть в Фивы.

– Однако вы хотите, чтобы я туда отправился. Именно поэтому вознаграждение будет таким высоким?

– Ну, во-первых, нужно принять в расчет трудности с дорогой. Вам предстоит нанять в Паскагуле лодку, а путешествие вверх по реке будет очень нелегким. Река, насколько я понимаю, глубокая и мутная; ее окружают негостеприимные болота. В Фивы ведет единственная сухопутная дорога через эти самые непроходимые болота; ее размыло несколько лет назад, и округ Фивы, который нельзя назвать богатым, никак не может собраться начать ремонт.

– Понимаю.

– Условия размещения в Фивах будут самые примитивные.

– Во время последней заварушки в Европе мне не раз приходилось спать в сараях, мистер Тругуд. Я могу снова какое-то время пожить в сарае, худо мне от этого не станет.

– Превосходно. Ну а теперь перейдем собственно к вашей задаче. Наследство моего клиента – как я уже говорил, весьма значительное – зависло в воздухе, потому что мистера Линкольна Тилсона, похоже, больше не существует. Я предпринимал попытки связаться с администрацией округа Фивы, но безрезультатно. По телефону мне отвечали какие-то недоумки – когда телефонная связь работала, что случалось крайне редко. Ни на одно письмо до сих пор не получен ответ. Судьба Линкольна Тилсона неизвестна, и поэтому солидный капитал оказался замороженным, к огромному недовольству алчных и никчемных наследников моего клиента.

– Понимаю. Моя задача будет состоять в том, чтобы разыскать или самого Линкольна, или свидетельства о его судьбе. Какой-нибудь документ или что-нибудь подобное?

– Да. Для этого придется иметь дело с неохочими до разговоров южанами. Мне, разумеется, нужен человек, знающий их язык или, точнее, диалект. Услышав в моем голосе чикагское произношение, эти люди тотчас же окаменеют. Их глаза станут мертвыми. Они лишатся способности слышать. Одним словом, мгновенно деградируют по эволюционной лестнице обратно в неолит.

– Все может произойти и так, но на самом деле южане – честные и добрые ребята, и если вы не будете выпячивать свое северное превосходство и вместо этого потратите время на то, чтобы вслушаться в их неторопливую речь, они, скорее всего, вознаградят вас искренней дружбой. Вероятно, тут есть что-то еще?

– Действительно есть. – Тругуд указал на свой изящный костюм, на лакированные ботинки, английский галстук. В золотых запонках красовалось по сапфиру приличных размеров, каждый из которых, вероятно, стоил больше, чем Сэм заработал за последние полгода. – Я для них совершенно другой человек, и в некоторых частях Юга – скажем, в Фивах – это различие не останется незамеченным.

– У вас броская внешность, но так и должен выглядеть светский человек.

– Боюсь, именно это их и оскорбит. И, честно говоря, я отнюдь не храбрец. Мое место – письменный стол в кабинете. Поединок с оппонентом, быстрота реакции, столкновение воли – это не для меня. Умный человек понимает пределы своих возможностей. В детстве я никогда не любил драться и всячески избегал спортивных соревнований.

– Понимаю.

– Вот почему я покупаю не только ваш ум, но и ваше мужество.

– Вы меня переоцениваете. Я совершенно обычный человек.

– Во время последней войны вы удостоились боевой награды.

– На этой войне почти все были героями. Мне довелось видеть настоящую храбрость; я же лишь делал то, что должен был делать.

– Вижу, я сделал абсолютно правильный выбор.

– Надеюсь, сэр.

– Благодарю вас, мистер Винсент. Вот сумма вознаграждения, которое я хочу вам предложить.

Написав цифру на обороте визитной карточки, он протянул ее Сэму, и у того перехватило дыхание.

– Похоже, вы посылаете меня своим поверенным прямо в ад, – заметил Сэм. – Но, надо признать, вы щедро за это платите.

– Уверяю вас, вы честно отработаете эти деньги до последнего гроша.

Глава 02

Несколько дней ушло у Сэма на то, чтобы обналичить в банке чек, выписанный Тругудом в качестве аванса, разобраться с неотложными делами, заказать билет на экспресс до Нового Орлеана и провести целый вечер в муниципальной библиотеке Форт-Смита, читая все, что имелось в ней о Фивах и местной исправительной колонии. Сэм пришел в ужас от прочитанного.

В последний вечер перед отъездом он наконец остался один на один со своими тревогами. Сев в машину, Сэм проехал двенадцать миль на восток вдоль Арканзасского шоссе №8 до маленького поселка Борд-Камп; свернув с шоссе налево, он преодолел полмили по ухабистой грунтовой дороге, которая вела к неожиданно большому белому дому, расположенному на вершине холма, господствующего над земельным участком. Сам дом был недавно выкрашен, как и стоящий за ним сарай. Чувствовалось, что за примыкающим к дому садом ухаживает заботливая рука: на дворе стоял июнь, но в саду царил буйство всевозможной растительности, которая прекрасно чувствовала себя под раскаленным солнцем западного Арканзаса. Вдалеке на лужайке паслось несколько коров, но основная часть территории оставалась заросшей деревьями – там Сэм и владелец участка охотились осенью на оленей, когда им не хотелось далеко ходить.

Сэм подъехал к самому дому, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд. Это был маленький сын Эрла Боб Ли, которому не было еще и пяти. Боб Ли, серьезный мальчик, обладал способностью при желании сохранять полную неподвижность. Он был прирожденным наблюдателем. Малыш уже несколько раз ходил на охоту вместе со взрослыми и показал настоящий талант к этому кровавому развлечению: он читал следы на земле, разбирался в игре света и тени в лесу, чувствовал, какую погоду несет ветер, хотя, конечно, до того, чтобы получить в руки оружие, ему нужно было подождать еще несколько лет. Тем не менее на охоте Боб Ли не носился как угорелый по лесу, а уже проявлял взрослую выдержку. Сэм, будучи крестным отцом мальчика, дал клятвенное обещание вывести его в люди; Эрл был непреклонен в том, что его сын заслуживает большего, чем судьба морского пехотинца, неприкаянного скитальца, человека, сделавшего своим ремеслом убивать других, – каким был сам Эрл. Для своего единственного сына Эрл хотел чего-нибудь более стабильного – карьеры в медицине или в юриспруденции. Для него это было очень важно, а если для Эрла что-то было важно, он, как правило, добивался своего.

– Привет, Боб Ли, – окликнул мальчика Сэм.

– Здравствуйте, мистер Сэм, – ответил тот.

Боб Ли сидел на крыльце, устремив взгляд вдаль. Сгущались сумерки.

– Вижу, твой отец все еще на службе. Он скоро вернется?

– Неизвестно, сэр. Вы же знаете, что папа приезжает и уезжает, когда хочет.

– Да, знаю. Одного только не могу понять: как у такого работающего отца может быть такой ленивый сын, который только и делает, что сидит на месте, словно лягушка на бревне.

– Я запоминал.

– Это меня нисколько не удивляет. Запоминал землю? Птиц? Небо и облака?

– Что-то вроде этого, сэр.

– О, ты у нас будешь мудрецом. Вижу, тебе достался весь семейный ум. И ты обязательно станешь богатым. Мама дома?

– Да, сэр. Я схожу за ней.

Мальчишка умчался в дом, а Сэм остался ждать. Он был в достаточно близких отношениях с семьей Свэггеров и мог бы пройти в дом без приглашения. Однако сейчас его не покидало какое-то смутное беспокойство.

Появилась Джун Свэггер. Господи, все такая же красавица! А сколько испытаний выпало на ее долю! Говорили, что беременность была очень тяжелой, а Эрл появился лишь перед самыми родами, так что помощи ждать было неоткуда. Поэтому бедняжке приходилось вкалывать в поте лица по пятнадцать часов в сутки. Говорили также, что Джун так до конца и не оправилась после родов. Она осталась какой-то рассеянной, словно плохо слышала то, что ей говорят. Самое большое наслаждение Джун находила в этих проклятых цветах: она могла часами оставаться под палящим солнцем, пропалывая, рыхля, поливая их. И еще говорили, что больше детей у нее не будет.

Бледная и усталая, Джун подошла к Сэму.

– О, какая неожиданность, мистер Сэм. Добрый день. Проходите в дом.

– Огромное спасибо, Джуни, но я не хочу, чтобы вы хлопотали вокруг меня. Я приехал только для того, чтобы немного поболтать с Эрлом. Не рассматривайте мое появление как визит. Я не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Глупости! Садитесь за стол, я налью вам стакан отличного лимонада. А потом вы непременно поужинаете с нами.

– Нет, мэм, об этом не может быть и речи. Я заканчиваю подготовку к деловой поездке в Новый Орлеан. Завтра рано утром мне нужно ехать в Мемфис, чтобы успеть на поезд.

– Знаете, мистер Сэм, Эрл нередко так задерживается на работе, что возвращается домой совсем поздно.

– Знаю. Какая досада, что после всех передрыг, через которые ему пришлось пройти, он не может вести более спокойную жизнь.

Джун ничего не ответила, но ее лицо как-то сразу напряглось. Помолчав, она сказала:

– Боюсь, у Эрла другое на уме. По-моему, у него не выходит из головы Корея. Я опасаясь, как бы ему не втемяшилось отправиться на новую войну. Он ведь уже достаточно повоевал на своем веку. Но мне знакомо это его настроение. У него это в натуре: идти туда, где стреляют. Вроде бы для того, чтобы чем-то помочь, но, возможно, из каких-то более темных побуждений.

– Согласен, Джуни. Эрл – человек, рожденный для того, чтобы воевать. И все же я думаю, что за этой войной он будет наблюдать, сидя на крыльце своего дома. Его раны до сих пор не зажили до конца, да и вряд ли он захочет расстаться с вами и мальчиком.

– О, мистер Сэм, вы так складно говорите. Но я не верю ни одному вашему слову – никогда не верила и не буду верить впредь. – Джун рассмеялась, и ее лицо снова просветлело. – Ладно, если хотите, сидите здесь. Эрл вернется скоро, а может быть, и нет – как сочтет нужным. А я все равно принесу вам лимонад, и не отказывайтесь.

Сэм сел на крыльце и стал смотреть, как вокруг сгущаются сумерки. Он готов был просидеть всю ночь напролет в ожидании Эрла, но в этот вечер Эрл решил вернуться домой пораньше, и уже через несколько минут Сэм увидел на дороге черно-белую машину дорожной полиции штата Арканзас, поднимающую стену пыли. Эрл вот уже четыре года собирался заасфальтировать дорогу или хотя бы засыпать ее щебнем, но все никак не мог найти для этого средства. Сэм не раз предлагал ему одолжить деньги, но Эрл, разумеется, упрямо отказывался, не желая связывать себя долгами и уж тем более оставлять их своим наследникам, если его собственный пессимистический взгляд на жизнь сбудется и он встретит смерть от пули на каком-нибудь грязном поле.

Эрл вышел из машины, улыбаясь, ибо он уже издали заметил Сэма. Во всем мире Эрл любил только свою семью, Корпус морской пехоты Соединенных Штатов и Сэма Винсента.

– Ну, мистер Сэм, почему вы не предупредили меня о своем приезде? Джуни, принеси нашему гостю что-нибудь покрепче лимонада и поставь на стол еще один прибор.

Эрл поднялся на крыльцо. Это был высокий мужчина, больше шести футов ростом, до сих пор не расставшийся до конца с загаром, полученным под тихоокеанским солнцем, отчего его принимали за индейца. Его неторопливый, рокошующий голос был известен всему округу, а остриженные коротким ежиком волосы – Эрл снял широкополую шляпу – только начинали седеть. Ему было около сорока, и его тело было покрыто кружевным плетением шрамов и ран, наспех зашитых в полевых условиях. Эрла штопали столько раз, что живой плоти в нем было чуть ли не меньше, чем хирургических швов – летописи двух войн, оставленной на человеческом теле. У него были большие, мускулистые руки, накачанные работой в поле по выходным, а лицо по-прежнему сохраняло то самое странное спокойствие, которое воодушевляло боевых соратников Эрла и наводило ужас на преступников. В целом он производил впечатление человека, которому все по плечу. И это действительно было так.

– Он сказал, что не останется на ужин, – крикнула из дома Джун, – хотя, видит бог, я его уговаривала. Привяжи его к стулу, и можно будет начинать.

– Боб Ли очень расстроится, если старина Сэм не расскажет ему на ночь сказку, – заметил Эрл.

– Хорошо, Эрл, я останусь и прочитаю мальчику сказку. – Своим зычным голосом, привыкшим к судебным заседаниям, Сэм читал сказки лучше артистов с радио. – Мне бы очень хотелось, чтобы мой приезд был вызван исключительно желанием повидаться с другом. Но, увы, мне нужно обсудить с тобой одно дело.

– Господи, неужели у меня какие-то неприятности?

– Нет. Однако, возможно, у меня они будут.

Все поменялось местами. В определенном смысле Сэм стал Эрлу чем-то вроде отца, поскольку родной отец оказался для Эрла полным разочарованием, а ему было жизненно необходимо кому-то верить. И Эрл отвел эту роль Сэму, когда работал два года у него в прокуратуре, прежде чем полковнику Дженксу удалось переманить Эрла в дорожную полицию. Между двумя мужчинами установились прочные дружеские узы, и Сэм был единственным человеком, с которым Эрл, ни перед кем не раскрывавший душу, обсуждал большую войну на Тихом океане и маленькую войну в Хот-Спрингсе.⁴

Мужчины уселись на крыльце. Джун принесла мужу стакан лимонада, а он, в свою очередь, отдал ей ремень с кольцом 357-го калибра в кобуре, наручниками и запасными обоймами, и Джун отнесла все в дом.

Эрл ослабил узел галстука и положил шляпу на пустой стул. Его высокие ковбойские сапоги покрывал слой пыли, но под пылью они были начищены до самых подошв.

– Ну хорошо, – сказал он. – Я внимательно слушаю.

Сэм вкратце рассказал о поручении отправиться в Фивы, штат Миссисипи, и об учетном, обходительном коллеге-адвокате, который предложил эту работу, пообещав солидный гонорар.

– По-моему, тут все чисто, – заметил Эрл.

– Но ты ведь слышал об этой тюрьме в Фивах.

– От белых – никогда. Белые предпочитают притворяться, что таких мест не существует. Но от негров – да, иногда приходилось слышать.

– У нее страшная репутация.

– Вы правы. Однажды я остановил наркокурьера, который слишком быстро мчался по Семьдесят первому шоссе в Канзас-Сити. Весь багажник его машины был набит травкой, которую любят курить негры. Так вот, этот парень до смерти испугался, что я отправлю его в Фивы. Я думал, он умрет от разрыва сердца. Ничего подобного я не видел. Мне потребовался

⁴ После войны Эрл принял участие в уничтожении преступной банды, которая взяла под контроль игорный бизнес в Хот-Спрингсе. Эти события описаны в книге «Жарким кровавым летом» («Хот-Спрингс»).

целый час, чтобы привести его в чувство, а затем еще один час, чтобы втолковать бедолаге, что мы находимся не в Миссисипи, а в Арканзасе и я не смог бы отправить его в Фивы, даже если бы захотел. Вместо этого я отправил его в Такерскую колонию, которая тоже не покажется ему курортом. Но на суде он чуть ли не рыдал от счастья. Такер – это не Фивы, по крайней мере с точки зрения негров.

– Знаешь, они словно живут в другой вселенной, – задумчиво произнес Сэм. – Нам этого не понять. Негритянская вселенная населена духами, она более чувствительна к природе и ближе к земле. Они мыслят совсем по-другому. Порой совершенно невозможно понять, почему они поступают так, а не иначе. Негры – это мы миллион лет назад.

– Возможно, вы правы, – согласился Эрл. – Хотя те, которых я видел на Тараве⁵, истекали кровью и умирали в точности так же, как белые.

– Вот поэтому меня и не покидает беспокойство, – признался Сэм. – Я тут на днях съездил в Форт-Смит и прочитал все, что только смог найти об этом месте. Похоже, там происходит что-то такое, отчего мне стало не по себе.

– Что может напугать Сэма Винсента?

– Видишь ли, согласно данным статистического центра Соединенных Штатов, пять лет назад в Фивах, штат Миссисипи, имелись лесопилка, прачечная, продовольственный магазин, бакалейная лавка, кинотеатр, два ресторана, два гриль-бара, врач, зубной техник, мэр, шериф и ветеринар.

– Ну и?..

– Сейчас ничего этого нет. Все эти люди закрыли свои заведения и уехали.

– По всему Югу негры постоянно переезжают с места на место. Миссисипи – это хлопчатник, а хлопчатник уже давно не король сельскохозяйственных культур. Негры уезжают через Центральный вокзал штата Иллинойс на Север, к хорошо оплачиваемой работе и счастливой жизни.

– Знаю, я и сам сперва подумал то же самое. Поэтому я взял наугад пять маленьких городов, разбросанных по всему штату Миссисипи. Но хотя во всех пяти произошло определенное сокращение числа предприятий и значительно уменьшилось население, города продолжают жить полноценной жизнью. Так что это действительно кажется странным.

Эрл ничего не сказал.

Сэм продолжил:

– Потом непонятно, что там с этой дорогой. В течение многих лет в Фивы вело шоссе, и оно также поддерживало деловую жизнь города. Заправочные станции, столовые, закусовые и все такое. Но некоторое время назад дорогу смыло, и городок вместе с окружающими болотами и сосновыми лесами оказался наглухо отрезан от цивилизации – ну, по крайней мере, в том виде, в каком она существует в Миссисипи. Можно было бы предположить, что власти города поспешат восстановить шоссе, ибо оно, особенно на бедном сельскохозяйственном Юге, является единственной дорогой к возрождению. Однако по прошествии стольких лет шоссе так и остается размытым, и, насколько мне удалось выяснить, никто даже не предпринимал попыток его восстановить. Единственный способ попасть в Фивы – это долгое путешествие вверх по мутной реке. Но и речное сообщение не является регулярным. Тюрьма раз в неделю отправляет вниз по реке судно, чтобы получить припасы и забрать новых осужденных, но сам город Фивы остается словно закупоренным. Туда нелегко попасть, оттуда нелегко выбраться, и всех, похоже, это устраивает. Разве это не странно?

– Знаете, сэр, – сказал Эрл, – возможно, без шоссе город просто умирает, вот почему жизнь там постепенно угасает.

⁵ Тарава – крупнейший атолл из островов Гилберта, во время Второй мировой войны захваченный американскими войсками в ходе кровопролитной десантной операции, проходившей 20–23 ноября 1943 г.

– Подобное объяснение возможно. Вот только упадок Фив начался за три года до этого. Складывается впечатление, что шоссе – это последняя ленточка на упаковке.

– Гм, – задумчиво произнес Эрл. – Если вас это так тревожит, быть может, вам лучше не ездить туда.

– Понимаешь, я уже не могу отказаться. Я принял задаток и тем самым взял на себя профессиональные обязательства, от которых не могу уклониться.

– Вы не хотите, чтобы я отправился вместе с вами на тот случай, если там вас ждут неприятные сюрпризы?

– Нет-нет, Эрл, ни в коем случае. Я просто хочу, чтобы ты был в курсе. В этом пакете все, что мне известно по этому делу и что мне удалось разыскать, мой предполагаемый маршрут и так далее. Завтра в десять сорок пять утра я уезжаю на поезде из Мемфиса и к пяти уже буду в Новом Орлеане. Переночую в гостинице, а на следующее утро найму такси до Паскагулы. Там я найду лодочника и послезавтра к вечеру доберусь до Фив. Если я смогу найти телефон, то буду ежедневно звонить тебе или своей жене. Если не смогу – что ж, я просто завершу свое дело и возвращусь домой.

– Хорошо. Тогда давайте условимся относительно даты. Если к этому времени вы не вернетесь, тогда уже я начну выяснять, в чем там дело.

– Благодарю тебя, Эрл. Огромное спасибо. Ты понял, к чему я клонил.

– Мистер Сэм, можете положиться на меня.

– Эрл, если ты сказал слово, можно считать, что дело уже сделано.

– Я бы на вашем месте захватил с собой оружие. Но только не охотничье ружье, а пистолет. Насколько мне известно, у вас сохранился армейский сорок пятого калибра?

– Нет, Эрл. Я предпочитаю действовать силой ума, а не оружия. Я адвокат. Оружие мне только помешает. Мои путеводные нити – логика, справедливость, гуманность и, главное, закон.

– Мистер Сэм, там, куда вы отправляетесь, подобные понятия, может статься, всего лишь пустые слова. Скажу честно: если бы мне предстояло ехать туда, я обязательно захватил бы с собой оружие.

– Эрл, ты поступай по-своему, а я буду поступать по-своему. И не будем больше об этом. А сейчас давай почитаем сказку Бобу Ли.

– Уверен, он будет рад. Больше всего ему нравятся страшные.

– Книга братьев Гримм еще цела?

– Его любимая.

– Что ж, там есть две-три мрачные истории.

– Значит, сегодня будет мрачная сказка.

Глава 03

Хотя Сэм любил Новый Орлеан, его пребывание в городе было по-профессиональному скромным. Отказавшись от всех соблазнов, он снял номер в гостинице, поужинал в столовой и лег спать пораньше, предварительно тщательно составив перечень всех расходов, чтобы впоследствии отчитаться перед своим клиентом. На следующее утро Сэм нанял машину с водителем и начал долгий путь по федеральному шоссе №90, извивающемуся вдоль побережья.

Луизиана быстро осталась позади, и начался Миссисипи. Поездка, по крайней мере вначале, оказалась очень приятной. Водитель по имени Эдди молчал, а в большом «кадиллаке» было уютно.

– Это модель тысяча девятьсот сорокового года, – объяснил Эдди. – Самая последняя и самая лучшая.

И это были все слова, которые он произнес в дороге.

Сэм снял и аккуратно свернул пиджак, закатал рукава рубашки и положил соломенную шляпу на сиденье рядом с собой, подставляя лицо освежающему ветерку, который врывался в открытое окно большого черного автомобиля. Разумеется, галстук он даже не ослабил; в конце концов, всему есть свои пределы. Но он достал любимую трубку, раскурил ее и стал просто смотреть в окно. Справа от дороги голубые волны залива ласково набегали на белый песок. Машина проносилась мимо маленьких красивых городков, похожих друг на друга и в то же время неповторимых, быстро осваивающих курортный бизнес, который только начинал разворачиваться в здешних местах. Чистые, залитые солнцем города Галфпорт и Билокси полностью переключились на обслуживание туристов. На бесконечных пляжах загорали парочки, красивые и не очень. Ветерок с моря трепал пляжные зонтики, а в домах вдоль шоссе сдавались комнаты, причем нередко «с бесплатным телевизором», как гордо сообщалось на табличках.

Но за Билокси все переменялось. Сюда уже никто не приезжал ради солнца и песка, и пляжи оставались нерасчищенными. Манго, папоротники, низкорослые сосны и прочая растительность, чьей единственной отличительной чертой был сочный зеленый цвет, спускались к узкой полоске шоссе, идущей вдоль самой воды – которая, как показалось Сэму (быть может, это была лишь игра воображения), сменила оттенок с беззаботно-голубого на грязно-бурый. В воде висел осадок, придававший реке вид огромной сточной канавы. Это впечатление подкреплялось висящим в воздухе резким химическим запахом.

Паскагула, как выяснилось, была достаточно крупным промышленным центром. Здесь господствовали целлюлозно-бумажные комбинаты; на втором месте шли судостроительные верфи. В прошлом город бился изо всех сил, развивая производство, однако сейчас наступили трудные времена. Бумажная промышленность переживала спад, а строительство кораблей прекратилось с окончанием войны. Теперь Паскагула представляла собой печальное зрелище; бум военных лет закончился, но все успели почувствовать вкус к большим, легким деньгам.

И опять-таки, быть может, у Сэма просто разыгралось воображение, однако ему повсюду виделись отчаяние и обреченность. Улицы оставались пустынными; никто не подкрашивал облупившиеся вывески; торговля замерла. Немилосердно пекло испепеляющее солнце, и от зловония бумажных комбинатов болела голова.

– Сэр, вам нужно какое-то конкретное место? – спросил Эдди. – Или вас отвезти в гостиницу?

Сэм взглянул на часы. Времени было всего одиннадцать часов утра. Да, он с удовольствием отправился бы в гостиницу, сытно пообедал бы в комнате с мощным вентилятором

или, быть может, даже с кондиционером, а потом соснул часок-другой. Однако Сэм решительно прогнал подобные мысли. У него был жесткий подход ко всему, но в первую очередь к долгу и ответственности.

– Нет, Эдди, меня ждут дела. Ты... э... хорошо знаешь город?

– Не особенно, сэр. Я из Нового Орлеана. Не люблю бывать в этих жарких маленьких городках.

– Что ж, в таком случае, полагаю, нам лучше всего начать с муниципалитета или полицейского участка. Перед тем как двинуться дальше, мне бы хотелось переговорить с официальными властями.

– Да, сэр. Думаю, тут я смогу вам помочь.

Эдди достаточно быстро отыскал то, что было нужно Сэму: на одной стороне улицы стояла городская ратуша, а напротив нее здание полицейского участка с припаркованными возле него мотоциклами и патрульными машинами.

Сэм решил первым делом обратиться в административные органы, оставив правоохранные на потом. Он надел пиджак, затянул все, что можно было затянуть, поправил все, что можно было поправить, и водрузил на голову шляпу, как подобало его положению и достоинству. Эдди высадил его перед помпезной лестницей, ведущей к довольно убогой двери. Поднявшись по ступеням, Сэм прошел между изваяниями двух героев-конфедератов, взиравших на залив.

Войдя в вестибюль, он справился у клерка за столом, получил указания и пошел по коридору, разыскивая кабинет городского прокурора. Найти его оказалось нетрудно, и Сэм, шагнув в стеклянные двери с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ», очутился в просторной приемной с кожаными креслами и иллюстрированными журналами на столике. В приоткрытую дверь с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ЦВЕТНЫХ» была видна другая приемная, обставленная убогой мебелью и забитая несчастными неграми. Сэм повернулся к сидящей за письменным столом секретарше, белой женщине с аккуратно уложенными волосами, которая заправляла здесь всем по праву сурового лица и обилия косметики.

Он протянул свою визитную карточку.

– Да, сэр?

– Мэм, мне хотелось бы узнать, смогу ли я переговорить с мистером... – Сэм замялся, вспоминая фамилию на табличке, – с мистером Каррузерсом.

– По какому вопросу вы хотите с ним встретиться? – спросила секретарша, одарив его южной улыбкой, которая ровным счетом ничего не значила.

– Мэм, я сам долгое время работал прокурором и лишь недавно оставил свою должность вследствие недоразумения на выборах. Мне хотелось бы переговорить со своим коллегой.

– Вы отсюда, из Миссисипи?

– Нет, мэм. Я приехал к вам издалека. Западный Арканзас, округ Полк. Все это указано в карточке.

– Хорошо, я сейчас узнаю.

В конце концов к Сэму вышел не Каррузерс, а некий мистер Редфилд, заместитель городского прокурора. Подчеркнуто не обращая внимания на толпящихся в приемной чернокожих, он сердечно пожал Сэму руку и провел его в маленький уютный кабинет. Пока они шли, Сэм лихорадочно рылся в памяти и наконец понял, почему Редфилд согласился его принять: они встречались в 1941 году на каком-то съезде в Атлантик-Сити, на котором собрались прокуроры провинциального Юга незадолго до начала войны.

– Рад видеть, что вы вернулись живым и здоровым, мистер Редфилд, – сказал Сэм.

– Увы, мне так и не дали возможность отправиться на войну, – ответил тот, открывая дверь в маленький уютный кабинет. – Все четыре года, пока вы, ребята, развлекались, я

проторчал здесь, разбираясь с теми, кто уклонялся от призыва. Где вы встретили победу? В Европе, не так ли?

– Да. Я служил в артиллерии.

– Получили какие-нибудь награды?

– Да нет, я просто делал свое дело. Рад, что возвратился домой целым и невредимым.

Достав из шкафчика бутылку бурбона, Редфилд налил себе и гостю. Бурбон оказался замечательным. Редфилд и Сэм уселись в кресла и принялись болтать о том давно минувшем съезде, обсуждая его участников, вспоминая, кто умер, кто развелся, кто ушел на пенсию, кто разбогател, кто стал бедным. После этого Редфилд аккуратно перешел на местные политические новости и сплетни, поговорил о своих шансах получить хорошую должность на следующих выборах, мол, не лучше ли подождать 1956 года, и обсудил местные условия, признавшись со смехом, что спасти положение дел может лишь приход на Юг какой-нибудь похоронной компании с Севера, которая занимается производством водонепроницаемых гробов и сможет дать работу оставшимся без дела судовым плотникам. А пока что вся надежда на то, что правительство потеряет у берегов Кореи так много эсминцев, что придется строить новые. На самом деле Сэму все это было совершенно безразлично, но именно так делаются дела на Юге. Наконец после десятисекундной паузы вторая порция бурбона возвестила о том, что время пришло, и Сэм изложил свое дело.

Он рассказал все, в заключение поделившись своим беспокойством относительно предстоящей поездки.

– Ну, – сказал Редфилд, – если честно, я мало что могу сообщить о Фивах. Это вверх по реке, и между нами еще два округа. По пути ничего, кроме заболоченных протоков, диких негров и индейцев-чокто, охотящихся на аллигаторов и зубаток, а потом начинаются густые сосновые заросли, совершенно непроходимые. По крайней мере, для белого человека.

– Понимаю.

– Не представляю, зачем кому бы то ни было отправляться туда по своей воле.

– Видите ли, Редфилд, на самом деле я не хочу туда ехать. Но я взялся за это дело. Я надеялся, что вы напишете мне рекомендательное письмо или сообщите мне фамилию коллеги, на чье доброе отношение я смогу рассчитывать.

– В большинстве округов этот подход был бы идеален, и мы именно так бы и поступили. Но Фивы – сейчас в Фивах это не пройдет. Там тюрьма, и в этом все дело. Вам надо было бы заручиться поддержкой управления исправительных учреждений штата, но, насколько мне известно, эти ребята очень ревниво охраняют свою территорию. Они не любят чужаков, особенно чужаков с Севера...

– Разве Арканзас – это Север?

– Поймите меня правильно, сэр, я вовсе не говорю, что разделяю подобное мнение, но именно так рассуждают эти люди. Я лишь хочу, чтобы вы правильно представляли себе ситуацию. Они там крепко держатся друг за друга. У них на руках полно цветных, из которых кто-то курит травку, кто-то беспробудно пьет, кто-то наслушался агитации коммунистов с Севера и плюс ко всему этому врожденная склонность негров к анархии и беспорядкам, постоянно выливающаяся в драки, которые они устраивают просто от безделья. Так что у белых и своих забот хватает, понимаете? Я бы не стал туда соваться.

– Ясно.

– Простите меня за то, что я лезу со своими советами, но я бы на вашем месте просто развернулся и отправился обратно на Север. Да, сэр. А потом написал бы этому типу из Чикаго, что все в порядке, беспокоиться нечего, свидетельство о смерти уже в пути. Насколько я понимаю, речь идет об официальном утверждении прав на наследство? После чего я бы обо всем забыл. Конечно, через какое-то время тип из Чикаго начнет засыпать вас

гневными письмами, но, черт возьми, он ведь янки, а янки только и умеют, что беситься по каждому пустяку.

– Так, Редфилд, слушайте вот что: пойти на это я не могу. Я взял деньги и должен выполнить работу.

– О, успокойтесь, Винсент. Не вы первый получите задаток, напишете письмо и обо всем забудете. Просто лично я держался бы от Фив подальше. Там царят свои порядки, и люди там не любят, когда посторонние суют нос в их дела. Я готов написать вам рекомендательное письмо, но вот только для кого?

– Кому, – поправил его Сэм.

– Для кого, кому – какая разница. В этих Фивах, выше по течению мутной, черной реки, писать рекомендательное письмо просто некому. Там не с кем рассиживать под вентилятором и вести милые беседы, потягивая ржаное виски. Там люди сидят на огромной пороховой бочке, черт побери, вот где они сидят. На черномазой пороховой бочке. Им постоянно приходится заботиться о том, чтобы она не взорвалась, и, на мой взгляд, это настоящий героизм.

– Редфилд, мне довелось побывать в разных тюрьмах, как для белых, так и для негров. Про тех, кто там работает, можно говорить разное, но слово «героизм» применительно к ним я бы употребил в самую последнюю очередь. Лично я остановился бы на чем-нибудь вроде «вынужденной необходимости».

– Знаете, у вас, на интеллигентном и культурном Севере, все ясно и понятно и на любой вопрос найдется ответ. А здесь у нас, где никогда не бывает снега и все меняется медленно, за исключением тех случаев, когда все меняется стремительно и с кровью, дела обстоят гораздо запутаннее. Здесь порой становится очень горячо. Вот почему у нас есть Фивы. Ниггеры должны знать, что на свете есть Фивы, и как только они начинают слишком задирать нос, именно в Фивы их и отправляют. Так что Фивы в каком-то смысле важнее Джэксона, Билокси, Оксфорда или Паскагулы. Без Фив не было бы ни Джэксона, ни Билокси, ни Оксфорда, ни Паскагулы. Без Фив штат Миссисипи превратился бы в Конго, а Америка стала бы Африкой. Только Фивы не дают пару вырваться наружу. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы морщили нос, увидев, как охранник пинает ногой одного из ниггеров. Ваши переживания никому не нужны. Говорю вам как белый белому: держитесь подальше от Фив. Вам там делать нечего, вы меня слышите?

– Что ж, Редфилд, сожалею, что вы видите все в таком свете. Вижу, вы человек твердых убеждений, но то же самое можно сказать и про меня. Мне необходимо выполнить порученное дело, и этим все сказано. Я адвокат. Я взял себе клиента, и я выполняю свою работу, да поможет мне Бог. И меня не остановят никакие Фивы.

С этими словами Сэм встал и, даже не оглянувшись, вышел из кабинета.

Некоторое время они ехали молча. Эдди почувствовал, что у Сэма испортилось настроение.

– Сэр, какие будут указания? Я готов отвезти вас куда угодно.

– Полагаю, нам нужно найти набережную, портовый район или что-нибудь в таком духе. Мне необходимо нанять лодку, и, видимо, я должен буду заниматься этим сам.

– Да, сэр. Я попробую отыскать то, что вам нужно. Можете не беспокоиться.

Как оказалось, весь водный транспорт самой Паскагулы был ориентирован на глубоководный залив; Сэму же был нужен маленький город-спутник Мосс-Пойнт, расположенный в нескольких милях вверх по течению, откуда легкие лодки уходили на север, в заболоченные протоки.

Наконец после многочисленных остановок и расспросов Эдди удалось отыскать старый причал. У самой воды стояла покосившаяся лачуга. На волнах качались, натываясь друг на друга, привязанные к пристани лодки, ни одна из которых не произвела на Сэма прият-

ного впечатления. Сам он плыл в Англию на океанском лайнере «Куин Элизабет», а Ла-Манш пересекал на десантном судне в день высадки союзных войск в Нормандии. Даже когда судно, подойдя к берегу, куда Сэму предстояло высадиться со своей батареей из шести 105-миллиметровых гаубиц, попало под огонь, Сэм чувствовал себя более уютно, чем при виде этой деревянной флотилии, гниющей под солнцем.

Все рыбацкие посудины были похожи одна на другую: двигатель на корме, низкая рубка на носу, удобства минимальные или отсутствуют вообще.

Вывеска извещала: «РЫБНАЯ ЛОВЛЯ».

Именно этим ремеслом и веяло от всего этого места: повсюду мотки лески, развешанные для просушки сети, песок усыпан вскрытыми панцирями крабов и рыбьими скелетами. Низко в небе кружило несколько чаек, высматривающих, где бы урвать кусок свежей рыбы или хлеба, но остальные птицы сидели на парапете пристани, неподвижные, словно стервятники.

Войдя в лачугу, Сэм застал внутри старого моряка с выцветшими глазами и лицом, похожим на сморщенный чернослив.

– Добрый день, – поздоровался Сэм.

Ответом ему был лишь тупой взгляд.

– Я бы хотел нанять лодку, – помолчав, продолжил Сэм.

– Вы одеты не для рыбалки.

– Я и не собираюсь ловить рыбу.

– Просто хотите покататься? Полюбоваться здешними местами?

– Нет, сэр. Я хочу подняться вверх по реке до города, который называется Фивы.

– Фивы. Туда не ходит никто, кроме тюремного судна раз в неделю.

– Оно возьмет меня на борт? Я могу заплатить.

– Маловероятно. Тамошние ребята относятся к чужакам холодно. У них там все очень строго. А что у вас за дело в Фивах?

– Это конфиденциально.

– Не хотите говорить, да?

– Слушайте, я никому ничего не должен отвечать, правильно? Просто помогите мне найти лодку, которая отвезет меня вверх по реке. Это ведь ваша работа, так? Вы здесь хозяин? Вижу, у вас в Миссисипи принято вместо дела валяться на солнцепеке.

– Ого, вы уже начинаете ругаться, да? Судя по вашему говору, вы нездешний. Так вот, сэр, я могу предложить вам лодку и человека, чтобы подняться в протоки за большой зубаткой или окунем; я знаю людей, которые выведут вас далеко в залив, где резвятся пелагиды, и, может быть, вы подцепите одну из них на крючок и потом с гордостью повесите на стене своего дома. Быть может, вы просто хотите полежать на солнцепеке, потягивая ледяной коктейль и наслаждаясь тем, как солнце делает ваше бледное лицо чуть темнее. Но здесь никто не согласится вести вас протоками до реки Яксахатчи, а затем вверх по течению до Фив. Там нет никого, кроме черномазых ниггеров, которые сожрут вам печень, даже не отделив ее от селезенки, и при этом будут улыбаться и учтиво величать вас «сэром». А уж если хотя бы один черномазый вас куснет, до захода солнца вы будете трупом – это так же точно, как то, что у нас зимой не бывает снега.

– Я хорошо заплачу.

– Ни один здешний лодочник не повезет вас в Фивы, сэр. Даже не надейтесь.

– Проклятье, в этом чертовом городе никто не занимается тем, чем должен. Откуда в вас такое упрямство? Оно у вас врожденное или вас этому учат? Почему повсюду в Миссисипи я встречаю такую тупость?

– Сэр, я не потерплю, чтобы название нашего штата склоняли на все лады.

Вопреки своим убеждениям Сэм едва не взорвался, но старый хрыч упрямо таращился на него, уверенный в своей правоте, и Сэм в конце концов решил, что, накричав на беззубого старикашку, он не добьется ровным счетом ничего – даже простого удовольствия увидеть смущение старого дурака.

Молча развернувшись, Сэм направился назад к машине.

– Неудача, сэр?

– Абсолютная. Похоже, уроженцы Миссисипи – люди другой породы.

– Это точно. Должно быть, все дело в болотной воде, которую они пьют, и в кукурузном виски. От этого они становятся упрямыми и тупыми.

– Ладно, Эдди, поезжай вперед. Держись берега протоки. Быть может, я что-нибудь увижу.

Сверкающий хромом «кадиллак» медленно покатился мимо ютящихся вдоль берега реки лачуг, мимо остовов сгнивших лодок, качающихся в воде у подточенных непогодой причалов. В небе кружили и кувыркались чайки, немилосердно пекло раскаленное солнце. Сэм вскоре забыл о том, что находится в Америке. Казалось, он очутился в какой-то чужой стране, особенно когда цвет кожи всех встречных стал черным. Грязные, оборванные ребята бежали рядом с большим, медленно ползущим автомобилем, выпрашивая деньги. Сэм знал, что, если даст им хотя бы один цент, они не отстанут от него до тех пор, пока он не отдаст им все, поэтому держал свой кошелек закрытым.

Затем кончились даже негры, и они с Эдди остались совсем одни. Растрескавшийся асфальт уступил место укатанной колее, река скрылась за тростниковыми зарослями, и все предприятие стало казаться бесполезным.

Эдди первым увидел дорогу.

– Готов поспорить, там кто-то живет, – сказал он. – Точно, кто-то живет.

– В таком случае сворачивай. Возможно, у этого человека есть лодка.

В конце концов дорога действительно привела к убогому домишке, кое-как слеппенному из выброшенных или выловленных из реки материалов. Крыша крыта рваным рубероидом, повсюду старые покрышки. На кирпичках стоял без колес остов седана «нэшвилл» образца тридцатых годов. Все вокруг было, словно щебнем, усыпано сотнями тысяч ракушек. В целом здесь царили нищета и грязь, однако в нескольких футах от берега на бурой воде покачивалась лодка.

– Добрый день! – окликнул Сэм. – Есть здесь кто живой?

Через какое-то время из домика выглянула старуха. Окинув взглядом мужчину в костюме, сидящего в большом черном «кадиллаке», она исторгла из легких комок липкой слизи и выплюнула его из беззубого рта через растянутые в гротескной гримасе зубы. Пролетев подобно снаряду из 105-миллиметровой гаубицы Сэма, плевков оставил маленькую воронку на пыльной земле, усыпанной ракушками.

– Что вам нужно? – проворчала старуха.

В ее голосе чувствовался французский акцент, точнее, креольская разновидность французского акцента.

– Я хочу поговорить с лодочником.

– Вы ошиблись адресом, мистер. Кто направил вас сюда?

– Мадам, уверяю вас, никто меня сюда не направлял. Я вижу лодку. Следовательно, здесь должен быть лодочник. Если вы ничего не имеете против, я хотел бы с ним поговорить.

– Вы из налоговой?

– Разумеется, нет.

– По-о-лиция? Вы из по-о-лиции?

– Нет, мадам. Я не из ФБР и вообще не представляю государственную власть в любых ее проявлениях.

– Ждите здесь.

Дверь захлопнулась.

– Ну, это хоть что-то, – заметил Сэм, обращаясь к Эдди. – Первое впечатление не слишком благоприятное, но как знать?

Прошло несколько минут. В доме послышался шум, и наконец из него вышел старик. Бронзовый от загара, он был в холщовых штанах и старой, рваной, болтающейся на плечах нижней рубашке. На ногах у него были туфли без шнурков, много лет назад предназначавшиеся для игры в теннис. Между верхом и оторванной подошвой одной туфли торчали босые пальцы ноги. Плечи старика украшала грубая татуировка. Всклопоченные седые волосы торчали в разные стороны, а во рту уцелели почти все зубы. Лицо было покрыто густой сетью морщин и складок, оставленных долгими годами пребывания на ярком солнце.

– Что вам нужно? – оскалившись, спросил старик.

– Лодочник. Вы лодочник?

– Нет, я не лодочник. Так что разворачивайтесь и уезжайте отсюда. Здесь нет никаких лодочников.

– А мне кажется, что вы лодочник.

– Ха. Что вам нужно?

– Лазарь, – окликнула его из дома старуха, – поговори с этим господином, ты меня слышишь? У него есть деньги.

Прищурившись, старик оглядел Сэма с ног до головы.

– Мне нужно подняться вверх по реке. По протокам, вверх по Паскагуле, затем по Яксахатчи. В сосновые заросли. До города, который называется Фивы.

– Ха! Сэр, в Фивы никто не ездит. Там нет никого, кроме ниггеров и собак. О-хо-хо, если вы не попадете к ниггерам, от собак вам не убежать. Собаки живо с вами расправятся. Собаки начнут, ниггеры подчистят до конца.

– Насколько мне известно, это город, в котором живут негры, а рядом находится тюрьма. У меня есть дело в Фивах. Я хочу нанять лодку.

– Вы уже везде побывали. Никто не согласился. Поэтому вы в конце концов пришли к старому Лазарю?

– Где я уже был – не имеет никакого значения. Мне нужно, чтобы вы отвезли меня вверх по течению, подождали там час или день, после чего вернули назад, только и всего. За это я готов заплатить столько, сколько вы берете по обычным расценкам, и даже немного больше.

– Миллион долларов. Вы заплатите старому Лазарю миллион долларов?

– Разумеется, нет. Сколько вы обычно получаете за день? Я заплачу вдвое больше.

– Сэр, – шепнул Сэму Эдди, – я бы сначала предложил ему какую-то сумму, а потом поторговался, исходя из нее.

Но Лазарь, опередив его, быстро сказал:

– Проводником в болотах я получаю сто долларов в день.

– Сомневаюсь, чтобы он за всю свою жизнь видел сто долларов, – пробормотал Эдди.

– В таком случае двести долларов. Двести долларов за дорогу туда и обратно.

– Четыреста. Две сотни туда, две сотни обратно. Дорога опасная. Сами понимаете, можно заблудиться в протоках, попасть в зубы аллигатору. Да, сэр, это не шутка. Четыреста.

– Вам не заработать сто долларов и за целый месяц. Соглашайтесь на две сотни, иначе я найду другую лодку.

– Ну хорошо, двести. Двести. Деньги сейчас, и вы возвращаетесь завтра вечером.

– Сейчас я заплачу вам пятьдесят и никуда отсюда не уйду, мы отправимся в путь прямо сейчас. Немедленно.

– Нет, сэр. Дорога предстоит дальняя. Целые сутки, может быть, еще с половиной. Лазарю нужно подготовить лодку.

– Я никуда отсюда не уйду, – решительно заявил Сэм. – Раз уж я здесь, я остаюсь. И это мое последнее слово, сэр.

– О, сумасшедший с Севера. Сумасшедший северянин. Сэр, вы из Нью-Йорка или Бостона?

Сэм в который раз поразился невежеству местных жителей.

Глава 04

Вскоре их поглотило болото, испещренное сетью протоков. Если какая-то из них и была главным руслом, Сэм этого не мог определить. Между островками со скрюченными чахлыми деревцами, увитыми плющом, и кочками, поросшими колючим кустарником, извивались десятки рукавов. Хотя до заката было еще далеко, всякое напоминание о солнечном дне скоро исчезло.

Лазарь медленно вел лодку по этому мокрому лабиринту, неуверенно сворачивая в протоки. Двигатель чихал на малых оборотах, пугая Сэма каждый раз, когда пропускал такт или задерживался перед новым вдохом.

– Вы дорогу знаете? – не удержавшись, спросил он.

– Как свои пять пальцев, мистер, – ответил старик, быстро промокнувший насквозь от пота.

На голову Лазарь водрузил выцветшую голубую кепку, на которой, вероятно, когда-то была эмблема бейсбольной команды, давным-давно стершаяся.

– Я думал, нам предстоит плыть по реке. А это настоящее болото.

– О, впереди она станет попрямее, сами увидите. Лучше расслабьтесь, сэр. В болоте от спешки добра не жди. Если поторопишься, можешь считать себя покойником, это точно.

Но все обойдется. Скорее всего, змея вас не ужалит и аллигатор руку не откусит. Правда, наперед загадывать нельзя. Его старое, сморщенное лицо озарилось весельем, и Сэм понял, что это была шутка. Похоже, сумасшедший старик был не прочь сострить.

– Будем надеяться, эти проходимцы чокто сейчас ходят трезвые, – продолжал старик Лазарь, перекрывая шум мотора. – Когда они напиваются, их одолевает голод и они закусывают белыми. Меня не тронут, я жесткий и жилистый, словно старая курица, которая всю жизнь питалась одними жучками и червячками. Но вот вы, мистер, – думаю, этим краснокожим дикарям вы очень понравитесь.

– Во всем Миссисипи не хватит соли, чтобы смягчить мой вкус, – возразил Сэм. – Прожевать-то меня прожуют, но вот проглотить не смогут. Поперхнутся.

Его мучил не только горячий, спертый воздух, которым было трудно дышать. Несмотря на то что до заката было еще далеко, под низко нависшим плотным пологом сплошной растительности царил зловещий полумрак. Листья и ветви переплетались, обвивали друг друга, изобретая новые формы. Одни странные виды растений произрастали на других: настоящее буйство разнообразной жизни, бесчувственной, непознаваемой.

Непроницаемый зеленый занавес приводил к образованию парникового эффекта; здесь было жарко даже по меркам жаркого Миссисипи, и Сэм в своем костюме мгновенно вспотел. Долой пиджак, рукава засучить выше локтей. Но шляпу Сэм оставил, так как ее поля ловили пот, выступающий на лбу, и не давали ему заливать глаза. И разумеется, галстук по-прежнему туго стягивал ворот рубашки. В некоторых вопросах на уступки нельзя было идти даже из-за джунглей.

Сэм устроился на корме лодки, кое-как усевшись на мотки канатов спиной к борту. Ни о каком удобстве не могло быть и речи. На дне лодки плескался слой обильно приправленной бензином воды толщиной в два-три пальца, испускающей тошнотворные испарения. У Сэма перед глазами все двоилось, а может быть, дело было в невыносимой головной боли.

– Не вешайте нос, – постарался приободрить его старый Лазарь. – У нас есть еще часов пять до того, как стемнеет по-настоящему. Тогда мы встанем в одной знакомой бухточке. Вы сможете поспать на сухой земле, Лазарь будет спать в лодке.

– Нет, спасибо, я тоже посплю в лодке, – возразил Сэм.

Он представил себе, что остался один в этом проклятом месте. Одиночество, неминуемая смерть. Только не это.

Время от времени старик прикладывался к бутылке с какой-то жидкостью. Раза два он предложил выпить и Сэму, но тот учтиво отказывался, пока наконец его не одолело любопытство.

Ухх! Это оказалось какое-то адское французское пойло, абсент или как там оно еще называется, обжигающее, словно пламя, и терпкое, как соль. Огненная жидкость проложила себе дорогу до самого желудка, и Сэм содрогнулся.

– Ха! Кусается, да? – воскликнул Лазарь.

Постепенно начало темнеть, и в конце концов продолжать движение стало невозможно. Лазарь отыскал небольшую бухточку, окруженную высокой травой и раскидистыми деревьями неизвестных видов, и направил лодку туда.

– Сейчас я сооружу что-нибудь перекусить.

Только сейчас Сэм почувствовал, как же он проголодался. Золотушный старик нырнул в кособокий люк, ведущий в закрытое навесом помещение на носу лодки, и загремел там мисками и котелками. Несколько минут спустя он появился оттуда с большими ломтями белого хлеба, куском сливочного масла, находящегося в некой переходной стадии между твердым телом и жидкостью, покособившейся долькой сыра, на которой еще оставалась маслянистая вошенная корка, и ножом с вилкой.

– Благородного господина такая простая еда устроит, а?

– Мне приходилось есть кое-что и похуже, – ответил Сэм, вспоминая скудные сухие пайки в заснеженных Арденнах.

Морозы тогда стояли такие, что он боялся умереть от холода, а немцы, по слухам, были со всех сторон, и Сэму хотелось только одного: вернуться в милый сердцу родной Арканзас и снова служить закону. Вместо этого он затащил свои шесть 105-миллиметровых гаубиц на вершину невысокого холма, окопал их и стал ждать появления целей. Немецкая танковая часть, медленно проползавшая по серому снегу в сером тумане в миле от холма, сделала ему такое одолжение. Сэм со своими людьми в течение трех минут поливал танки прицельным, сосредоточенным огнем, оставив лишь дымящиеся остовы...

Сэм лег спать прямо в одежде, чувствуя убаюкивающее покачивание лодки на мелкой ряби и сырость в башмаках там, где воде удалось-таки просочиться сквозь кожу. Но вскоре его сморил крепкий, здоровый сон, ибо температура наконец опустилась и остывший воздух избавился от запахов гниения, наполнявших его в течение дня.

Сэм проснулся как раз к ритуалу утреннего кофе. Лазарь встал рано, сошел на берег и развел небольшой костер. Увидев, что Сэм открыл глаза, Лазарь вскипятил в котелке воду и снял его с огня. Зачерпнув старой алюминиевой ложкой кофе из мешочка, старик высыпал его в воду. Затем он достал банку из-под сахарной пудры, подцепил крышку, зачерпнул обжаренного и толченого корня цикория и стал рассыпать порошок по поверхности воды до тех пор, пока ему не показалось достаточно. Наконец, размешав черную взвесь, Лазарь дал осадку отстояться. От аромата кофе и костра в желудке у Сэма призывно забурчало.

Прошлепав по воде до лодки, старик протянул Сэму оловянную кружку своего напитка; горячий, терпкий и крепкий кофе показался Сэму необыкновенно вкусным. Да, недаром считается, что французы умеют готовить кофе.

Попытавшись сфокусировать взгляд, Сэм обнаружил, что туман, затянувший болото, вполне реален, а не порожден его сознанием. Щупальца ватной влаги лежали на воде, извивались между деревьями, лизали листья.

– Долго еще осталось?

– Совсем скоро мы выйдем в большую реку. Пойдем прямо по ней до тех пор, пока она не разделится, и свернем в ту часть, которая называется Яксахатчи. Она широкая, так что идти станет проще. Только не свалитесь за борт. Там глубоко, и течение местами очень сильное. Засасывает человека в глубину и выплевывает его назад уже без души, с посиневшим носом, скрюченными пальцами и выпавшими где-то по дороге вставными зубами.

– Сэр, у меня все зубы свои, вставных нет.

– Как бы там ни было, если свалитесь в реку, она заберет те, что есть. Сами увидите, какая она черная стерва, наша река. С ней шутить нельзя, она этого не любит.

– Я полностью вам доверяю, – сказал Сэм.

Устроившись на корме, он пережил несколько неприятных мгновений, когда старик не смог с первого раза завести мотор. Затем двигатель наконец фыркнул, закашлял, затрясся и потащил лодку прочь от берега.

Вскоре они проплыли в утреннем полумраке мимо затянутого предрассветной дымкой обезлюдившего поселка. Полусгнившие дома заросли мхом.

– Что тут произошло?

– О, здешние жители пережили набеги индейцев, чуму и наводнение, но затем собаки, одичавшие собаки напали на детей. Загрызли насмерть троих, кажется, маленьких девочек. Набросились на них целой сворой и быстро прикончили. И тогда люди наконец не выдержали и ушли отсюда. Болото – очень плохое и жестокое место.

Сэм отвел взгляд, пытаясь отмахнуться от жутких видений. Девочки, собаки, крики, запах крови. Он тряхнул головой.

– Ха! Здесь вам не место для увеселительных прогулок, сэр. Это совсем не то, к чему вы привыкли, совсем не то. Даже близко не похоже.

Наконец болото начало ослаблять свою хватку. Чахлые, искривленные деревья, сплетенные лианы и папоротники, оставшиеся со времен динозавров, уступили место соснам с длинной хвоей, высокой траве и другой зеленой растительности, спускающейся к голым берегам. Река стала шире, глубже. Черная вода потекла быстрее.

Затем река разделилась на два рукава, один из которых повернул на восток, а другой – на запад. Ни тот ни другой не показались Сэму многообещающими: быстрые темные потоки, поверхность воды уже не гладкая, словно масло или стекло, а беспокойная, выдающая наличие в черных глубинах скрытых сильных течений, которые жаждут утащить человека навстречу смерти.

– Держитесь крепче, мистер, речка у нас норовистая, – крикнул старик, направляя старую, выдавшую виды лодку в правый рукав и удерживая ее строго посередине.

Они стали медленно подниматься вверх, борясь с упорным течением, которое словно старалось заставить их повернуть обратно и попробовать счастья где-нибудь в другом месте. Сосновые заросли отрезали реку от всех признаков окружающей жизни, за исключением самих сосен, облитых темной, тягучей смолой. Это были скипидарные деревья, выпускавшие из себя свои жизненные соки. Погода оставалась отвратительной даже после того, как поднявшееся солнце спалило остатки тумана. Хотя сосны и напоминали Сэму северные равнины Висконсина или Миннесоты, это были другие сосны. Они как будто образовывали стены бесконечно длинного извивающегося коридора – пустоты, какой она является сумасшедшему; сверху немилосердно пекло солнце, а ветерок даже не смел шелохнуть своим дуновением застывший воздух.

Сэм взглянул на часы, чувствуя на коже щекочущее покусывание пота. Он даже подумал было о том, чтобы чуть ослабить галстук, – но нет, он воевал в Арденнах, не снимая галстука, так что этот поступок станет последним, который он совершит перед тем, как принять смерть.

Времени было уже одиннадцать часов утра.

– Далеко еще?

– Терпение, мистер. Нельзя торопить реку. Течение против нас, река не хочет, чтобы мы поднимались вверх. Радуйтесь, что под вами есть доски, которые защищают вашу задницу от того, что внизу.

Так и продолжалось это бесконечное путешествие, пока наконец совершенно непрощеными, словно во сне, на дальнем берегу не появились Фивы.

У Сэма мелькнула мысль: «Неужели я попал в Африку?»

Ибо его взору открылся поселок настолько убогий, настолько запущенный и жалкий, что он просто не имел права на существование в стране, которую Сэм знал как Америку. Даже самые бедные негритянские трущобы Арканзаса не производили такого жуткого впечатления. Фивы представляли собой сборище неряшливых лачуг, крытых раскалившимся на жарком солнце рубероидом, приземистых, вросших в землю складов, облепивших пристань, и немощеных улиц, настолько грязных, что они, наверное, не смогли бы выдержать даже телеги, не говоря уже про автомобиль. На отшибе, чуть выше по течению, стояли развалины того, что раньше, судя по всему, было лесопилкой: почти все стены обвалились, не осталось ничего, кроме сгнившего остова и застывшего водяного колеса.

Сэму показалось, что он совершил путешествие во времени и вернулся в прошлое.

– Смотреть тут нечего. Понятия не имею, зачем вы заставили меня тащиться сюда. Merde. Вы меня поняли? Merde, или, по-английски, дерьмо. Сплошное дерьмо. Ничего, кроме дерьма. Город дерьма. Кто может жить в таком месте?

Пока старик подводил лодку к пристани, Сэм, оглядываясь по сторонам, размышлял о том, что жители оставили город, так же как тот поселок, где одичавшие собаки загрызли маленьких девочек. Однако в то же время он ощущал на себе чьи-то настороженные взгляды.

Сэм предполагал, что лодки приплывают сюда крайне редко и каждая является событием. Следовательно, сейчас на него должны смотреть все обитатели города. И действительно, он чувствовал на себе их взгляды, но опять-таки не видел никаких признаков жизни. Лазарь подошел к берегу, направил лодку на пристань и заглушил мотор.

– Идите вперед, – приказал старик, и Сэм послушно подчинился.

Там, на качающемся носу, он отыскал моток веревки. Как только лодка скользнула бортом вдоль пристани, Сэм соскочил на берег, за веревку притянул лодку к причалу и крепко привязал ее к покосившейся свае, торчащей из воды. Обернувшись, он увидел, что старик таким же способом закрепляет корму.

Сэм подошел к нему.

– Не знаю, сколько это у меня займет. Ждите меня здесь. Держитесь подальше от баров, борделей и прочих рассадников соблазна, какие тут только имеются. У меня есть в городе одно дело; если оно затянется, я обязательно дам вам знать. Ни в коем случае не уплывайте отсюда без меня. Вы все поняли?

– О да, я буду ждать здесь вечно. Не буду ничего делать до тех пор, пока адвокат с Севера не получит свои деньги.

– Передайте мне мой портфель.

Отыскав портфель, единственный девственно-чистый предмет на борту лодки, Лазарь протянул его Сэму. Сэм расправил плечи, затянул галстук, одернул пиджак, разглаживая складки, убедился, что шляпа сидит на голове прямо, и отправился выполнять порученное задание.

Неужели этот городок населен одними детьми? Маленькие оборванные негритята следовали за Сэмом, держась позади лачуг. Он их не видел, но слышал топот босых ног по грязи. Несколько раз, увидев краем глаза какое-то движение, Сэм резко оборачивался, но

негритята поспешно отступали назад. А когда он развернулся и пошел на них, они тотчас же разбежались в разные стороны.

В остальном город казался совершенно безжизненным. Никакой торговли, никакого движения по улицам. Витрины редких магазинов были заколочены. В основном Фивы состояли из лачуг, на взгляд Сэма таких же брошенных, как и склады вдоль пристани. Тем не менее у него снова возникло ощущение, что его разглядывают, пристально изучают. От этого у него по спине пробежал неприятный холодок.

Поднявшись на крутой берег, Сэм наконец наткнулся на взрослую женщину. У нее были большие глаза и морщинистое лицо. Она была завернута в пестрое одеяние, сшитое из разноцветных лоскутков; волосы были туго перетянуты платком, а во рту не осталось ни одного зуба. Сэм понял, что перед ним «матушка», видная фигура в негритянском сообществе. Хотя женщина не производила впечатления сумасшедшей, на Сэма она посмотрела лишь с угрюмой, тупой ненавистью.

– Мадам, прошу прощения, я ищу администрацию округа, мэрию, канцелярию шерифа – любую власть. Вы не могли бы мне помочь?

Женщина ответила на языке, который показался Сэму совершенной тарабарщиной. Неужели эта негритянка до сих пор говорит на своем африканском наречии? Неужели ее так и не американизировали?

– Мадам, извините, я ничего не понял. Вы не могли бы говорить чуть медленнее?

После долгих усилий Сэму наконец удалось разобрать в завываниях негритянки два-три английских слова, но к этому времени она, потеряв терпение от его тупости, решительным движением отстранила его и, ту же затянув платок, двинулась дальше, полная достоинства.

Но затем она остановилась, обернулась и указала в переулок.

Свой жест она сопровождала какими-то звуками, которые Сэм расшифровал как «иди туда».

Он свернул в переулок, утопая в грязи. Тут и там при его приближении захлопывалась дверь, закрывалось окно, люди, которых он не успевал увидеть, поспешно уходили прочь. Сэм чувствовал себя прокаженным – нет, самой Смертью, с косой, в плаще с капюшоном, скрывающим лицо без носа и глаз, от которой разбегается все живое.

Наконец он дошел до того, что ему было нужно, – точнее, до того, что от этого осталось.

Здесь вовсю потрудились огонь. Остались стоять лишь покрытые копотью каменные стены, но деревянные балки обуглились и рухнули. На заросшем сорняками пустыре, который когда-то был центральной площадью, валялся битый кирпич. Ни одного оконного стекла не уцелело в сгоревшем здании, где когда-то размещался окружной суд. Выстроенное в горделивом южном стиле – с залами заседаний, кабинетами, тюрьмой и конюшнями, – оно было подчистую разграблено, и на него уже начали предъявлять свои права мох и другая растительность.

Значит, вот почему не существовало никакой «власти» округа Фивы, вот почему никто не отвечал на письма. Здание сгорело, а вместе с ним, похоже, окончательно и непоправимо надломилось то стремление к лучшему, которое строит цивилизацию из ничего.

Сэм задумался. И что делать дальше?

Неужели все кончено? После того как административное здание сгорело, все, кто мог, покинули город, и здесь остались только самые убогие и беспомощные. Вероятно, последние обитатели Фив находят средства к существованию за счет тюрьмы, расположенной примерно в миле выше по течению.

Сэм двинулся дальше, не целенаправленно, а, скорее, надеясь на то, что его озарит вдохновляющая идея. Пройдя немного, он увидел низкий, покосившийся сарай. Дверь была распахнута настежь, а над трубой вилась струйка дыма, тонкая и белая.

Прихлопнув муху, внезапно прожужжавшую возле лица, Сэм заглянул внутрь сарая и увидел нечто похожее на бар – точнее, грубую пародию на бар. В заведении почти никого не было, за исключением старика за стойкой и старика перед стойкой. На полках за спиной бармена вместо бутылок со всевозможными напитками стояли лишь разномастные грязные стаканы. Тускло освещенный зал украшали запыленные эмблемы сортов пива двадцатых годов, на стенах извивались давно погасшие неоновые трубки, в очертаниях которых с большим трудом можно было угадать названия торговых марок, давным-давно почивших в бозе.

– Послушайте, – обратился к старикам Сэм, – мне нужна помощь. Вы не сможете объяснить, куда мне идти?

– Здесь ходить некуда, сэр, – сказал бармен.

– Ну, это предоставьте решать мне самому. Вы можете направить меня к зданию, куда перебралась городская администрация? Должны же здесь быть какие-то власти. Регистрационная палата, налоговая инспекция. Полицейский участок, канцелярия шерифа. Этот город ведь является центром округа, разве не так?

– Был когда-то. Теперь здесь ничего не осталось. Ничем не можем вам помочь. Так что возвращайтесь скорее к своей лодке. Здесь вам нечего делать.

– Ну хоть помощники шерифа здесь обязательно должны быть.

– Если они захотят, то сами вас найдут, – включился в разговор второй старик. – Так что лучше молитесь, чтобы они не захотели вас найти.

– Да, кажется, дальше уже некуда, – промолвил Сэм.

– Все сгорело около четырех лет назад, мистер. Все уехали.

– Я видел. И что, в городе больше ничего не осталось?

– Только колония.

– Ах да, Фиванская колония. Полагаю, мне придется отправиться туда.

– Сам туда никто не отправляется, сэр, туда отвозят. В цепях. И только так. Вам незачем туда ходить. Лучше занимайтесь своим делом.

– В таком случае позвольте спросить вас вот о чем.

Сэм рассказал старикам о Линкольне Тилсоне, удалившемся на покой негре, разобравшись в чьей судьбе он и приехал в Фивы. Однако по мере того, как Сэм говорил, у него крепло чувство, что его собеседники начинают все больше и больше беспокоиться. Они морщились, словно от незначительной, но назойливой боли, и испуганно озирались вокруг, будто убеждаясь, что никто не подслушивает.

– Нам ничего об этом не известно, – наконец пробормотал один из них.

– Совсем ничего, черт побери, – подтвердил другой.

– Значит, эта фамилия вам ничего не говорит?

– Нет, сэр.

– Ну хорошо. Жаль, что не могу отблагодарить вас за помощь, но вы мне ничем не помогли. У вас здесь что, не принято относиться к белым с уважением?

– Сэр, мы кое-как сводим концы с концами.

– Да уж вижу.

Выйдя из сарая, Сэм направился обратно к лодке. Он уже понял, что ему придется навестить тюрьму, где, несомненно, хранятся уцелевшие архивы – если они вообще где-нибудь хранятся. Казалось, он вернулся в прошлое столетие. Непостижимо, как Линкольн Тилсон, человек, добившийся определенного успеха в жизни, а уж по здешним меркам и вовсе разбогатевший, мог просто бесследно сгинуть с лица земли, не оставив после себя никаких следов на бумаге – ни полицейского отчета, ни свидетельства о смерти, ни свидетелей, ничего. В середине двадцатого столетия в Соединенных Штатах Америки такого не может быть.

Сэм придерживался четко определенных взглядов на жизнь. Превыше всего он ставил порядок, ибо порядок лежал в основе бытия. Без элементарного порядка нет ничего; цивилизованное общество не может существовать без строгой системы законов и документов, налогов и расписаний. А то, что Сэм увидел здесь, было непорядком. Он чувствовал себя так, словно прямо у него на глазах насмеваются над основополагающими законами мироздания.

Завернув за угол, Сэм начал спускаться вниз к реке. Только тут он наконец увидел пристань, до которой оставалось еще несколько сотен ярдов, и вдруг понял, что Лазарь со своей лодкой исчез.

Черт бы его побрал!

Ну разумеется, все путешествие с самого начала было сплошным фиаско. Как только он мог поверить этому старому болвану Лазарю? С таким же успехом можно было довериться притаившейся в траве змее.

Сэм все равно спустился вниз, теша себя надеждой, что, быть может, Лазарь по какой-то причине вывел лодку на середину реки. Но нет, и лодка и старик бесследно исчезли. Вокруг ни малейшего движения: за спиной вымерший город, утопающий в грязи, впереди пустынная река, а кругом на сотни квадратных миль ничего, кроме диких, безлюдных болот.

Сэм был не из тех, кто легко поддается панике. Перед лицом трудностей он просто становился более угрюмым и упрямым. Сэм развернулся, преисполненный решимости найти первого встречного взрослого и потребовать у него объяснений. Но к своему удивлению, он увидел, что рядом с ним стоит старая негритянка, словно дожидаясь его. Как ей удалось подойти так близко совершенно неслышно? Быть может, тут не обошлось без магии?

«Давай-ка без глупых суеверий», – строго одернул себя Сэм. Мумбо-юмбо тут ни при чем; это забытый богом Юг, река, похожая на сточную канаву, люди, полностью деградировавшие вследствие отсутствия всяческих контактов с окружающим миром. Ему ничто не угрожает. Негры не нападают на белых, так что бояться нечего.

– Мадам, у меня в кармане новенькая хрустящая десятидолларовая бумажка. Будет ли ее достаточно за крышу над головой на одну ночь и простой ужин? Если, конечно, в этом городе нет гостиницы, а я подозреваю, что здесь на тысячу квадратных миль вокруг нет ни одной гостиницы.

Он протянул негритянке купюру; та жадно схватила ее.

Сэм пошел за старухой.

Дом пожилой негритянки ничем не отличался от остальных, только находился чуть глубже в лесу. Это была еще одна убогая лачуга, низкая, грязная, полуразвалившаяся, крытая рубероидом. В загоне за домом хрюкали и копошились свиньи, на крыльце, а точнее, на паре досок под покосившимся навесом валялась шелудивая собака.

Увидев Сэма, собака зарычала.

Негритянка пнула ее ногой.

– Проклятая псина!

Заскулив, собака убежала прочь. Судя по всему, эта собака не принадлежала негритянке; старуха просто позволяла животному делить с ней кров, а иногда в порыве великодушия вознаграждала за общество костью или миской похлебки.

– Проходите назад. Будете спать вместе с курами.

– Большое спасибо, – поблагодарил негритянку Сэм, пытаясь задобрить ее улыбкой.

Занятие это оказалось бесполезным, поскольку старуха не испытывала к нему никакого сочувствия и думала лишь о том, как с минимальными усилиями отработать полученную десятку.

Пройдя в заднюю часть лачуги, Сэм обнаружил там птичник, отгороженный от остального двора низкой проволочной сеткой. При виде его к нему устремились, переваливаясь с ноги на ногу, несколько тощих куриц.

– Дом, милый дом, – насмешливо пробормотал Сэм, обращаясь исключительно к собственному чувству юмора.

Все номера гостиницы были заняты, и администратор – оранжевый петух – поднял было шум, но Сэм, чувствуя себя существом на более высокой ступени развития, строго топнул ногой и громко закулдыкал, как делал это на День благодарения, играя со своими детьми. Признав поражение, петух пронзительно закричал и суетливо удалился, шумно хлопая крыльями.

Выбрав себе лучший номер, то есть угол, где солома показалась ему более сухой и чистой, Сэм уселся на землю.

Быстро сгущались сумерки.

Сэм решил, пока еще не стемнело окончательно, составить для своего клиента подробное описание событий прошедшего дня. Он достал из портфеля вечное перо и заправил его чернилами из маленького пузырька. Раскрыв любимую желтую тетрадь, Сэм принялся за работу и вскоре полностью потерял контакт с окружающей действительностью.

Он не услышал, как вошла негритянка.

– Вот, – наконец заговорила она. – Я принесла поесть.

– Что? Ах да, конечно.

Негритянка принесла оловянную миску – свой лучший фарфор – с дымящимися белыми бобами, политыми каким-то соусом, и ломтем домашнего хлеба. В другой руке у нее была кружка горячего кофе и столовые принадлежности, оказавшиеся чистыми и даже блестящими.

– Благодарю вас, мадам, – сказал Сэм. – Вижу, у вас дома хозяйство налажено по высшему классу.

– Это не мой дом, – возразила негритянка. – Был когда-то моим домом. Но больше он мне не принадлежит.

– Это не ваш дом?

– Он принадлежит конторе.

– Какой конторе?

– Конторе колонии. Другой у нас нет. Конторе принадлежит все.

– О, должно быть, вы ошибаетесь. Если эта ваша контора находится в ведении администрации штата, она не имеет права заключать залоговые сделки с недвижимостью, получать прибыль и лишать права выкупа собственности – по крайней мере, без судебного разбирательства с участием представителей всех сторон. Закон запрещает подобную деятельность.

– У нас здесь контора – это закон. Вот и все. Вы ешьте бобы. А завтра уходите заниматься своими делами. Из-за вас я могу попасть в беду. У нас чужих не любят. Вы никому не скажете о том, что я вам говорила?

– Разумеется, нет.

Высказавшись, негритянка умолкла. Сэм доскреб остатки бобов. Забрав миску, негритянка ушла, не сказав ни слова. Сэм проследил взглядом, как она возвращается в лачугу, сгорбленная и измученная, сломленная горем.

«Господи, я жду не дождусь, когда наконец смогу покинуть это жуткое место».

Сэм составил четкий план действий. Завтра утром он как сможет приведет себя в порядок, после чего сразу же отправится в контору – в администрацию тюрьмы, где, судя по всему, сосредоточена вся здешняя власть. Сэм был полон решимости обязательно докопаться до самой сути.

Сняв ботинки, шляпу и наконец развязав галстук, Сэм свернул пиджак в некое подобие подушки и лег спать. Сон не заставил себя ждать. Солома, хотя и колючая, была сухой и теплой. Соседи по общежитию тихо кудахтали на насесте, и даже петух наконец свыкся с незванным гостем, убедившись, что тот не покушается на честь наседок.

Измученный до предела, Сэм заснул крепким сном. Сны, которые ему снились, были приземленными до крайности, начисто лишеными свободного от всякой логики сюрреализма, заполняющего сознание большинства спящих. В снах Сэма мир оставался таким же упорядоченным, как и в действительности; в нем царили те же самые законы – от закона всемирного тяготения до законов наследования; рассудок торжествовал над чувствами, и все неизменно заканчивалось торжеством системы. Временами Сэм жалел о том, что даже на подсознательном уровне остается чересчур скучным, однако устранить этот недостаток было не в его силах.

Когда его разбудили, Сэму ничего не снилось. Он словно провалился в черную пустоту, и ударивший в глаза свет причинил ему физическую боль. Сэм быстро сел, видя вокруг смутные силуэты, чувствуя запах лошадей, сознавая, что вокруг царит суматоха.

Его пригвоздили к месту лучи трех фонариков.

– Скажите на милость, черт побери, что здесь... – начал было Сэм, но прежде, чем он успел договорить, кто-то ударил его по плечу деревянной дубинкой.

Боль была невыносимая, и Сэм согнулся пополам, непроизвольно вскинув руку к онемевшему плечу.

– Господи! – воскликнул он.

– Ребята, хватайте его!

– Проклятье, не дайте ему ускользнуть!

– Лютер, если он будет сопротивляться, врежь ему еще!

– Что, мистер, хотите еще раз попробовать моей дубинки? Клянусь богом, в следующий раз я проломлю вам череп!

Сэма повалили на землю, перевернули на живот, заломили руки за спину и надели наручники.

– Готово. Тащите его на улицу!

Сэма потащили из лачуги. Он разглядел, что имеет дело с тремя помощниками шерифа, крепкими ребятами, привыкшими применять грубую силу, общаясь с другими людьми. Свет фонариков слепил Сэма, но больше всего его выводили из себя наручники. Он был просто взбешен. Еще никогда в жизни на него не надевали наручники!

– Черт побери, что вы делаете? Я практикующий адвокат, служитель закона, и, во имя всего святого, вы не имеете права...

Второй удар обжег ему руку, и Сэм, пошатнувшись от боли, повалился на землю.

– Теперь он надолго умолкнет, – удовлетворенно заметил всадник, который, судя по всему, был здесь главным. – Грузите его в скотовозку, и трогаемся в путь.

Глава 05

Здесь пахло сосной. Аромат был довольно приятный, какой-то свежий, чистый. Повсюду лежали сосновые иголки, светло-коричневые и пушистые, похожие на пучки перьев.

И все-таки это была тюрьма.

У Сэма распухли оба плеча, и, когда он неуклюже засучил рукава, обнажились два багрово-желтых рубца – оставленные опытной рукой, они пересекали наискосок оба бицепса. Ни размерами, ни твердостью один нисколько не отличался от другого. По сути дела, они были зеркальными отображениями друг друга. Все кости были целы, разрывы на коже отсутствовали – только косые выпуклые следы в тех местах, где дубинка соприкоснулась с плечом. Оба удара были нанесены с одинаковой силой, под одним и тем же углом, и оба произвели одинаковое действие. Руки Сэма онемели, пальцы ничего не чувствовали. Он мог совершать лишь самые простые движения. Когда ему пришлось помочиться в ведро в углу, расстегивание пуговиц ширинки стало настоящим кошмаром. Но Сэм не мог допустить, чтобы это сделали его тюремщики; к тому же еще неизвестно, сделали бы они это или нет.

Сэм понимал, что его избил знаток своего дела. Человек, которому уже приходилось бить людей, который критически оценивал свои успехи, занимался дальнейшими исследованиями в этой области и теперь знал, куда бить, как бить, с какой силой и какие после этого останутся следы. От этих двух ссадин на плечах Сэма примерно через неделю ничего не останется. Если не успеть запечатлеть их на фотографии, все дело сведется к показаниям Сэма против показаний помощника шерифа, а разбирать дело в каком-нибудь убогом суде штата Миссисипи будет провинциальный судья, считающий, что Арканзас находится по соседству с Нью-Йорком – тем самым Нью-Йорком, рассадником коммунизма.

У Сэма ныла голова. Сквозь пелену боли прорывалась бессильная ярость.

Тюрьма находилась где-то в лесу, и в камере чувствовалось близкое соседство сосен, ибо дуновения ветерка доносили шелест хвои.

Прижимаясь к прутьям решетки, Сэм в который раз окликнул тех, кто скрывался в глубине коридора:

– Я требую встречи с шерифом! Вы не имеете права и законных оснований задерживать меня. Подобное беззаконие вам даром не пройдет!

Однако никто даже не трудился ему отвечать, и лишь однажды неотесанный помощник шерифа просунул между прутьями миску с бобами, несколько кусков сухой, пересоленной ветчины и ломоть черствого хлеба на оловянной тарелке и кружку кофе.

Неужели он находится в тюрьме?

Неужели это и есть знаменитая Фиванская исправительная колония, куда отправляются гнить заживо ниггеры, преступившие закон?

Подумав, Сэм все же пришел к выводу, что это не так. Здесь царило ощущение унылого запустения, которое усугублялось тишиной леса, лишь изредка нарушаемой щебетанием птиц. Окно было слишком высоко, чтобы в него заглянуть, а в темном коридоре ничего не было видно. У Сэма болели руки, болела голова, болело оскорбленное достоинство, но самую сильную боль доставляло ощущение того, что рухнула система. Пошатнулись основы его мировоззрения. Так обращаться с людьми нельзя, особенно с такими людьми, как он, то есть белыми, образованными, достаточно состоятельными. Система не имеет смысла, если она не защищает подобных людей, и, следовательно, ее необходимо подправить.

– Черт побери, ребята, вы за это заплатите! – крикнул Сэм в никуда.

Впрочем, не поступило никаких свидетельств того, что его кто-то услышал.

Наконец уже ближе к вечеру, часов через пятнадцать-шестнадцать после ареста, за Сэмом пришли двое охранников.

– Заведите руки за спину, чтобы мы смогли надеть на них наручники, – приказал один из них.

– И, черт побери, шевелитесь быстрее, шериф и так уже заждался, – добавил другой.

– Неужели вы думаете...

– Я думаю, папаша, что, если ты сейчас не закроешь пасть, я тебе еще раз хорошенько врежу, и тебе это придется не по душе.

Значит, вот кто его ударил: коренастый тип лет двадцати пяти, приплюснутый нос, коротко стриженные волосы, тупой взгляд, много мяса, внушительные размеры – источник самоуверенности.

– Мистер, давайте пошустрее, я не собираюсь ждать, когда у вас сменится настроение.

В конце концов Сэм подчинился. Развернувшись, он подставил руки, чтобы на них надели наручники. Подобная мера предосторожности в цивилизованном штате вроде Арканзаса применялась исключительно в отношении самых жестоких и неумняемых преступников, попавших в руки правосудия, – отпетых головорезов и убийц, от которых можно было ожидать чего угодно, причем без малейшего на то повода. Подобная мера предназначалась для самых буйных нарушителей закона.

Надежно сковав Сэма, помощники шерифа отперли камеру и крепко взяли его под руки, по одному с каждой стороны. Сэма провели по деревянному коридору в маленький кабинет для допросов.

Его усадили за стол, и, как это происходило в многочисленных фильмах, которые видел Сэм, ему в лицо ударил яркий свет.

Дверь открылась.

В кабинет вошел грузный мужчина. Сэму приходилось смотреть против света, поэтому подробностей он разглядеть не смог; он различил лишь темную форменную одежду, черную или коричневую, светлый галстук, туго стянувший мясистую шею, и сверкающую серебряную звезду слева на груди. Пояс шерифа был перехвачен надраенным до блеска кожаным ремнем, на котором висел в застегнутой кобуре тяжелый револьвер. Узкие, наглаженные брюки были заправлены в высокие ковбойские ботинки с острыми носами, тоже начищенные.

– Сэмюэль М. Винсент, – прочитал шериф вслух, держа в руках предмет, в котором Сэм узнал собственный бумажник. – Практикующий адвокат. Город Блу-Ай, округ Полк, штат Арканзас. И какое же дело привело вас в Фивы, мистер Винсент?

– Шериф, я сам долгое время работал прокурором. Я хорошо разбираюсь в законах и знаю, в каких случаях правомерно применение силы в отношении подозреваемых. В моем штате действия ваших людей однозначно были бы расценены как уголовное преступление. Я предъявил бы им обвинение в нанесении телесных повреждений и злоупотреблении служебным положением, сэр. Они отправились бы лет на пять в места не столь отдаленные, и мы бы посмотрели, много ли гонора осталось бы в них после этого. А теперь я...

– Мистер Винсент, какое дело привело вас к нам, сэр? Вы сейчас находитесь в моем штате, а не в вашем, и я заправляю здесь делами так, как считаю нужным, сообразно с обстоятельствами. Я шериф Леон Гаттис, и это мой округ. Я им управляю, я поддерживаю в нем порядок, я за него отвечаю. В наших местах, сэр, правила приличия требуют от адвоката перед началом какого-либо расследования поставить полицию в известность о своих действиях. Вы же, сэр, по какой-то причине предпочли этого не делать, вследствие чего вам пришлось столкнуться с некоторыми неудобствами, которые ни один судья штата Миссисипи не сочтет заслуживающими внимания.

– Я не обратился к вам, шериф Гаттис, исключительно потому, что не смог найти ни одного вашего помощника. Почти весь вчерашний день я провел в поисках представителей власти. Но они предпочитают работать после наступления полуночи! Я настаиваю на...

– Умерьте свой пыл, сэр. В противном случае вы быстро выведете меня из себя. Любой ниггер смог бы вам объяснить, где нас найти, а раз никто этого не сделал, значит, все решили, что ничего хорошего от вас ждать не приходится. Благослови их господа, в таких случаях черномазые действуют, повинаясь инстинкту. Таким образом, мистер Винсент, вы должны помочь нам, и чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Итак, что вы делаете в округе Фивы? Какое у вас здесь дело, сэр?

– Боже милосердный! Вы установили здесь порядок, которому просто нельзя подчиняться, а теперь караете тех, кто ему не подчиняется! Это же...

Бах!

Шериф не стал бить Сэма, но он с силой ударил по разделявшему их деревянному столу, и весь кабинет наполнился громкими отголосками.

– Я не собираюсь обсуждать с вами философские вопросы. Черт побери, сэр, отвечайте на мои вопросы, иначе ваше пребывание здесь станет очень неприятным. Вот как делаются у нас дела.

Сэм потряс головой.

В конце концов он объяснил, что прибыл сюда затем, чтобы справиться о некоем негре по имени Линкольн Тилсон или получить свидетельство о его смерти, поскольку вышеозначенный Тилсон упомянут в завещании, которое в настоящий момент рассматривается в деле о наследстве в округе Кук, то есть в Чикаго, штат Иллинойс.

– По вашему виду я сразу понял, что вы из Чикаго.

– Сэр, примите к сведению, хотя вас это совершенно не касается, что я ни разу в жизни не был в штате Иллинойс и ничего о нем не знаю.

– Насколько я слышал, там, на Севере, негры чувствуют себя королями. Разъезжают в навороченных «кадиллаках», окружают себя белыми девчонками, едят только в ресторанах – одним словом, живут, как в своем черномазом раю.

– Сэр, не сомневаюсь, вы преувеличиваете. Мне довелось побывать в Нью-Йорке, и даже этот город, какими бы прогрессивными ни были его порядки, не имеет ничего общего с тем, что вы только что описали.

– Возможно, я действительно несколько преувеличил. Но, видит бог, у нас в Фивах ничего подобного никогда не будет. Здесь сохранился естественный порядок вещей, установленный Всевышним, и мы позаботимся о том, чтобы так оставалось и впредь.

– Сэр, мне кажется, что перемены обязательно дойдут и сюда, потому что перемены неизбе...

– Так значит, вы один из них?

– Э...

– Один из них.

– Я не совсем вас понял...

– Один из них. Вы говорите как один из нас, но на самом деле вы один из них. Я имею в виду агитаторов с Севера. Коммунистов, евреев, еще черт знает кого. Я прав, мистер Винсент? Вы коммунист или еврей?

– Я являюсь стойким приверженцем Демократической партии и принадлежу к пуританской пресвитерианской церкви. Вы не имеете никакого права...

Но шериф его не слушал.

– О, мы о вас наслышаны. Мы предупреждены. Вы не застанете нас врасплох. Вы заявляетесь к нам и сеете смуту среди наших ниггеров, думая, что этим делаете им добро. Да, сэр, вы им помогаете. Но на самом деле вы вбиваете в их глупые головы то, чего никогда не

будет, так что в действительности, вместо того чтобы их осчастливить, вы делаете их еще более несчастными. Вы хотите разрушить то, что мы в течение стольких лет строили здесь своими потом и кровью, не щадя жизни. О, мистер, мне знакомы такие люди, как вы. Вы настоящий дьявол, исчадие ада, хотя вы и думаете, что творите добро!

– Сэр, я твердо верю в верховенство закона и...

– Закон! Мистер, у меня полон округ диких негров, которые только и могут, что драться да трахаться, причем для них нет большой разницы, чем именно заниматься.

– Сэр, я не говорил...

– А сейчас я вам вот что скажу. Я наведу справки. Я выдам вам свидетельство о смерти этого черномазого, после чего мои помощники выставят вас вон из моего округа. И не вздумайте возвращаться, вы меня слышите? Это лучший прием, который может ожидать вас здесь, черт побери, и я делаю для вас исключение только потому, что вы белый, хотя и считаю, что вы немного не в себе. В Фивах не место чужакам. Если вы хотите насладиться гостеприимством Миссисипи, отправляйтесь в Билокси, договорились, коллега?

– Я понял, к чему вы клоните, – вздохнул Сэм.

– Да, сэр, надеюсь на это. Ребята, отведите мистера Винсента во двор, где ему будет уютнее. Скоро он нас покинет.

Теперь Сэма не заперли и не сковали наручниками. Он был свободен и имел возможность передвигаться по ограниченному пространству, однако ему было строго приказано не удаляться от участка – так называлось место, где он находился, – и ни при каких условиях не заводить разговоры с неграми. При этом Сэм постоянно находился под строгим присмотром.

Ему позволили воспользоваться опрятным душем на улице, и Сэму удалось более или менее привести себя в порядок. Его накормили, и пища оказалась самой вкусной из всего, что он ел с тех пор, как покинул Паскагулу: бобы с ветчиной, жареная картошка, крепкий кофе с цикорием, свежий хлеб. Эти ребята устроились здесь совсем неплохо, они жили в уютных домиках прямо в лесу, в доброй миле от города. Только теперь Сэм заметил, что от внезапного нападения крохотный поселок защищен крепкой оградой из колючей проволоки. Здесь же была конюшня, ибо маленький отряд помощников шерифа напоминал не столько подразделение правоохранительных органов, сколько эскадрон легкой кавалерии. Полицейские и внешне походили скорее на солдат: подтянутые, в выглаженной и вычищенной форме. Время от времени они по двое отправлялись верхом на патрулирование. В дежурной комнате висел список нарядов. В целом поселок был похож больше на военный гарнизон, чем на полицейский участок.

Через некоторое время прискакал всадник. Посовещавшись с помощниками, он спешил и разыскал Сэма. Его снова посадили в повозку рядом с возницей, правда на этот раз не избив и не сковав наручниками. Повозка проехала через сосновую чащу – господи, какая же она была непроходимая, простиравшаяся во все стороны до бесконечности, теряясь в зловещей темноте, – а затем по городу, безжизненному и пустынному, как и в предыдущий день.

Повозка приблизилась к реке. Скрип колес и топот конских копыт разогнали с улиц немногочисленных негров. Когда повозка проезжала мимо кабака, Сэм поймал на себе угрюмые взгляды двух стариков, с которыми он беседовал вчера.

Внизу, у причала, взгляду Сэма предстало радостное зрелище: Лазарь, возвратившийся неизвестно откуда, стоял у своей лодки, чей двигатель ровно ворчал. Рядом с ним находился шериф.

Сэм слез с повозки на нетвердых ногах, затем взял себя в руки.

– Итак, мистер путешественник из Арканзаса, вот вам ваш официальный документ. Как видите, все в надлежащем виде.

Похоже, это действительно было так. На листе бумаги под гербом и девизом штата Миссисипи было напечатано: «СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ ЛИНКОЛЬНА ТИЛСОНА, негра, возраст неизвестен, пожилого, проживавшего в городе Фивы, округ Фивы, штат Миссисипи. Смерть наступила 10 октября 1950 года. Вышеозначенный Тилсон захлебнулся, а именно утонул в реке Яксахатчи». Ниже следовала неразборчивая подпись coronera.

— Вот и все, сэр. Бедняга окончил свой жизненный путь. Река бывает очень коварной. Затягивает на глубину и отпускает только дня через три. Несчастный негр Тилсон стал одной из ее жертв. Чудо, что его еще удалось опознать после того, как он провел в воде столько времени.

— Шериф, кто опознал Тилсона?

— Послушайте, мистер путешественник из Арканзаса, мы не заводим архивы на каждого негра, утонувшего в нашем округе. На память я сказать не могу, и я не помню точные обстоятельства случившегося. И знаете, сэр, у меня нет ни малейшего желания разговаривать с вами о подобных пустяках и отвечать на заумные вопросы, которые вы задаете исключительно с целью посмеяться над нашей простотой, похваляясь своей северной образованностью.

— Я все понял.

— Вас честно обо всем предупредили. Сейчас вы покинете наш город и больше никогда сюда не вернетесь. Вам здесь делать нечего, и вы выполнили свое поручение.

Сэм взглянул на документ. Ничто не смогло бы убедить его в том, что бумага не была сфабрикована час назад.

Но это было все. Конец. Финиш. Он честно отработал свой гонорар. Теперь можно будет отправить клиенту полный отчет о проделанной работе, и пусть уже клиент решает, что делать дальше.

— Что ж, шериф, я привык вести дела по-другому, но, как вижу, здесь порядок вещей меняется медленно, и в мои задачи не входит ускорять ход событий. Однако, боюсь, когда перемены все же придут, для вас это явится страшным потрясением.

— Перемены никогда не придут к нам, так далеко на Юг. Поверьте, у нас есть оружие и у нас есть воля сохранить существующие порядки. А теперь, сэр, каждая секунда, на которую вы задерживаетесь здесь, становится серьезным испытанием для моего терпения, которое и так уже напряжено до опасного предела.

Сэм молча прыгнул в лодку. Он ни разу не оглянулся, пока Лазарь отчаливал от пристани и выводил лодку на середину черной, мутной реки.

Глава 06

Сэм сидел на носу лодки, слишком разозленный на Лазаря, чтобы говорить с ним, и равнодушный к жалким оправданиям, которыми старик пытался объяснить свое внезапное исчезновение.

Он испытывал два сильных противоречивых чувства. Первым было облегчение. Фивы словно находились в безраздельном владении сил зла. Как знать, какие страшные тайны скрыты в городе, какие ужасы творятся там, кто где захоронен и как эти люди встретили свою смерть? Все это было просто ужасно, и избавление от гнетущего давления этого проклятого места наполнило Сэма ощущением безграничной свободы.

Так что какая-то его часть была счастлива. Он выполнил свое поручение, и оставалось только проделать путь назад, вернуться к своей жизни. В каком-то смысле он прошел через очищение, соприкоснувшись с мерзостью и страхом. Сэм сознавал, что мир в целом несколько не интересуется тем, что ему пришлось пережить, так что лучше обо всем забыть или отложить куда-нибудь подальше, в надежде, что это когда-либо еще сможет пригодиться.

Но вторым чувством была бесконечная, испепеляющая ярость. Разум Сэма, привыкший к строгому порядку, тем не менее сохранил определенную гибкость. Он понимал, что порядок сам по себе является огромной ценностью, от которой берет начало все хорошее и великое. Однако порядок остается ценностью только до тех пор, пока он гарантирует и поддерживает все хорошее и великое. Но когда порядок активно противится этому, когда он уничтожает добро, когда, неповоротливый и жестокий, он становится одержим лишь своими самоцелями, наступает большое зло, и это приводило Сэма в ярость.

Он снова и снова ощущал боль от двух умело нанесенных ударов палкой, парализовавших ему руки, переживал страх, лишивший его воли к сопротивлению. Вспоминал, как его, скованного и беспомощного, запикивали в повозку, как ему пришлось мучительно долго ждать шерифа, пока тот не торопясь занимался своими делами. Он видел страх на лицах забитых негров, поражался наглости, с которой ему всучили откровенно липовый документ, являющийся свидетельством того, что он действительно побывал в Фивах.

И Сэм задавался одним вопросом: найдутся ли у него силы, выдержка, воля, чтобы выступить против порядков, царящих в Фивах?

Он знал ответ.

Нет, не найдутся.

Ему это не по силам. Это никому не по силам. Отсюда надо просто бежать без оглядки, возвращаться к лучшей жизни, и скоро все воспоминания сотрутся. А дальше – новые выборы, забота о подрастающих детях, карьера, несколько томов мемуаров, величественное надгробие и уважение всех тех, кто останется после него. И этого будет достаточно.

Взглянув в глаза своей слабости и признав поражение, Сэм несколько успокоился. По берегам реки тянулись сплошные сосновые заросли. Тишина нарушалась лишь ровным ворчанием старого двигателя. День выдался чуть прохладнее предыдущего. Приближался вечер, и стало ясно, что через пару часов, когда лодка войдет в лабиринт заболоченных проток, стемнеет и придется снова сделать привал на ночь, чтобы продолжить путь завтра утром.

Сэм мысленно прикинул: завтра к вечеру он будет в Паскагуле. Первым делом надо будет позвонить жене и сообщить ей, что все в порядке. Ночь можно будет провести в самой хорошей гостинице Паскагулы, если в городе вообще есть гостиницы... Впрочем, есть идея получше. Можно будет нанять машину, спуститься чуть дальше к заливу, возможно, в шикарный Билокси – уж там-то обязательно найдутся хорошие гостиницы. Быть может, стоит остаться там на день-два; щедрое вознаграждение определенно позволит ему не стесняться в средствах. Вероятно, можно будет даже списать эти затраты на накладные расходы, ведь надо

же будет прийти в себя и восстановить силы после пережитого кошмара, разве не так? Сэм представил себе, как он ужинает под медленно вращающимся вентилятором, среди папоротников и пальм; перед ним ослепительно искрится белый песчаный пляж. Ужин начнется с устриц, только что выловленных в Матушкином заливе, далее последуют морской окунь или форель, жаренные в масле, а обслуживать его будет элегантный чернокожий господин в белом смокинге. Зал будет наполнен красивыми, счастливыми людьми, лучшими, какие только могут быть в нашей великой стране...

Какое блаженство, какой разительный контраст с тем, что осталось позади! На следующее утро, свежий и отдохнувший, он отправится на машине в Новый Орлеан; оттуда по железной дороге до Мемфиса, машиной до Блу-Ай – и он будет дома, дома, дома, дома.

Послезавтра он будет дома.

Дома, дома, дома. И тут Сэм увидел тело.

По воле случая, как раз в этот момент он смотрел вниз, в черную воду. От неожиданности Сэм испытал такое сильное потрясение, что у него даже мелькнула мысль: это всего лишь плод его воображения, злая шутка, которую сыграл с ним воспаленный рассудок. Но уже в следующее мгновение он понял, что нет, это действительность, а не призрак, не видение, не образ, существующий лишь в подсознании. Это был труп негритенка, плавающий в нескольких дюймах от поверхности. Мертвенно-бледное от пребывания в воде, распухшее лицо, раскинутые в стороны руки, скрюченные пальцы, широко раскрытые безжизненные глаза, зияющий черный рот, одежда в лохмотьях. Мертвое тело медленно проплыло мимо и скрылось из виду.

Оглушенный Сэм заморгал, не в силах поверить собственным глазам.

Затем он снова увидел прямо впереди что-то плавающее на поверхности, чуть приподнимающееся над водой. Когда старая лодка Лазаря поравнялась с этим, Сэм разглядел, что утопленница – маленькая девочка, тоже чернокожая. К счастью, она плавала лицом вниз, тем самым избавив его от жуткого зрелища открытых глаз, уставившихся в пустоту.

Сэм огляделся вокруг: вся река была усеяна трупами утонувших; мертвые тела плавали повсюду, словно где-то здесь перевернулась лодка и все находившиеся в ней погибли. Всего утопленников было не меньше десяти; они медленно плыли вниз по течению, кружились на месте, покачивались на волнах.

– Останови лодку! Черт побереи, останови же лодку! – крикнул Сэм, перекрывая шум двигателя.

Лазарь вздрогнул и удивленно посмотрел на него, очнувшись от своих убогих мыслей.

– Болван, останови же лодку! – заорал Сэм, бросаясь на корму.

Лазарь не стал глушить двигатель, но уменьшил обороты, и лодка резко сбавила скорость.

– Что вы сказали?

– В воде люди! Разве ты не видишь? Посмотри, посмотри вокруг, тут везде люди! Целая негритянская семья, все погибли, все утонули. Останови лодку!

Лазарь лишь покачал головой.

– Сэр, я же вам говорил. Река очень коварная и опасная. Течения, омуты. Здесь постоянно кто-нибудь тонет. Людей затягивает на глубину, а всплывают они уже разбухшие и мертвые. Мы уже ничем не можем помочь этим неграм. Остается только плыть дальше. Если вам от этого станет легче, можете сообщить властям, когда мы вернемся в цивилизацию. Я не стану тратить время на всякие глупости.

С этими словами старик наклонился и открыл дроссельные заслонки. Двигатель заревел, набирая обороты, и лодка снова...

Но Сэм, стиснув Лазаря своими сильными лапищами, хорошенько встряхнул его, а затем швырнул на дно лодки.

Старик в страхе поднял руку, защищаясь от надвигающегося Сэма.

– Не бейте меня, сэр! Клянусь, я не сделал этим людям ничего плохого! Они бежали от конторы, попали в беду, и река с ними расправилась, вот и все!

Сэм громогласно объявил:

– Ах ты, мерзкий слизняк, ну-ка разворачивай лодку, и мы вытащим из воды тех, кого сможем. Затем мы вернемся назад в Фивы и заставим этого никчемного шерифа оторвать задницу от стула. Пусть возвращается сюда со всеми своими помощниками и фонарями. Быть может, здесь еще есть те, кому удалось зацепиться за дерево или выбраться на берег. Видит бог, мы их спасем – или погибнем, пытаюсь спасти. Я так сказал, и так и будет!

Нагнувшись, он схватил Лазаря за шиворот, рывком поставил на ноги и толкнул вперед. Старик налетел на кабину и сполз вниз.

– Поднимайся и становись за штурвал, или я сделаю так, что ты пожалеешь о том, что появился на свет!

– Да, сэр, да, сэр, – залепетал Лазарь, бледный от страха.

Однако Сэм быстро понял, что нет никакого смысла вытаскивать из воды тела утонувших. На это ушло бы слишком много времени, кроме того, здесь требовались профессионалы с соответствующим снаряжением. Сэм почувствовал, что, возможно, утопленников так и придется оставить в воде.

Поэтому, как самопровозглашенный капитан лодки Лазаря, захвативший корабль в результате бунта, Сэм принял решение, что в данных обстоятельствах лучше будет как можно быстрее вернуться назад в Фивы. Он отдал Лазарю соответствующие приказания.

– А если двигатель перегреется и сгорит, что тогда?

– Тогда я буду хлестать тебя по тощей заднице до тех пор, пока не пойдет кровь. Так что, жалкий старый дурень, тебе придется возвращаться обратно быстрее, чем ты шел сюда.

– Да, сэр.

– А что ты хотел сказать, говоря, что эти негры «бежали от конторы»? Что ты имел в виду?

– Сэр, я не припоминаю, чтобы говорил что-то подобное.

– Послушай, безмозглый болван, ты сам четко и ясно произнес эти самые слова не далее как несколько минут назад, на понятном английском языке. Так что изволь объясниться, иначе я хорошенько тебя встряхну и твои зубы, все три, начнут гроыхать, как игральные кости в стаканчике.

Лазарь угрюмо смотрел перед собой. Им овладело уныние. Старик вел себя так, словно Господь выбрал его в одиночку нести этот чудовищный крест. Он вздохнул.

Сэм пнул его ногой по тощему заду.

– Это помогло? Прояснило твою память, да?

– Вы не услышите от меня ни слова. Если узнают, что я вам что-то сказал, меня убьют. Понятно? Убьют, и все. И вас тоже убьют.

– Говори, черт бы тебя побрал!

– Конторе принадлежит все, что есть у ниггеров. Ниггеры берут у конторы в долг, не могут расплатиться вовремя, не могут заплатить проценты, и контора отбирает залог. У ниггеров ничего не остается. Однажды я случайно услышал, как ниггеры говорили об этом.

– Так. И что дальше?

– А то, что ниггерам приходится отрабатывать долг. Они не могут никуда уйти, никому пожаловаться, ничего не могут. Остаются и работают за кормежку, вот и все. Время от времени ниггеры оказываются сыты по горло всем этим, тогда они пытаются бежать ночью. Кому-то удастся, кому-то нет. Вот этой семье не повезло. Всех забрала себе река. Впрочем, быть может, для них так даже и лучше.

– Боже милосердный! – с отвращением пробормотал пораженный Сэм.

Глава 07

Откуда они узнали?

Однако все обстояло именно так. Почему-то в Фивах от них ничто не могло укрыться.

Старая лодка повернула к берегу. Лазарь направил ее прямо на пристань. Там уже ждали шериф Леон Гаттис и не меньше четырех его помощников, все в форме, вооруженные до зубов. Сзади тревожно перебирали ногами взмыленные лошади. Все вместе, люди и кони, казалось, сошли с гравюры Доре, подобно четырем всадникам Апокалипсиса, несущим смерть.

Но Сэму было все равно.

– Шериф, – окликнул он, взбираясь на пристань, – вам лучше поскорее отправить ваших людей вниз по реке. В нескольких милях ниже по течению перевернулась негритянская лодка, и, возможно, кому-то удалось спастись. Вам понадобятся мощные фонари, потому что, когда вы туда доберетесь, уже стемнеет...

– Сэр, разве мы с вами не заключили соглашение? Вы дали слово покинуть город и ни при каких обстоятельствах никогда больше сюда не возвращаться. А я, со своей стороны, прекращал уголовное преследование по обвинению в сопротивлении сотрудникам полиции при исполнении обязанностей и сеянию смуты среди местного населения.

– Сэр, я вернулся сюда не для того, чтобы тратить время на словесные перепалки. На карту поставлена жизнь людей. Во имя всего святого, нельзя терять ни минуты. Сажайте своих людей в лодки, черт побери, и пусть они немедленно спускаются вниз по реке, черт побери! Раз ваш город стоит на реке, лодки у вас должны быть. Речь идет не о каком-то мелочном обвинении, а о спасении человеческих жизней!

– Черт возьми, мистер, должно быть, вы тупоголовый, или у вас мозги размякли, или еще не знаю что. Я не представлял себе, что в Арканзасе рождаются подобные болваны. Судя по тому, что я слышал, это штат как штат, однако сейчас я вижу, что в нем проживают совершенно спятившие люди.

– Шериф, я настаиваю на том...

– Мистер, я не отправлю своих парней на реку искать беглых негров. Течение здесь коварное, может внезапно опуститься туман, так что не успеешь опомниться, и в беде окажутся не только чернокожие, но и белые.

– Боже мой, мы же говорим о человеческих существах!

– Если эти ниггеры тронулись в путь с наступлением темноты, они чертовски хорошо понимали, на какой риск идут.

– Шериф, – вставил один из помощников, судя по всему, большой балагур, – готов поспорить, это Джимми и Глория.

– Этот Джимми, с ним всегда все не так, – заметил второй. – Вечно от него были одни неприятности. Боже, он утопил свою Глорию и детей.

– Завтра утром мы спустимся и все осмотрим.

– Шериф, – не сдавался Сэм, – правильно ли я понял, что вы не предпримете никаких шагов? Абсолютно никаких? Возможно, какому-то ребенку удалось...

– Там нет никаких детей, сэр. Все дети утонули. Эти люди попытались сбежать от ответственности. Они приняли глупое решение, пошли на смертельный риск и дорого заплатили за это. Такое происходит почти со всеми. За Джимми числился долг, он должен был остаться как порядочный человек и отработать все до последнего цента, а он вздумал бежать, не расплатившись.

– Сэр, должен вас предупредить: если я не увижу, что вы предпринимаете меры по спасению людей, я лично отправлю доклад губернатору штата Миссисипи и...

– Ха! – со смехом произнес один из помощников, – вы только послушайте! Он отправится в Джэксон и расскажет старику Бильбо⁶ про утонувшего ниггера!

Остальные дружно расхохотались.

– Сэр, – снова заговорил шериф, – можете говорить, что хотите и кому хотите. В Джэксоне полагают, что мы здесь прилично справляемся со своей работой. Мы держим в руках распутившихся ниггеров – точнее, этим занимается тюрьма. Мы обеспечиваем порядок, делаем свое дело, и я этим горжусь. А теперь будьте добры немедленно покинуть мой город.

– Мистер Леон, – внезапно воскликнул Лазарь, – не прогоняйте нас прямо сейчас! Я не смогу вести лодку по реке ночью; мы погибнем, как те ниггеры!

Все заговорили разом: помощники продолжали насмешливо обсуждать последствия предполагаемого появления Сэма в администрации штата; Лазарь умолял шерифа разрешить остаться в городе на ночь, чтобы не отправляться вниз по реке в кромешной темноте; Сэм требовал немедленно предпринять действия по спасению потерпевшей катастрофу семьи.

В конце концов у шерифа лопнуло терпение. Достав из кобуры огромный револьвер, он выстрелил в воздух, и все умолкли. Грохот выстрела раскатился над рекой многократными отголосками. В наступившей тишине все повернулись к грузному мужчине с револьвером в руке.

– Так, вы все возвращаетесь на дежурство, – сказал шериф, обращаясь к своим помощникам. – Старик, ты остаешься здесь, причаленный к пристани. С рассветом ты трогаешься в путь, иначе, клянусь богом, ты очень пожалеешь о том, что вообще появился здесь. Ну а вы, мистер адвокат, возвращайтесь в лодку и впредь не смейте больше ступать на землю моего округа. Если же вы все-таки посмеете сюда вернуться, я лично тресну вас по голове так, что на ней навсегда останется шишка и вы будете говорить всем своим друзьям в Арканзасе, что получили ее в округе Фивы, штат Миссисипи, из-за нескольких утонувших ниггеров. И я больше не собираюсь возвращаться к этой теме. Вы слышите, никогда!

– Шериф, вы совершаете большую ошибку.

– Джек, ты останешься здесь и будешь следить за тем, чтобы эти двое вели себя тихо. И ты отвечаешь за то, чтобы с первыми лучами солнца их здесь больше не было. Если они начнут шуметь, разрешаю применить силу. А сейчас я отправляюсь домой ужинать.

Отделившись от своих приятелей, Джек вразвалочку спустился к пристани. Это был широкоплечий мужчина средних лет, вооруженный тремя револьверами; повсюду кожа, португези, ремни. Взглянув на него, Сэм пришел к выводу, что он достаточно туп и отнесется к приказам своего начальника серьезно. Переубедить такого вряд ли удастся: Джек не станет слушать, что ему говорят, а без размышлений воспользуется дубинкой.

Джек смачно сплюнул в воду.

– Не беспокойтесь, шериф, – сказал он. – Можете не сомневаться, я позабочусь об этих ребятах.

Когда Сэм проснулся, было темно.

Он наконец принял решение.

Сэм шел к нему долго, борясь с самим собой, сознавая, что это может поставить под угрозу всю его дальнейшую судьбу, быть может, даже саму жизнь.

Но он понимал, что не сможет жить в Блу-Ай, штат Арканзас, притворяясь, что защищает закон и порядок, когда в каких-то трехстах милях оттуда процветает эта невидимая язва.

⁶ Бильбо Теодор – в 1916—1920 гг. губернатор штата Миссисипи, осуществил на этом посту значительные социально-экономические реформы. Автор допускает анахронизм, поскольку в 1951 г. Т. Бильбо уже никак не мог быть губернатором Миссисипи.

Сэм твердо решил: Фивы должны пасть.

Это должно произойти – неважно как, но произойти обязательно. Сэм мысленно набросал план. Строгий и четкий, который неминусом должен был привести к успеху. Необходимо будет создать что-то вроде комитета из уважаемых, порядочных, честных прокуроров южных штатов – он был лично знаком со многими – и заняться тщательным сбором доказательств. Нужно будет подготовить неопровержимый документ. Затем копии этого документа предстоит осторожно разослать в избранные средства массовой информации, которые обнародуют его содержимое в тот самый день, когда комитет представит доклад губернатору штата Миссисипи, председателю палаты представителей штата, двум сенаторам и пяти конгрессменам от Миссисипи и, черт возьми, быть может даже, хотя бы в целях как можно более широкой огласки, самому Гарри С., черт бы его побрал, Трумэну или, поскольку с тех пор прошло уже несколько лет, этому взлетевшему на самый верх боевому генералу, который в настоящий момент обитал в Белом доме.⁷

Все предстоит делать строго по закону, честно, шаг за шагом, трезво оценивая реальность, чтобы конечный продукт своей страстной убедительностью смог преодолеть бушующую злобу Юга. Сэм хотел достучаться до белых мельников и мелких фермеров, торговцев и арендаторов-испольщиков, политиков из маленьких городов и чертовых женщин (если только им удастся обойтись без дурацких слез!), всяких Джонсов и Уайтов, Мак-как-их-там и О'как-вас-там, – если угодно, до новой Конфедерации всех тех, кто взбирался вверх по Семетри-Ридж и маршировал по широкой равнине под Геттисбергом за дураком Пикеттом⁸, сражался и погибал на залитых кровью кукурузных полях Антиетама⁹. Они смогут это сделать, ибо это у них в груди, им нужен лишь человек, который поведет за собой. Они, и только они, смогут свалить порядок, существующий в Фивах, и сделать наш мир чуточку лучше.

Но Сэм также понимал: все должно начаться с документа.

Все останется пустой болтовней до тех пор, пока не появится вещественное доказательство, лист бумаги, на котором будет прописано четко, как дважды два четыре: здесь царит зло. Так не должно быть. Этому нужно положить конец.

Необходимо иметь на руках что-то неопровержимое. Он прекрасно это понимал, без этого никак не обойтись.

Сэм решил: «Я должен попасть в эту контору».

И тотчас же подумал: это будет безумством. Речь идет о тюрьме, которая строго охраняется и не расстанется просто так со своими секретами. До тюрьмы целая миля по петляющей лесной дороге, по которой он никогда не ходил, на дворе кромешная темнота, и, самое главное, он не тот человек, чтобы проникать куда-то незаконно. Его непременно схватят, а если его схватят, у него будут серьезные неприятности.

Сэм подумал дальше: он не обойдется без помощи. Ему нужен человек, который взял бы на себя риск достать необходимый документ.

Тут он вспомнил пожилую негритянку, которая предоставила ему ночлег в своем курятнике. Сперва ее речь казалась ему сплошной тарабарщиной, но затем, вслушиваясь, Сэм постепенно привык к странным интонациям и начал понимать ее. Это она рассказала ему про контору. Старуха должна понимать порочность юридических основ округа Фивы, суть преступления, сделавшего всех жителей бесправными должниками, вынужденными рабо-

⁷ Автор допускает анахронизм: действие романа разворачивается в 1951 г., а Д. Эйзенхауэр, в прошлом главнокомандующий союзными силами в Европе, занял место в Белом доме только 20 января 1953 г.

⁸ Геттисберг – город в штате Пенсильвания, где 1–4 июля 1863 г. произошло одно из самых значительных сражений Гражданской войны. 3 июля генерал южан Джордж Пикетт прорвал оборону северян в центре, у холмов Семетри-Ридж. Из 15 тысяч солдат Пикетта в живых осталось меньше 5 тысяч.

⁹ В сентябре 1863 г. неподалеку от города Шарпсберга на реке Антиетам-Крик в ходе Гражданской войны произошло кровавое столкновение Потомакской армии северян и армии Конфедерации.

тать практически задаром на хозяев города, которые свели затраты до абсолютного минимума и загребают огромные деньги, чья железная система правления, основанная на насилии, позволяет им набивать свои карманы.

У негритянки должна быть какая-то бумага. Сэм вспомнил ее сморщенное старое лицо, пронизательный взгляд, живые глаза. Да, пожалуй, пожилая «мамаша» была единственным человеком в городе, втайне сохранившим силу духа, умным и в то же время осторожным.

Прищурившись, Сэм разглядел в темноте, что часы показывают почти четыре часа утра. Если ему удастся пробраться незамеченным мимо цербера, оставшегося сторожить причал, к половине пятого он доберется до дома старухи, а в пять уже вернется назад, имея на руках то, что станет отправной точкой. Именно так работает адвокат: добывает бумагу. Ему необходимо достать бумагу. Достать доказательства. Если существуют хоть какие-то доказательства.

Выбравшись из-под одеяла, Сэм осторожно надел ботинки. Хотя воздух был достаточно теплым, он взял пиджак, служивший ему подушкой, и накинул его на плечи, чтобы скрыть свою белую рубашку. Осторожно поднявшись, Сэм пробрался с носа, где он лежал, на корму и задержался на мгновение, вслушиваясь в громкий скрип старых легких Лазаря, который крепко спал в кабине, скрючившись в таком положении, в каком не смог бы заснуть ни один цивилизованный человек. Старик хрипел, словно умирающий с простреленным легким. При каждом выдохе у него на губах пенилась мокрота, но в остальном его нельзя было разбудить даже выстрелом из пушки.

Выбравшись на пристань, Сэм обнаружил, что помощнику шерифа, как и следовало ожидать, надоело торчать на одном месте в ночной тишине и он удалился отдохнуть, вероятно, в обществе покладистой цветной девушки, ибо все полицейские производили впечатление людей, которые при свете дня разговаривали с неграми исключительно посредством кнута, а с наступлением ночи тискали чернокожих женщин.

Сэм поднялся от берега реки по главной улице города, в которой не осталось ничего ни от главной, ни от улицы – лишь заколоченные витрины, за которыми до подступивших вплотную сосновых зарослей тянулись убогие лачуги. Сэм попытался сориентироваться. Туда или сюда? Не то чтобы Фивы представляли собой сложную паутину большого города, где в хитросплетении переулков и тупиков можно блуждать вечно. И все же в темноте все выглядело по-другому, и Сэм не узнавал местность. Но потом он увидел кабака, в котором пытался разговаривать двух желчных стариков, и вспомнил... нет, к лачуге старухи он свернул уже после того, как побывал здесь. Почему он не обращал внимания, куда шел? Тогда это казалось ему неважным, однако сейчас все приобрело огромное значение.

В конце концов Сэм, мысленно представив трехмерную карту Фив, определил свое местонахождение. Пройдя мимо кабака, он свернул в переулок и двинулся мимо притихших лачуг. Время от времени брехали собаки; доносился тихий шорох из курятников, где копошились наседки. В двух-трех местах по какой-то причине не спали свиньи, вероятно, увеличивали количество дерьма на земле. Но человеческих существ нигде не было ни видно, ни слышно.

Стояла теплая, душная южная ночь. Над головой иссиня-черное небо, усыпанное гроздьями звезд, отдыхало от палящего дневного зноя. Повсюду чувствовался запах сосен, бодрящий и свежий, почти лечебный. Ночной мрак скрыл нищету и отчаяние, и Сэм даже мог убедить себя, что находится где-то в нормальном, здоровом месте, а не на этой про'-клятой земле.

И вот наконец он нашел то, что искал. Лачугу пожилой негритянки. Она несколько отличалась от остальных, отстояла чуть дальше от дороги, у самого леса. Но Сэм узнал место, узнал форму строения, и, когда его глаза привыкли к темноте, он различил огорожен-

ный проволокой загон, где так недавно устроился на ночлег в обществе наседок и обиженного петуха.

Сэм крадучись приблизился к лачуге. Он не хотел, чтобы кто-либо увидел, как белый адвокат с Севера навещает ночью чернокожую бабушку. В округе Фивы, штат Миссисипи, бабушке от этого не будет ничего хорошего.

Разумеется, дверь оказалась незапертой. Проскользнув внутрь, Сэм застыл у порога, снова давая взгляду привыкнуть, на этот раз к еще более глубокому мраку замкнутого пространства.

Ознакомившись с возможными препятствиями и наметив маршрут – скажем, чтобы дойти до двери в спальню, он должен был обойти печку-буржуйку посреди комнаты, держась подальше от шатких предметов обстановки, чтобы не задеть за них, – Сэм бесшумно двинулся вперед и вошел в спальню, чувствуя себя сказочным принцем, навестившим бедную Золушку.

Нет, он был воином Господа, пришедшим обрушить гнев и кару Всевышнего на Содом и Гоморру.

Нет, он был перепуганным белым адвокатом, увязшим слишком глубоко, играющим с силами, зловещую суть которых он еще даже не начал постигать.

Сэм приблизился к кровати, гадая, как разбудить старуху так, чтобы она не закричала, поднимая на ноги соседей и служителей закона.

– Мадам! – едва слышно прошептал он.

Ответа не было.

– Бабушка! Бабушка, пожалуйста, проснитесь, это я, мистер Сэм. Я хочу поговорить с вами.

Уже громче, но ответа все равно не было.

Склонившись над кроватью, на которой лежала, закутавшись в одеяло, старуха, Сэм нащупал ее руку и как можно осторожнее пожал ее, шепча:

– Матушка, матушка, пожалуйста, проснитесь. Матушка!

Но матушка продолжала хранить молчание.

Вдруг Сэм почувствовал запах, и тотчас же его пальцы ощутили сквозь одеяло влагу.

Сэм отпрянул назад, но затем заставил себя снова нагнуться к кровати.

Отыскав на столике у изголовья огарок свечи, Сэм нашел рядом несколько деревянных спичек. Чиркнув одной о спинку кровати, он закрыл ладонью внезапно вспыхнувший яркий огонек и поднес его к фитилю. Тот мгновенно занялся. Сэм снова прикрыл огонь ладонью, чтобы никто не увидел свет, и отдернул одеяло.

Старуха была мертва. Из проломленного черепа вытекало что-то черное и впитывалось в одеяло. Страшный удар задел и глаза, и один из них представлял собой лишь кровавое месиво. Для мух было еще слишком прохладно, но с первыми лучами солнца они будут роиться здесь тучами.

Сэму уже не раз доводилось присутствовать при осмотре мест преступления, поэтому он не поддался панике. И все же с его уст сорвался едва слышный вздох.

«Господи, – подумал Сэм. – Кто мог...»

Внезапно в окно ворвались яркие лучи нескольких фонариков. Затем свет вспыхнул и со стороны двери. В комнату быстро вошли люди, и Сэм услышал скрип кожаных ботинок и ремней.

– Мистер, вот теперь вы вляпались по-настоящему, – сказал шериф Леон Гаттис. – Ребята, наденьте на этого янки наручники. Мы арестуем его за совершенное убийство.

Часть 2 Путь Эрла

Глава 08

Эрл навел резкость бинокля, и город словно выплыл из туманной дымки. Открывшаяся картина была именно такой, какую можно увидеть в густом сосновом лесу: убогий городишко, ни одной мощеной улицы, полусгнившая пристань, заброшенная лесопилка, а по другую сторону – жилые постройки, лепящиеся друг к другу жалкие лачуги, в которых живут безразличные ко всему окружающему люди.

Эрл увидел также всадников – шесть, семь, затем восемь, на сытых, холеных жеребцах, в темных мундирах, господа и повелители, безраздельные хозяева всего вокруг. Верховые вихрем проносились по городу, когда у них возникало такое желание, и лица тех, кого они останавливали, искажались от ужаса. В Фивах просто так никто ни с кем не встречался; все столкновения получались напряженными и враждебными.

Поэтому Эрл занялся тем, без чего никак нельзя было обойтись. Он стал составлять план.

Эрл находился на противоположном берегу реки, в каких-нибудь ста ярдах от города. Он лежал час за часом, направив бинокль; сеть линий в тетрадке становилась все чаще, все подписи были сделаны четким и понятным почерком. Эрл также составил график объезда города конными патрулями, отмечая их численность, маршруты следования. Кроме того, он присматривался к самим полицейским, выясняя, кто из них жирный и неповоротливый, кто проворный и жестокий. Все свои наблюдения Эрл заносил в тетрадку.

Рано утром из города уходили все молодые негритянки. Эрл предположил, что все они работают в тюрьме – поварами, швеями и кем там еще, а также прислуживают белым охранникам, несомненно предоставляя им и услуги особого рода. Эрл заметил, что ночью всадники подъезжают к определенным домам, где они проводят примерно около часа. Ему не хотелось думать о том, какие страсти любви и ненависти кипят в лачугах; здесь, в глубинке, все еще господствовали старые порядки, и, вероятно, именно поэтому у многих из ребятишек, днем бегавших по улицам города, кожа была слишком светлой.

Эрл подошел к проблеме совсем не так, как Сэм. В отличие от Сэма он не был юристом; в отличие от Сэма он не рассчитывал на силу законов и правил, на существование рациональной системы, которая должным образом отнесется к запросам и в конечном счете предоставит ответ, doskonaльный и правдивый. Эрл был полицейским, однако в душе своей он остался морским пехотинцем, и любая незнакомая территория была для него вражеской территорией до тех пор, пока он не убеждался в обратном. Эрл действовал осторожно и расчетливо.

Так, например, в тот день, на который они с Сэмом наметили последний срок возвращения адвоката домой, Эрл позвонил жене Сэма и справился о своем друге.

– Нет, Эрл, от него до сих пор никаких вестей. Я уже начинаю беспокоиться. Быть может, мне следует связаться с властями?

Эрл считал, что делать этого не следует, ибо кто знает, каким компасом руководствуются власти заболоченного Миссисипи?

– Мистер Сэм говорил, что надо будет это сделать?

– Нет, ничего подобного он не говорил.

– В таком случае, Мэри, я советую вам подождать. Вы же знаете, как мистер Сэм ненавидит всякую шумиху вокруг себя.

– Эрл, но ведь прошло слишком много времени. А мужа ждало там совсем простое дело.

– Знаете, мадам, эти маленькие города – в них все не так, как бывает у нормальных людей. Насколько я понял, Фивы находятся среди болот, и сообщение в тех краях очень ненадежное.

Затем Эрл позвонил Конни Лонгакр, другому самому близкому другу Сэма. Эрл знал о том, что между ними существуют тесные, близкие отношения, хотя характер этих отношений оставался для него тайной. Впрочем, он абсолютно не горел желанием проникнуть в эту тайну.

– Здравствуйте, миссис Конни.

– Эрл, вы ничего не слышали о Сэме? Я уже начинаю беспокоиться.

– Нет, мэм. Я думал, быть может, вам что-нибудь известно. Вы же знаете, как мистер Сэм любит поговорить.

– Я не получила от Сэма ни одной весточки, Эрл, что на него совсем не похоже. Эрл, что мне...

– Я что-нибудь придумаю.

– Эрл, я...

– Миссис Конни, я обо всем позабочусь.

После этого Эрл сделал еще один звонок. Полковнику Дженксу, начальнику дорожной патрульной службы штата Арканзас, человеку, которого он считал своим наставником наряду с Сэмом.

– Слушаю, Эрл.

– Сэр, мне необходимо срочно взять небольшой отпуск. Я уже проработал без отдыха пять лет подряд. У меня возникла проблема личного характера, с которой мне надо разобраться. Полковник, я буду очень признателен, если вы сможете мне помочь.

Полковник Дженкс любил Эрла, как и большинство тех, кто знал его близко; остальные Эрла боялись. Он понял, что Эрл не стал бы беспокоить его по пустякам. Эрл почти никогда не обращался к начальству с просьбами. Именно на таких безотказных служаках привыкли полагаться командиры.

– Я свяжусь с кадрами, Эрл. Мы проследим за тем, чтобы тебе подыскали временную замену.

– Благодарю вас, сэр. Я вам очень признателен.

– Эрл, ты заслужил небольшой отдых, и тебе самому это прекрасно известно.

Полковник говорил правду. Послужной список Эрла был безупречно чист. Его главная проблема заключалась в том, что он работал слишком усердно, принимал все слишком близко к сердцу, был слишком справедливым и слишком досконально и тщательно продумывал каждый свой шаг. Казалось, эта проклятая медаль, полученная Эрлом на войне, требовала от него абсолютного совершенства, и, видит бог, он всегда и во всем стремился к этому совершенству и скорее умер бы, чем дал бы себе послабление, хотя, разумеется, сам Эрл никогда не обсуждал это ни с одной живой душой.

Самым сложным был для Эрла следующий разговор, с Джун. Однако все оказалось гораздо проще, чем он предполагал. Сказав жене, что ему придется отлучиться на какое-то время, Эрл увидел, как вытянулось у нее лицо.

– Ты отправляешься на войну, – сказала она. – Ты просто бредишь войной. Не можешь остаться в стороне!

– Нет, мэм, – возразил Эрл, – на войну я не отправляюсь. Я больше никому не нужен; считается, что я свое уже отвоевал.

После чего он рассказал жене, что едет всего лишь в Миссисипи, и всего лишь на несколько дней, и только для того, чтобы разыскать Сэма, у которого, вероятно, возникли какие-то неприятности.

– У Сэма? Неприятности? Помилуй бог, Эрл, мистер Сэм способен уговорить самого дьявола уйти из преисподней.

– Знаю. Но быть может, Сэм столкнулся с кем-то похуже дьявола. Впрочем, ты не беспокойся.

Эрл понял, что победа осталась за ним. Джун с ужасом смотрела на то, как он не находит себе места, оставаясь здесь, в то время как морские пехотинцы сражаются в Корее. Она знала, что муж постоянно засыпал письмами конгрессменов и генералов, и со страхом думала, что рано или поздно у кого-нибудь из них хватит глупости позволить Эрлу вернуться в строй, несмотря на многочисленные ранения, полученные во время «большой» войны. Поэтому Джун в определенном смысле испытала облегчение, узнав, что речь идет всего лишь о поездке в Миссисипи.

После этого Эрл занялся приготовлениями к отъезду, а затем сделал еще один звонок, причем на этот раз воспользовался телефоном-автоматом. Он позвонил своему коллеге Уилбуру Форбушу, лейтенанту полиции штата Арканзас, начальнику управления агентурной работы, которое стало необходимым в связи с ухудшением криминогенной обстановки. В течение последних лет Эрл и Уилбур частенько охотились по выходным на уток в затопленных рисовых чеках.

Эрл объяснил, что ему нужно, умолчав зачем.

Но Уилбур полностью доверял своему другу.

– Хорошо, Эрл, но если ты влипнешь в историю, зови меня. Я быстро приду на помощь.

– Спасибо за предложение. Просто я пока не знаю, в чем дело, и поэтому не хочу, чтобы следы вели к моей семье.

– Я так и понял. Я перешлю тебе все, что ты просил, с нарочным. Завтра утром тебя устроит?

– Как нельзя лучше.

На следующий день Эрлу доставили бумажник с водительскими правами, с виду настоящими, выписанными на имя некоего Джека Богаша, проживающего в Литтл-Роке. В числе других документов были карточка социального обеспечения, права водителя грузовика и прочие удостоверения. Разумеется, никакого Джека Богаша в природе не существовало. Все документы были подделками высочайшего качества, предназначенными для тайных агентов, которым по долгу службы приходится сталкиваться с самыми разными проблемами. Обнаружить подделку не смогли бы ни в одной криминалистической лаборатории, за исключением экспертного центра ФБР.

Затем Эрл сел на автобус, отправляющийся до Паскагулы. Он захватил с собой рюкзак со спальным мешком, пистолет 45-го калибра, оставшийся с армии, и карабин «винчестер-95» в чехле. Эрл надел грубую охотничью одежду, высокие сапоги и фетровую шляпу с широкими полями. Никто не обратил внимания на карабин, потому что на Юге повсюду можно встретить ружья в кабинах пикапов и седельных сумках. В дороге Эрл внимательно изучил все карты, какие только смог достать. Лучшей была подробная цветная карта, включенная в «Путеводитель по “штату магнолий”»¹⁰, изданный в 1938 году. Эрл тщательно ознакомился с местностью, запоминая ориентиры, рельеф, характер растительности.

Он не стал сходить в Паскагуле, а продолжал ехать дальше вверх по течению реки, пока не остался единственным белым в салоне автобуса. Доехав до старого, почти опустевшего поселка лесорубов Бенндейл, расположенного на самой границе Зеленого округа, Эрл заку-

¹⁰ Официальное прозвище штата Миссисипи.

пил провизию в продуктовой лавке, после чего отправился искать проводника. Разумеется, до открытия охотничьего сезона еще далеко. Черт побери, ему это прекрасно известно; он просто приехал разведать местность, а осенью привезти сюда группу толстосумов с лицензиями на отстрел оленей, снять с них хорошие деньги и кое-что оставить здесь, так что, черт возьми, никто не будет внакладе. В конце концов Эрла направили к одному бывалому старику по фамилии Мактай, который вызвался доставить его на каноэ вверх сначала по Паскагуле, а затем по ее притоку Лифу. Эрл ответил, что о лучшем не смел и мечтать.

Путешествие по заболоченным протокам прошло без происшествий, но затем Эрл переменял свои планы. Вместо того чтобы подниматься вверх по Лифу, он попросил старика высадить его прямо здесь, у слияния трех рек, Лифа, Яксахатчи и Паскагулы. Эрл сказал, что поднимется вдоль Лифа пешком, чтобы лучше изучить местность. Старик должен будет ждать его здесь же ровно через неделю.

– Мистер, здесь очень опасные места, – предупредил его сгорбленный, сморщенный Мактай. – Тут полно топей, трясин и «адских дыр» – так у нас называют места, где земля провалилась и деревья растут так густо, что пробраться внутрь еще можно, а вот выбраться назад нельзя. Течение коварное. Никто не знает, кого можно встретить в лесу. Говорят, здесь еще остались индейцы. Говорят, тут живут ниггеры. А еще надо опасаться собак. Одицавшие собаки, огромные как волки, они бродят стаями и способны мгновенно разорвать человека на части. Милях в тридцати – сорока отсюда расположена тюрьма, и засунули ее в эту глушь не потому, что места тут гостеприимные и легкопроходимые.

– Что ж, сэр, у меня нет ни малейшего желания приближаться к тюрьме. Но я опытный охотник и, уверен, не пропаду в здешних лесах. Свою работу я не смогу выполнить, если буду просто смотреть на землю с борта каноэ. Я собираюсь отыскать и нанести на карту «адские дыры», определить, где можно будет останавливаться на ночлег, где проходят оленьи тропы, где можно надеяться на встречу с могучими рогатыми самцами, если такие водятся в здешних краях.

– Водятся, смею вас заверить, с настоящими зарослями на голове. Вижу, мне не удалось вас отговорить. Судя по всему, вы человек твердоголовый. Что ж, сынок, похороны будут ваши, а не мои. Не хотите передать какую-нибудь весточку родным?

– Да, сэр, мистер Мактай, – сказал Эрл, записывая адрес Джека Богаша в Литтл-Роке. – Оставьте это у себя. Вы вернетесь сюда через неделю. Если я буду здесь – что ж, все отлично. Если же нет, возможно, я просто ушел в другую сторону. Так что вы все равно не беспокойтесь – разве что через несколько недель моя вдова поднимет тревогу и обратится в полицию штата. Тогда вы расскажете, где я начал свой путь, и, если повезет, удастся отыскать мое тело.

– Сэр, надеюсь, вы знаете, о чем говорите.

– Мистер, не могу сказать, что я в восторге от того, что меня ждет. Но вот чем приходится сейчас заниматься, чтобы заработать на жизнь. И если дело выгорит, я буду очень счастлив.

Сплюнув в реку, старик высадил Эрла на берегу Лифа, развернулся и уверенными гребками повел каноэ вниз по течению. Вскоре утлое суденышко скрылось за излучиной.

Оставшись один в этом мрачном болотном святилище, Эрл не стал терять времени даром. Расчехлив карабин, он вставил четыре патрона с пулями 306-го калибра весом 150 гран в магазин, который у данной модели представлял собой не трубку под стволом, а сложный подпружиненный колодец, снаряжать который приходилось особенно аккуратно, и передернул затвор, досылая патрон в патронник. Покончив с этим, он спустил курок и поставил карабин на предохранитель.

Следующий шаг – компас. Эрл провел азимут строго на восток, через треугольник суши, разделяющий расходящиеся рукава Лифа и Яксахатчи, чтобы через шесть или семь часов быстрого марша дойти до Яксахатчи милях в двадцати ниже по течению от Фив.

Затем Эрл закинул рюкзак на спину и повесил фляжку на ремень. Пистолет 45-го калибра по-прежнему оставался в рюкзаке. Хотя Эрл уже давно расстался с армией, он вел активный образ жизни и его организм был полностью подготовлен к дополнительной нагрузке. Сейчас Эрл находился не на острове, занятом японцами, поэтому он шел быстро, не заботясь о скрытности, по кратчайшей прямой, насколько это было возможно. Как только Эрл отошел достаточно далеко от воды, вокруг него сомкнулся сплошной сосновый лес, и вскоре пот пропитал насквозь его рубашку и тулью шляпы. Эрл быстро шел пять часов подряд, обходя стороной «адские ямы» и неизменно возвращаясь на азимут, который вел его строго на восток. Наконец он устроил короткий привал, перекусил консервированным тунцом (пустую банку он закопал) и сделал несколько глотков воды из фляжки. И снова вперед. Когда начало смеркаться, Эрл дошел до Яксахатчи в том месте, где река становилась широкой и прямой, делая последний двадцатимильный бросок через сосновые заросли к Фивам. Два часа он потратил на то, чтобы своим великолепным армейским ножом срубить тонкие сосны и ободрать их от веток. Работа продолжалась и с наступлением темноты, но зато у него в конце концов был готов плот.

Эрл провел ночь без костра, сидя в спальном мешке, положив карабин на колени и не закрывая глаз. Он так ни разу и не отключился полностью, но тем не менее восстановил силы.

Завтрак в предрассветном полумраке состоял также из консервированного тунца, за которым последовал консервированный томатный суп. Эрл не разогревал консервы, а банки тоже закопал. К тому времени, как выходят на охоту любители пострелять уток, он уже был на плоту, медленно продвигаясь с помощью шеста вдоль берега, не выплывая на середину, готовый при первых признаках приближающейся опасности укрыться в прибрежных зарослях.

До поселка, который он определил как Фивы, Эрл добрался задолго до наступления темноты. Причаливать к берегу ему пришлось лишь один раз, когда отдаленный гул мощных двигателей заблаговременно предупредил его о приближении крупного судна. Это был тридцатипятифутовый пароходик управления исправительных учреждений Миссисипи, раз в неделю поднимающийся вверх по Яксахатчи до Фив со съестными припасами и небольшой группой несчастных, которым предстояло пополнить число заключенных Фиванской колонии. Эрл внимательно изучил пароходик в бинокль и не обнаружил ничего необычного, за исключением большого белого ящика со странной эмблемой в виде красных треугольников вокруг красной точки в том месте, где находился бы красный крест, если бы в ящике содержались медикаменты. Ничего похожего на это Эрл никогда не видел; он сделал отметку в тетрадке, после чего сразу же задвинул эту информацию на задворки подсознания, начисто вычеркнув ее из функционального слоя памяти.

Эрл занял позицию напротив города и стал наблюдать и ждать. Довольно скоро стало очевидно, что на противоположном берегу реки имеется что-то вроде форпоста, расположенного достаточно близко к городу, чтобы полицейские регулярно совершали объезды. Они вели себя слишком агрессивно и слишком часто меняли лошадей, из чего следовало, что их база находится где-то совсем рядом.

И Эрл мог предположить, где именно. К северо-западу от города, на одинаковом удалении от Фив и от Фиванской исправительной колонии для цветных, которую Эрл пока что еще не видел.

Эрл знал, что она где-то там; он определил это по лаю собак.

Глава 09

Собаки.

По крайней мере, они не разгуливали на свободе. Вместо этого они были заперты в псарню, окруженную оградой из колючей проволоки. Помощники шерифа пребывали в такой блаженной самоуверенности, что не патрулировали вокруг своей базы с собаками, не несли ночные дежурства и вообще не предпринимали никаких серьезных мер безопасности. Вот насколько высоко вознесшимися над миром они себя чувствовали. Они мнили себя королями, эти ребята, восседающие на сытых жеребцах, с собаками на цепи, спокойные и уверенные хозяева этой земли, состоящей из сосновых лесов и заболоченных протоков и населенной забитыми, испуганными неграми.

Эрл внимательно изучил псарню: здесь содержались доберманы, эти приземистые, жилистые твари со страшными пастями, источающими слюну, – бездушные машины, обученные идти по следу и рвать на части. Собак было штук двадцать, и они резвились и прыгали в своих загонах, но Эрл знал, что, если их пустят за ним, они не будут знать пощады. У собак это в натуре.

Эрл боялся собак. На Тараве в составе двадцать восьмой дивизии морской пехоты действовали специальные подразделения служебных собак. Собаки спускались во взорванные бункеры, выискивая оставшихся в живых японцев. Обладая значительно более тонким обонянием по сравнению с людьми, собаки отличали по запаху живых от мертвых. Обнаружив раненого, они загрызали его, иногда до смерти. Собаки вытаскивали японцев из бункеров и дотов, кусаясь и лая, и те, окровавленные, нередко контуженные, отбивались от них, повинаясь врожденному инстинкту самосохранения, но без особого рвения. Как ни ненавидел Эрл японцев, подобные картины не доставляли ему радости; свора собак буквально раздирала на части раненого, как правило уже истекающего кровью, чей запах сводил с ума и без того разъяренных животных. А тем временем проводники, люди жестокие по природе, со смехом натравливали своих питомцев. Собаки вырывали куски живой плоти или же, вцепившись зубами в руку или ногу, дергали и тащили. Ни один человек, даже солдат-японец, не заслуживал подобной смерти – быть разорванным на куски собаками, просто так, ради забавы. Эрл надеялся, что после окончания войны всех этих собак умертвили. В мирной жизни нет места такому животному, приученному к крайней степени жестокости. Да, это были свои собаки, но при мысли о них Эрла охватывала дрожь. Он считал, что всему должен быть предел.

И вот сейчас собаки производили на него такое же впечатление. Холеные и откормленные, они были испорчены человеком, развившим у них самые свирепые инстинкты. В каком-то смысле эти собаки олицетворяли все то зло, которое может принести в мир человек, наложившееся на невинность тупого, грубого животного. Эрл отметил, что на псарне царит закон стаи, поддерживаемый силой клыка и когтя. Судя по всему, предводителем была здоровенная черная псина, усаживавшая молодых собак одним пристальным взглядом и оскалом. То же самое, что и у людей. Вот почему Эрл всеми силами стремился держаться подальше от любых стай. Старик, ухаживающий за собаками, сам напоминал скорее пса, чем человека; он был уже не столько полноценным человеком, сколько посланцем в собачий мир от расы людей. Остальные помощники шерифа держались от него подальше. Именно этого старика собаки воспринимают как своего хозяина; именно он поведет свору по следу Эрла, если дело дойдет до этого.

Эрл отыскал полицейский участок на рассвете, просто пройдя по следу, оставленному лошадьми. Это были грубые строения из бревен, больше напоминающие кавалерийский

форпост. Ибо помощники выезжали исключительно верхом, и, похоже, все свои обязанности они выполняли верхом, иногда с одной-двумя собаками на поводке.

Итого: псарня, конюшня и собственно здание участка, построенные из бревен и надежно отгороженные от окружающего соснового леса высокой оградой из колючей проволоки. И разумеется, ни одному негру не позволялось даже подходить близко. Возможно, собаки были обучены узнавать негров по запаху. К главному зданию была пристроена небольшая арестантская камера; именно здесь должны были содержать Сэма, в противном случае он находился дальше по дороге в самой колонии, и тогда, для того чтобы его освободить, потребовалась бы целая дивизия морской пехоты. Укрывшись в густых зарослях, Эрл наблюдал за участком и видел сытых, уверенных в себе людей, занятых привычной работой. Постоянные разъезды верхом, прочие служебные обязанности. Главным был здоровенный верзила, к которому остальные относились с уважительным почтением и звали его «шериф Леон». Эрл утвердился в мнении, что Сэм находится здесь, потому что шериф Леон время от времени проверял камеру, причем с большим рвением.

Эрл понял, что ему надо будет проникнуть на огороженную территорию. Он внимательно изучил местность, пытаясь найти способ сделать это.

Он знал, что одним из решающих факторов будет ветер. Если собаки его учуют, они поднимут лай; это может насторожить помощников, и те, скорее всего, выпустят собак. Собаки обязательно его найдут, и на этом все кончится. Его схватят и заточат вместе с Сэмом. Какой от этого будет толк?

Первую ночь Эрл терпеливо следил за направлением и силой ветра. Он выяснил, что самым спокойным воздух остается приблизительно с пяти часов утра до рассвета. Эрл понимал, что ему придется приблизиться к участку с противоположной от псарни стороны, причем двигаться надо будет очень медленно. Если он начнет потеть, собаки обязательно это учуют; обоняние у них совершенное, они привыкли к тому, что все обстоит в точности так, а не иначе, и обязательно заметят малейшие отклонения.

Наблюдая за полицейским участком с терпением прирожденного охотника, Эрл чувствовал, как его все больше и больше охватывает беспокойство. Одно дело, если бы полицейские жили вместе со своими семьями, уходили на службу и возвращались домой, в обычный мир, к женам и детям, церкви и кино. Однако эти ребята вели совершенно другой образ жизни. Они жили в полном уединении, в лесной глуши, постоянно носили форму, внушающую таинственность и страх, и отгораживались от окружающего мира колючей проволокой и свирепыми собаками. Они были похожи не на полицейских, занимающихся поддержанием порядка, а на солдат оккупационной армии на захваченной территории.

И все они были молодыми. То есть им хорошо платили за казарменную жизнь в глухом лесу на военном положении. Следовательно, за всем этим должны были стоять большие деньги, определенно не такие, какими может располагать этот жалкий, убогий округ Фивы и этот утопающий в грязи поселок, живущий исключительно за счет исправительной колонии, расположенной в миле вверх по реке.

Эрлу это совсем не нравилось. Собаки, лошади, оружие, страх местных жителей, Сэм, запертый где-то здесь. Ему это нисколько не нравилось.

Эрл отскабливал себя от грязи в холодном ручье до тех пор, пока весь не покрылся мурашками, после чего надел последнюю смену чистого нижнего белья. Конечно, несмотря на относительную прохладу, он все равно будет потеть, и все же так его запах будет гораздо слабее.

В половине пятого утра Эрл бесшумно проскользнул к проволочному ограждению и осмотрелся вокруг. В арестантской камере горела свеча, означавшая, что там кто-то дежурит, однако Эрл готов был поспорить, что охранник крепко спит. Большое бревенчатое здание

находилось прямо впереди, между ним и собаками. Эрл вымазал лицо грязью, как делал с помощью жженой пробки во время службы в морской пехоте, и разделся до брюк и темной рубашки. Пробраться сквозь ограждение оказалось очень нелегко, и острые шипы в десятке мест проткнули кожу, оставив раны, неглубокие, но жутко зудящие, из которых сочилась капельки крови. Проще было бы просто перерезать проволоку, но в этом случае все открылось бы уже на следующее утро.

Оказавшись за ограждением, Эрл прислушался. Он был безоружен, если не считать армейского ножа с двусторонним лезвием и обтянутой кожей рукояткой, с помощью которого можно было при необходимости прирезать собаку. Однако ни одна собака не завывала и не залаяла, и никто его не окликнул. Эрл долго лежал на одном месте, не шелохнувшись. Затем наконец встал и пошел.

Он шел спокойно, уверенно. Не крался, не двигался быстрыми перебежками, не старался прятаться в тени. Если его и заметят из дома, то примут за своего. Эрл пересек внутренний двор и подошел к дому, ожидая в любое мгновение услышать строгий оклик, которого так и не последовало. Похоже, эти ребята чувствовали себя здесь в полной безопасности.

Обогнув здание, Эрл подошел к арестантской камере и заглянул внутрь. За столом спал помощник шерифа, дрова в печке почти прогорели. В дальнем углу три камеры: две открытые, одна запертая. Вот где должен находиться Сэм. Но Эрл не стал входить. Вместо этого он прокрался вокруг, мимо двери, и наконец нашел точку опоры в виде окошка над сточной канавой. Он подтянулся вверх, стараясь не издавать ни звука. И снова его никто не окликнул. Эрл немного выждал, сидя на корточках, затем встал на ноги и пошел по краю крыши, пока не оказался, по своим прикидкам, над запертой камерой.

Опустившись на четвереньки, он достал нож и начал вскрывать крышу. Эрл рассудил, и совершенно правильно, что крыша окажется наименее прочной, поскольку заключенным до нее никак не добраться. Дерево действительно было старым, сгнившим; drank размякла. Усердно орудуя ножом, Эрл быстро вскрыл шов в рубероиде, прорезал гнилое дерево и наконец проделал небольшое отверстие. Заглянув вниз, он увидел Сэма, спавшего беспокойным сном на деревянном топчане.

Эрл просто выпустил каплю слюны. Конечно, это было неэстетично, однако плевок попал спящему на лицо, и тот встрепенулся. Еще один плевок, и Сэм проснулся.

– Ш-ш-ш! – предостерег его Эрл. – Мистер Сэм, ведите себя тихо.

Сэм заморгал, решив, что ему померещилось. Он ошалело огляделся вокруг.

– Эрл, это ты?..

– Ш-ш-ш!

Умолкнув, Сэм наконец поднял взгляд вверх. Увидел дыру в прогнившем потолке и за ней глаз, который мог принадлежать только Эрлу.

– Боже милосердный, как ты меня нашел?

– Неважно. Что с вами произошло?

– О господи! Эти ребята загребли меня по вздорному обвинению в убийстве, которое ни секунды не продержится в настоящем суде и даже перед большим жюри. Эрл, я понятия не имею, что замыслили эти люди. Я хочу, чтобы ты связался с нашим конгрессменом и затем...

– Ш-ш-ш! – снова остановил его Эрл.

– Нет, я все тщательно обдумал и знаю, как именно надо действовать. Слушай меня внимательно...

– Мистер Сэм, это вы слушайте меня внимательно. Я хорошенько рассмотрел эту контору и должен вам сказать: вы влипли в дерьмо по самые уши.

– Эрл, ты должен связаться с конгрессменом Этериджем, губернатором Деккером, губернатором Миссисипи Бильбо и затем...

– Ничего этого я делать не стану. Первый же мой шаг приведет к тому, что вас немедленно убьют. Я собираюсь просто вытащить вас отсюда.

– Эрл, нет! Совершив побег, я нарушу закон. И в этом случае я стану ничуть не лучше, чем...

– А если вы не унесете отсюда ноги, вас прикончат. И в этом случае вы станете ничуть не лучше, чем черви, которые вас сожрут, причем, должен заметить, с превеликим наслаждением. Мистер Сэм, хорошенько всмотритесь в карты, которые вам сдали: эти ребята в живых вас не оставят. У них нет выбора. Уже сейчас они готовят почву: несчастный случай, неудачное падение, гибель в реке или в зыбучих песках – что именно, я не знаю. С вами расправятся грубо, но внешне все будет выглядеть чисто. Уверю вас.

– Эрл, существуют законы и...

– Здесь никаких законов не существует. Слушайте меня внимательно. Я могу вытащить вас отсюда. Но вы должны быть готовы, понимаете? Я должен буду расставить ловушки на собак, проложить маршрут, спрятать по дороге припасы. И мне нужна от вас какая-то вещь с сильным запахом. Лучше всего пропотевшая нательная рубашка.

– Это я могу дать.

– Хорошо. Выбросьте ее в окно. Через два дня я приду за вами в два часа ночи. Вас разбудит шум отвлекающего маневра, суть которого я еще не до конца продумал. Пожар, взрывы, что-нибудь в таком роде. Затем я убью вожака стаи и старого псаря и приду за вами.

– Эрл, ты не имеешь права никого убивать! Ни собаку, ни тем более человека!

– И тот и другой прикончат вас, не моргнув глазом.

– Эрл, я не совершил ничего противозаконного. Если на твоих руках будет кровь, мы окажемся по ту сторону закона. Возврата назад больше не будет. Я никогда не смогу простить себе то, что заставил тебя пойти на подобное. Уж ты-то не имеешь права становиться преступником. Я скорее утону в реке, чем искалечу твою судьбу.

– Вы упрямый, словно старый бизон.

– Эрл, поклянись мне, что ты никого не убьешь. Что бы ни было на совести этих людей. Ты не можешь их убивать, ибо это поставит нас с тобой на одну доску с ними.

Эрл покачал головой. Если Сэм вбил себе что-то в голову, убеждать его было бесполезно.

– Хорошо, мистер Сэм, выбросьте мне свою рубашку. Встретимся послезавтра, в два часа ночи. После чего прогуляемся по сосновому лесу, возвратимся домой и посмеемся над тем, что осталось позади.

Вернувшись перед самым рассветом в густые заросли, Эрл урвал несколько часов сна. Его разбудил какой-то внутренний будильник, и вообще это оказалось плохой идеей, так как Эрлу не удалось полностью расслабиться и провалиться в забытие.

Проснувшись, Эрл снова умылся в холодной воде, сдерживая дрожь, охватившую его, несмотря на душливый зной, и стал думать. В первую очередь необходимо было определиться с направлением. Порывшись в своих вещах, Эрл снова достал проклятый «Путеводитель по «штату магнолий»» за 1938 год. Благослови господи турфирмы или кого там еще, кто его составлял, но работу свою они выполнили хорошо. Помимо подробной карты Эрл нашел на странице восемьдесят три милую схему, подписанную «Транспортное сообщение». Прищурившись, он отыскал то, что ему было нужно, – железнодорожную ветку, ведущую приблизительно с севера на юг, которая связывала Паскагулу с Хаттисбергом и Южной железной дорогой. Вот куда направлятся они с Сэмом в надежде вскочить на проезжающий мимо поезд.

Эрл понимал, что им придется очень нелегко. Собаки пойдут за ними практически сразу же, и надо позаботиться о том, чтобы как можно больше раз сбить их со следа. Чем

быстрее будут преследовать их собаки, тем труднее им придется. Возможно, им не удастся добраться до железной дороги, или они доберутся, но в это время по ней не пройдет ни один поезд. К счастью, местность была слишком лесистая, чтобы организовать преследование верхом; полицейским придется идти пешком, и, привыкшие к лошадям, они будут двигаться очень медленно и неуклюже, оставшись на своих двоих. Люди устанут значительно раньше собак, но собаки будут тянуть их вперед, вместе с безымянным псарем и шерифом Леоном, который воспримет побег как личное оскорбление. У Эрла мелькнула мысль, призовут ли помощники шерифа на подмогу охрану тюрьмы. В каком-то смысле это было бы даже и к лучшему, ибо совместную операцию придется еще организовывать. На это уйдет время, а для Эрла время было решающим фактором.

Он петлял между деревьями, детально прорабатывая план: где он проникнет за ограду, как будет действовать, как освободит Сэма, куда они побегут, по каким приметам будут искать дорогу в лесу. Эрл сориентировался с помощью компаса, затем спустился к ручью и спрятал там пистолет, рюкзак и карабин, чтобы забрать все на обратном пути. Он подумал, что поступил очень умно, захватив карабин, из которого можно будет перестрелять пущенных по следу собак.

Наступила ночь, и Эрл снова проник на территорию участка. Первым делом он направился на конюшню. Пройдя мимо беспокойных, взмыленных благородных животных, Эрл отыскал на полке со сбруями то, без чего ему никак нельзя было обойтись: веревку. Отличную, прочную, четырехжильную.

Затем он вернулся к сараю, в котором размещался электрогенератор. Полицейские выключали его на ночь. Проскользнув в сарай, Эрл нашел несколько двадцатипятигаллонных бочек солярки. Осмотревшись вокруг, он отыскал канистры емкостью по галлону, с помощью которых заправлялся горючим генератор. Взяв три канистры, Эрл наполнил их до краев и плотно завинтил крышки. Три галлона солярки. С помощью этого можно сотворить немало интересного.

Покончив с этим, Эрл перед самым рассветом снова выскользнул за ограждение, чтобы немного выспаться. Ему предстоял очень трудный день. Ну а самое трудное начнется потом.

Шериф пришел в три часа дня.

– Что ж, сэр, – сказал он, – наконец у меня есть для вас кое-какие новости.

– Замечательно, – ответил Сэм. – И у меня тоже есть для вас кое-что. Шериф Гаттис, я собираюсь не только подать на вас официальную жалобу в полицию штата и в Федеральное бюро расследований, но добиться того, чтобы вы и ваши люди предстали перед судом. С превеликим удовольствием я отправлю вас за решетку на очень долгий срок, и на свободу вы выйдете нищим, без надежды до конца своих дней найти хоть какую-нибудь приличную работу. Возможно, вам посчастливится занять место одной из негрятенок, работающих уборщицами в тюрьме.

– Сэр, должен сказать, ваш язык подобен ядовитому змеиному жалу. Еще ни разу в жизни мне не приходилось встречать человека, у которого золотой голос сочетался бы со злобным языком так, как у вас. Определенно, вам не место здесь, в Миссисипи.

– Шериф, когда я с вами разберусь, вы будете горько сожалеть не о том, что я ступил на территорию вашего штата, а о том, что это сделали вы, черт бы вас побрал!

– Это мы еще посмотрим. А что касается завтрашнего дня, так вас доставят вниз по реке в городок, который называется Льюсдейл. Именно там в настоящее время располагается судья Третьего судебного округа. Судья решит, достаточно ли у нас доказательств, чтобы судить вас по обвинению в убийстве.

– Вам прекрасно известно, что я непричастен к этому преступлению. У вас нет никаких улик, вы не проводили анализ следов крови, моих отпечатков пальцев на месте преступления

нет. Любой коронер сразу же установит, что смерть несчастной женщины случилась задолго до моего появления.

– Может быть, да, а может быть, и нет. Однако факты говорят о том, Винсент, что именно вас, а не кого-либо другого мои помощники обнаружили в доме убитой. Как знать, быть может, вы приехали в Ниггертаун и не смогли удержаться от дешевых развлечений. Почему-то вам пришло в голову, что старуха ублажит вашу похоть, однако она отказалась, и вы раскроили ей голову. Нам уже не раз доводилось видеть такое. Если бы вы были местным, мы бы, возможно, сказали: «Старина Винсент, он думал не головой, а головкой», и этим бы все кончилось. Мало ли что бывает с людьми. Но поскольку вы пришлый агитатор, правила для вас будут другими.

– Это просто вздор. Любой прокурор презрительно отмахнется от ваших вымыслов. Вы произвели опрос свидетелей, сопоставили время, оцепили место преступления, изучили окружение убитой, ее родных и знакомых, у кого, возможно, были причины ненавидеть и убить ее? Нет, вы просто схватили совершенно невиновного...

И вдруг Сэм осекся. Внезапно ему все стало ясно.

Эрл был прав. Завтра, во время переправы по реке, он утонет. Его поглотит вода, как поглотила она семью негров. В этой истории главное – заставить его замолчать. Навеки.

– Вы предстанете перед судьей, – зловеще улыбнулся шериф Леон. – У вас будет возможность связаться со своим адвокатом. Мы выясним все раз и навсегда. И все будет в порядке, правосудие восторжествует, как это всегда бывает в округе Фивы.

Глава 10

Ни луны, ни ветра. Собаки не лаяли. Казалось, в Фивах, штат Миссисипи, стоит еще одна тихая, спокойная ночь в долгой цепочке таких же жарких, душных летних ночей, похожих одна на другую.

Эрл, сидевший на корточках за проволочным ограждением, сверился с часами. Он был одет не по сезону, а скорее для боя: высокие, тяжелые охотничьи ботинки, темно-синий свитер, шапочка, лицо, выпачканное грязью. В ножнах на бедре нож. Часы на запястье перевернуты, чтобы скрыть блеск фосфоресцирующего циферблата.

По его прикидкам, «коктейль Молотова» из солянки и натертого в порошок мыла с запалом из зажженной сигареты, вставленной в пропитанную горючей смесью тряпку в горлышке, ровно через минуту взорвется в заброшенном здании на окраине Фив, меньше чем в полумиле отсюда. Пламя быстро распространится по убогому строению, воспламенив пороховые фитили, которые, в свою очередь, приведут огонь к хлопушкам, сооруженным из патронов 45-го калибра. Несколько секунд будет казаться, что в Фивах происходит ожесточенная перестрелка. Постройка сгорит дотла; когда пламя доберется до сердцевины толстых досок на крыше, ночную тишину прорежут еще несколько выстрелов.

Эрл рассчитывал, что подручные шерифа поднимутся на ноги за считанные секунды. Что-то, а дело свое они знают. Шериф Леон вышколил их реагировать немедленно на любые чрезвычайные ситуации. Оседлав коней, помощники через пару минут умчатся в город отражать нападение неведомого врага. После этого Эрл ворвется в арестантскую камеру, уложит всех тех, кто там окажется, и освободит Сэма. Они скроются в лесу. Однако передышка окажется очень недолгой. Эрл понимал, что надо будет успеть как можно дальше оторваться от собак.

Он снова взглянул на часы, и у него мелькнула мысль: сколько раз за последние годы он уже сверялся с часами в темноте, ожидая, когда наступит определенный момент, когда будет подан сигнал и начнется что-то такое, что посчитал необходимым кто-то посторонний. Но сейчас наконец Эрл сам определил, что ему необходимо сделать. Он должен спасти человека, которого любит больше всех на свете, иначе жизнь для него потеряет всякий смысл. Вот как работала его мысль, и только так она и могла работать. Эрл не колебался ни секунды, не рассматривал другие возможности, не испытывал сомнений, тревоги, соблазна воспользоваться более легким путем, и если он и знал чувство страха, оно было запрятано глубоко под агрессивной решимостью, вызванной силой воли, — это умение сосредоточиться на главном Эрл считал подарком судьбы.

Его с Сэмом связывали неразрывные узы. В детстве, о котором Эрл предпочитал не вспоминать, во всем отвратительном мире только Сэм проявлял к нему доброту и нежность, гораздо большую, нежели родной отец Эрла, шериф. Свэггер-старший по нескольку раз в неделю ремнем для правки бритв вбивал волю Господа и слово баптистской Библии в Эрла, его брата и мать. Но Сэм оставался неизменно добрым и ласковым и однажды даже упрекнул отца Эрла в чрезмерном рвении наказывать.

Прошли годы; Эрл отслужил в морской пехоте и, вернувшись с большой войны, оказался втянут в новую, в Хот-Спрингсе, где опять был на волосок от смерти. И снова Сэм пришел к нему на помощь. Разыскав Эрла, он сказал ему: «Так, Эрл, у меня есть одна вакансия. Мне нужен следователь в округе Полк. Денег много не обещаю, но ты будешь работать в правоохранительных органах, и я постараюсь замолвить за тебя словечко. Молодой человек, я хочу, чтобы ты работал на меня. Я не хочу, чтобы с тобой произошло какое-нибудь несчастье».

Вот как случилось, что они проработали вместе несколько лет, и Эрл наконец начал понимать, что в каком-то смысле – это нельзя было бы найти ни в одной книге, но он это чувствовал, знал, несмотря на все то, что пишут в книгах, – Сэм стал ему тем самым отцом, о котором он всегда подсознательно мечтал. Разумеется, Эрл не смог бы выразить это словами, ибо слова обманчивы и никогда не означают именно то, что сказано, или, еще хуже, никогда не выражают тот смысл, который в них вкладывают. Но Сэм был человек честный, справедливый и убежденный, трудолюбивый, как пчела; именно Сэм помог Эрлу взять в банке кредит, чтобы привести в порядок старый отцовский дом. Сэм относился к мальчику Эрла скорее как к родному внуку, чем как к сыну подчиненного, и искренне любил Боба Ли, а тот отвечал ему взаимностью.

Так что сейчас, черт побери, мы пойдем до конца, не оглядываясь назад, и сделаем то, что должны.

Эрл снова взглянул на часы. Да, вот-вот должно уже...

Вдалеке прогремел взрыв. Это был даже не столько взрыв, сколько свидетельство вырвавшейся на свободу огромной силы. Над деревьями поднялось зарево, и через мгновение послышался треск петард – Эрл сделал их двадцать пять из тридцати патронов, с трудом вытащив из гильз пули и залепив отверстия глиной. Канонада получилась славной; в целом создалось ощущение, что банда Долтона¹¹ решила одновременно ограбить два банка в городке, в котором банков не было и в помине.

На глазах у Эрла большое бревенчатое строение ожило. Кто-то завел генератор, повсюду вспыхнул яркий свет. Один помощник шерифа, за ним другой, потом сразу трое или четверо выскочили на улицу, чтобы узнать, в чем дело. Кто-то начал колотить в большой гонг, и на короткое мгновение все это показалось почти смешным – Эрлу даже пришло на ум выражение «пожарная тревога по-китайски»¹². Полицейские во главе с шерифом растерянно высыпали во двор, пытаясь понять, что происходит.

По дороге примчался патрульный. Влетев во двор, он с трудом осадил взмыленную лошадь и начал кричать:

– Лавка Саттера горит, и кто-то палит оттуда из нескольких стволов. Я не знаю, что там; наверное, ниггеры задумали поднять восстание!

– По коням! – заорал шериф. – Надо пресечь бунт в корне, иначе черномазые обезумеют и тогда справиться с ними будет нелегко. Шевелитесь, мерзавцы, и живо скачите туда!

Помощники оседлали коней и проверили оружие: зарядили револьверы, вставили патроны в магазины карабинов, передернули затворы, взвели курки, – а затем без лишней суеты маленький отряд выехал за ворота и умчался по дороге, оставив за собой облако пыли.

Эрл расположился под таким углом к строению, чтобы на него выходило как можно меньше окон. В то же время он понимал, что ему нельзя красться или, напротив, торопиться. Поднявшись с земли, он уверенно направился вперед, полагая, что в общей суматохе никто не обратит на него внимания и тем более не заметит, что у него одна лодыжка обмотана нательной рубахой Сэма. Он прошел во двор.

Едва он успел спрятаться за дом, как второй отряд всадников, на этот раз ведомый самим шерифом, умчался вдогонку за первым. Возможно, участок полностью опустел; возможно, здесь еще оставались люди.

Эрл быстро отыскал сарай, в котором усердно работал дизель-генератор, чихая в небо сизым дымом. Он опустил на корточки и открыл крышку горловины топливного бака.

¹¹ Известная на Среднем Западе банда, грабившая банки и поезда в штатах Канзас и Оклахома. В ее состав входили трое братьев Долтонов. В 1892 г. двое старших братьев погибли в перестрелке с полицией в городке Коффивилл, штат Канзас, где банда предприняла попытку ограбить два банка одновременно.

¹² Игра слов: английское выражение «Chinese fire-drill», дословно переводимое как «пожарная тревога по-китайски», имеет также значение «суматоха, неразбериха».

Отвязав скомканную рубаху от ноги, Эрл скатал ее в тонкий рулон и засунул в горловину бака так, чтобы кончик окунулся в солярку. Он знал, что горючая жидкость будет впитываться в волокна ткани до тех пор, пока не пропитает ее всю. Не ограничившись этим, Эрл достал разрезанную пополам сигарету, зажег ее, сделал глубокую затяжку и вставил в скомканную хлопчатобумажную материю. Пока сигарета будет тлеть, солярка будет впитываться в ткань, поднимаясь вверх. Через две минуты (Эрл засек по второй половине сигареты) огонь встретится с соляркой, топливный бак вспыхнет, и копам придется уже думать о двух пожарах, причем второй будет пожирать их собственное имущество.

Выйдя из сарая, Эрл обогнул дом и вошел в арестантскую камеру. Он хотел проскользнуть незамеченным, но пожилой охранник стоял у окна и смотрел на пожар, сжимая в руках обрезанную двустволку. Старик дымил сигарой, растерянно переминался с ноги на ногу, облизывал пересохшие губы и не отрывал взгляда от разгорающегося вдалеке зарева. В каждом его движении сквозило беспокойство.

Эрл достал нож. Ощущение знакомой тяжести в руке, прикосновение гладкой поношенной кожи рукоятки вселили в него уверенность. Он точно знал длину лезвия и то, на что оно было способно.

Он быстро приблизился к старику сзади, сжимая рукоятку ножа.

Эрл нанес удар, и старик упал.

Удар был нанесен металлическим набалдашником на конце рукоятки в то место, где челюсть встречается с черепом, на дюйм по косой ниже уха. Удар получился сильным, ошеломляющим. Свет померк в глазах старика еще до того, как он опустился на пол; обрез с грохотом откатился в сторону. На добрых пять минут охранник был обезврежен.

Подойдя к столу, Эрл схватил ключи и отпер камеру Сэма. Тот молча оделся и даже завязал галстук. Его глаза были широко раскрыты в предчувствии опасности, дышал он часто и неглубоко.

– Пошли, – прошептал Эрл, и они выскочили за дверь.

Сэм, шатаясь, побрел было в ночную темноту, но Эрл решительно схватил его за руку.

– Мы должны выйти через ворота, держась следа, оставленного лошадьми. Если увидите кучу конского навоза, постарайтесь в него наступить. Вы все поняли?

– Как я могу увидеть кучу навоза? Я не разгляжу даже...

Бабах!

Взрыв прозвучал приглушенно; ночное небо разорвал яркий луч, поднимающийся вверх, освещая все вокруг. Взлетев достаточно высоко, луч разделился и рассыпался во все стороны тысячами огненных цветков, которые тотчас же принялись пожирать все вокруг. Крытая рубероидом крыша вспыхнула мгновенно. В свете зарева Эрл и Сэм быстро нашли ворота и выбежали в них по следу разгоряченных лошадей, усыпанному комками навоза.

– Сюда! – заорал Эрл.

Свернув с дороги, они углубились в лес. Густые заросли переплетающихся сосен в темноте казались сплошной непроходимой стеной. Но Эрл отыскал склон именно там, где тот и должен был находиться, и, поднявшись на вершину невысокого холма, сориентировался на восток. Там, за небольшой прогалиной, снова вставала стена деревьев. В одном месте Эрл остановился, включил на мгновение фонарик, поводит лучиком вокруг и нашел привязанный к стволу сосны моток веревки. Подбежав к дереву, он достал нож, освободил моток и засунул его за пояс.

– Сюда, черт побери, и не отставайте от меня. Нам предстоит дальняя дорога. Необходимо пройти за десять часов около двадцати миль. Вы выдержите? Потому что я не смогу тащить вас на себе, мистер Сэм.

– Эрл, я буду бежать до тех пор, пока не свалюсь замертво. Ты замечательный человек. Америка должна гордиться тобой.

– Это вряд ли. Но я собираюсь вытащить вас из этого дерьма, так что в путь!

И они углубились в лес, останавливаясь через каждые сто ярдов, чтобы Эрл мог отыскать на деревьях привязанные мотки веревки.

Пожар потушили только к рассвету, но к этому времени собаки уже взяли след.

– Далеко ему не уйти, – заверил шерифа Леона Перец. – Мои собачки быстро его догонят. К полудню они уже вцепятся ему в задницу, шериф, а в четыре часа вы сможете снова заковать его в наручники, а я вволю попинаю его ногами за ту шишку, которую он мне поставил.

Перец был тем самым пожилым охранником, которого оглушили ударом в ухо. Вся правая сторона его лица распухла, словно мяч. У него раскалывалась голова, и к тому же, получив удар, он от неожиданности проглотил откушенный кончик сигары. Это было самое худшее: целый час после этого Перец отхаркивал бурую слизь и теперь видеть не мог табак. Так что у него было на сбежавшего янки два зуба: один – за шишку под ухом, другой – за проглоченный кончик сигары.

– Да, сэр, собачки вцепятся в его арканзасскую задницу!

Но шериф не разделял подобной уверенности.

Он понимал, что тут не обошлось без второго, и этот второй, судя по всему, был очень хитрым и опасным противником. Шериф чувствовал, что его обвели вокруг пальца. Пожар в городе, как выяснилось, на самом деле свелся к одному заброшенному дому, сгоревшему под аккомпанемент петард, сделанных из патронов 45-го калибра. Умный ход. Незвестный тщательно подготовился к тому, что ему предстояло сделать.

Пока помощники шерифа прятались за деревьями, высматривая своих противников среди пылающих бревен, неизвестный вернулся на форпост, заложил бомбу замедленного действия в генератор и освободил этого проклятого адвоката из Арканзаса.

Шериф только никак не мог взять в толк, почему неизвестный не прикончил собак. Он должен был проникнуть на псарню и перерезать горло всем двадцати псам. Почему он этого не сделал?

– Хорошо, – сказал шериф. – Все захватили с собой спальные мешки? Может статься, погоня будет долгой.

Все помощники уже переобулись в высокие башмаки на шнуровке, поскольку в лесной чаще не проехать верхом, и все закинули за плечи рюкзаки. Их действия были четкими и слаженными. Помощникам уже приходилось охотиться на людей. Все были вооружены карабинами.

– Шериф, не хотите, чтобы я отправился в колонию и предупредил о беглеце начальника тюрьмы и Великана? У них тоже есть хорошие ищейки.

– Проклятье, у них собаки ничуть не лучше моих, – вмешался Перц. – Мои собачки опередят этих шелудивых псов из колонии, даже не запыхавшись. В любой день, хоть в воскресенье, хоть в День перемирия. Да, сэр, с моими собачками никто не сравнится.

Шериф пропустил мимо ушей бахвальство Перца. Он подумывал известить о случившемся начальника тюрьмы и Великана, чтобы в погоне за беглецами смогла принять участие и охрана тюрьмы. Среди охранников тоже есть профессиональные охотники за людьми, которым уже не раз приходилось выслеживать сбежавших нигтеров. Но нет: это значит, придется договариваться, согласовывать действия, назначать места встреч на петляющих лесных тропах, а раций ни у кого нет, так что можно наломать дров. Иногда бывает, что чрезмерное обилие охотников за людьми приводит к тому, что они начинают охотиться друг за другом.

– Нет, мы имеем дело всего с одним человеком, возможно, с двумя. Им предстоит бежать через незнакомый лес, к цели, в которой они не уверены. Мы же знаем наши места, и

у старика Перца достаточно хорошие собаки. Трогайтесь в путь, ребята. И я вот что еще вам скажу: человек, который спасается от правосудия после того, как поджег правительственное здание, готов на все. Он не остановится ни перед чем, лишь бы избежать справедливого возмездия. Так что если поймаете его в прицел, нажимайте на курок. Хорошо? Вы все поняли? Стреляйте на поражение. От этого типа с самого начала пахло неприятностями, и цацкаться с ним не стоит. А теперь шевелитесь!

Отряд начал преследование. Шесть лучших ищеек Перца рвались с поводков, опьяненные сильным запахом Сэма, приставшим к земле. Неистово принохиваясь, они пробежали по следу вокруг сгоревшего здания и пересекли двор, направляясь к ограде из колючей проволоки, под которой, судя по всему, пролез беглец.

Шериф приказал перерезать проволоку, ибо теперь, когда погоня уже началась, он не хотел терять времени на то, чтобы вернуться назад к воротам и обойти вдоль ограждения. Один за другим помощники пролезли в дыру. Последним выбрался шериф.

– Шериф, спустить собак?

– Спускай, Перец. Пусть порезвятся.

Перец щелкнул языком, обращаясь к собакам на каком-то одному ему известном собачьем наречии, и матерый черный кобель, вожак стаи, поборов инстинкт, успокоился и застыл на месте. Следом за ним угомонились и остальные собаки.

Перец обошел их, освобождая от поводков; и хотя инстинкт призывал собак броситься вперед, псарь своей жестокостью приучил их к беспрекословному повиновению. Собаки оставались на месте, сдерживая свои устремления: они понимали, что иначе их ждет хорошая взбучка.

Наконец Перец крикнул: «Пошли!», и шесть собак рванули с места, словно скаковые лошади, услышавшие выстрел стартового пистолета. Возбужденно таякая, они понеслись по следу, от которого пахло Сэмом, и с оскаленными пастьми, работая упругими мышцами, нырнули в чащу.

– О, мои собачки чуют след, – довольно заметил Перец. – Только посмотрите, как резво они побежали. Эти прирожденные охотники взяли след нашего адвоката. Ему от них никуда не деться!

Собаки плотной сворой неслись вперед – настолько сильным был запах Сэма, и на мгновение шериф позволил себе облегченно расслабиться.

Запах такой сильный. Собаки идут по следу так уверенно. Все будет очень просто.

Но внезапно свора словно наткнулась на невидимое препятствие. Все собаки разбежались в разные стороны. Одна умчалась в густые кусты, другая повернула назад, две принялись злобно лаять на деревья, а еще две просто застыли на месте, жалобно скуля. Собаки остановились, не успев даже начать погоню.

– В чем дело? Собаки потеряли след?

– Проклятье! – в сердцах выругался старик Перец. – Черт бы побрал этого хитроумного ублюдка!

– Что случилось?

– Он оставил ложный след. Завел собак сюда, где буквально все перепачкано его арканзасским запахом! Должно быть, у него была одежда или еще что-нибудь, и он сварганил здесь настоящую ловушку из запаха. Мои собачки потеряли голову! Дело не в том, что здесь нет следа; как раз наоборот, следов тут больше, чем нужно.

Шериф ощутил, как внутри у него поднимается бессильная ярость, словно нарастает давление раскаленного пара.

– Черт бы его побрал! Черт бы побрал этого подлого мерзавца!

– А этот адвокат хитер, – заметил Опи Браун, один из молодых помощников.

– Адвокат тут ни при чем. Разве ты не видишь, что это дело рук другой птички? Кто-то второй следил за нами и все продумал. Как ты думаешь, кто поджег заброшенную лавку? Господь Бог?

– Нет, сэр.

– Перец, что будем делать?

– Что ж, сэр, придется начать с самого начала. Будем ходить вокруг ограждения до тех пор, пока мои собачки не обнаружат истинный след, и только потом можно будет идти вперед.

Шериф понял, что на это, возможно, уйдет несколько часов: преследователям вместе с собаками придется медленно кружить вокруг форпоста до тех пор, пока одной из собак не удастся учуять настоящий след Сэма, не тронутый буйством запахов ложных следов.

Лишь после этого можно будет возобновить погоню.

– Шериф, мы его возьмем! – воскликнул Опи. – Черт побери, не сомневайтесь, мы его обязательно возьмем!

Заготовленные мотки веревки закончились слишком рано.

– Проклятье! – вполголоса выругался Эрл.

– В чем дело?

– Мы опережаем график.

В лесу было еще слишком темно. Со всех сторон беглецов обступали уходящие ввысь силуэты деревьев, которые человек с несдержанным воображением мог бы принять за чудовищ, готовых на него наброситься, или за призраков надвигающегося апокалипсиса. Но у Сэма просто отсутствовало воображение, которому он мог бы дать волю, а Эрл был полностью сосредоточен на самом необходимом. Хотя позади начинал брезжить рассвет, до восхода солнца оставалось еще больше получаса.

– Но это же хорошо, разве не так? – спросил Сэм, пытаясь отдышаться.

– Нет, это плохо. Это означает, что нам просто придется сидеть на месте, черт возьми, и ждать, пока не станет светло настолько, чтобы идти по компасу.

– Разве ты не можешь...

– Нет, сэр. Видимость слишком ограниченная, и я не могу прокладывать азимут по компасу. Нам придется сидеть здесь до тех пор, пока не появится возможность различать ориентиры на удалении по крайней мере полумили.

– Мы опередили преследователей на несколько часов, и они не смогут гнаться за нами верхом.

– Сэр, вы будете удивлены, узнав, как быстро могут двигаться люди, когда у них есть на то веские причины. А у этого шерифа причин больше чем достаточно. Его унизили и оскорбили в его собственном крохотном мирке, и он ни в коем случае не может допустить, чтобы это осталось безнаказанным, потому что вся его власть основана на том представлении, что он самый умный, самый хитрый, самый крутой сукин сын в здешних местах. Я видел то же самое в своем отце: такое же ослиное упрямство, помноженное на тщеславие. Шериф Леон в кровь разобьется, чтобы нас поймать, а мы застряли тут на целых полчаса. Как вы себя чувствуете?

– Я? Да ничего. Мозоль натер.

– У меня есть бинты и аспирин, но все это спрятано в тайнике, до которого еще несколько миль. Потом вам полегчает.

– Хорошо. К сожалению, у меня не те ботинки, чтобы совершать длительные пешие прогулки.

Они, не сговариваясь, посмотрели на ноги Сэма, обутые в кожаные штиблеты фирмы «Брукс бразерс» из Сент-Луиса, красивые, цвета красного дерева, свидетельство того, что их

обладатель добился успеха в жизни. Но в этом диком, сыром лесу они выглядели до смешного не к месту.

– Что ж, вам придется немного потерпеть, – заметил Эрл. – Если все будет в порядке, через пару дней вы вернетесь домой и обнимете своих детей.

– Черт с ними, с детьми. В первую очередь мне хочется повидаться с Конни Лонгакр.

– Конни отличная девушка...

– Эрл, пережив такое, начинаешь задумываться о жизни, и я...

– Мистер Сэм, только не сейчас. Молчите. Поберегите силы. Вам они потребуются все до последней капли, прежде чем все это останется позади.

Через двадцать минут наконец стало светло настолько, что Эрл смог наметить азимут на ориентир на местности, и беглецы снова тронулись в путь. Еще через час они обнаружили вещи Эрла, спрятанные в высокой, густой траве за упавшим деревом.

Отвинтив крышку фляги, Эрл разрешил Сэму сделать большой глоток. Он достал из рюкзака чистые сухие носки и бинт. Разувшись, Сэм снял носки и выбросил их. Перебинтовав ногу, он надел сухие носки и с трудом натянул узкие, промокшие штиблеты.

– Ничего страшного, – успокоил его Эрл. – Они кожаные, разносятся, и вам будет удобнее.

Порывшись в рюкзаке, он достал пистолет 45-го калибра, несколько лет назад прошедший небольшую модернизацию: к ствольной коробке был приварен новый большой прицел, а на рычажке предохранителя появилось что-то вроде полочки.

– Вот, это вам.

– Эрл, я не могу принять у тебя оружие. Я не имею права никого убивать, завоеывая себе свободу. Этим я лишу законной силы все то, ради чего я столько лет боролся, а именно сам закон.

– Мистер Сэм, – сказал Эрл, извлекая из густой травы карабин «винчестер» в чехле, – и много вы здесь насмотрелись закона? Мы предоставлены сами себе, и никакой закон нам не поможет.

– Эрл, я знаю, что ты человек строгих моральных принципов, честный, порядочный. Тебя считают лучшим полицейским штата, и я знаю, что и во время войны ты сделал немало для того, чтобы приблизить победу. Однако сейчас я поражен тем, как быстро и легко ты переметнулся на другую сторону. Я начинаю опасаться, что твой несравненный дар нестандартно мыслить и решительно действовать, твои способности, значительно превосходящие способности большинства людей, можно обратить как на добро, так и на зло. Надеюсь, твой мальчик растет, перенимая у тебя только лучшее, и если у тебя будут еще сыновья, надеюсь, они не свернут на кривую дорожку несправедливости.

– Вы готовы? – спросил Эрл, укладывая пистолет обратно в рюкзак.

– Эрл, ты не должен никого убивать из этого карабина. Убив человека, ты переступишь закон.

– Мистер Сэм, я убью человека только в самом крайнем случае, когда речь будет идти о том, чтобы вас спасти. Но к собакам это не относится. Вероятно, мне придется пристрелить двух-трех. Удовольствия это мне не доставит, но, если потребуется, я это сделаю.

Как раз в этот момент вдалеке послышался нестройный лай.

– О господи, – пробормотал Эрл, – похоже, охота продолжается.

Собаки что-то учуяли.

– Собачки взяли след. Да, они взяли след.

Характер лая изменился. Теперь это уже не было растерянное тьяканье сбитых с толку животных, которые подавали голос только для того, чтобы немного развлечься, и просто потому, что это заложено в них природой. Лай стал сосредоточенным, злобным, громким.

Выбежав на поляну, люди обнаружили, что собаки обступили одно дерево.

– Да, сэр, клянусь богом, мои собачки нашли это дерево, сами видите, ха! – восторженно воскликнул Перец. – Этот сукин сын от них не уйдет, да, сэр, он не уйдет от моих замечательных собачек!

Доберманы кружили около высокой сосны. Трое делали стойки, двое прыгали на ствол, яростно скалясь. И лишь огромный вожак держался в стороне, всем своим видом показывая, что не одобряет подобную несдержанность.

– Отлично, ребята, – крикнул шериф, – заходим с двух сторон, только осторожно...

Первая пуля, выпущенная из винчестера, ушла в густую сосновую хвою, и тотчас же началась беспорядочная пальба. Дерево мгновенно окуталось облаком коры и искрошенных иголок, выбитых пулями. Прицельный выстрел попал в основание ветки, и она сломалась под собственной тяжестью.

– Прекратите огонь, черт бы вас побрал! – заорал шериф Леон.

Один за другим помощники перестали стрелять.

– Черт возьми, укрывайтесь за деревьями и держите эту сосну под прицелом. Подождем и посмотрим, кого вы подстрелили.

Помощники рассыпались, прячась за стволами сосен, а собаки, разбежавшиеся после первых же выстрелов, вернулись к огромному дереву и снова принялись озлобленно лаять на него.

Подождав еще минуты три, шериф медленно достал из кобуры «смит-вессон» 38-го калибра.

– Прикройте меня.

– Да, сэр.

– Чтобы они не подстрелили меня ненароком, слышите?

– Да, сэр, – ответил за всех Опи.

Шериф стал осторожно приближаться к сосне. Ветеран перестрелок с преступниками – он служил в полиции Нового Орлеана, пока в 1932 году не был уволен по обвинению в коррупции, после чего начал новую карьеру в охране тюрьмы в Фивах, которая и привела его в конечном счете к должности шерифа, – он знал свое дело. Угрожающе выставив револьвер перед собой, поглаживая пальцем спусковой крючок, шериф плюхнулся за густые кусты и задрал голову, всматриваясь вверх.

Наконец он поднялся на ноги.

– Эй, ребята, не хотите взглянуть, кого вы только что пристрелили?

Помощники подбежали к дереву. На ободранной ветке футах в десяти над землей, изрепеченные множеством отверстий от ружейных пуль, болтались два черных носка.

– Вы только что пристрелили носки нашего адвоката, – презрительно заметил шериф. – Жаль, в этот момент его в них не было.

– А они знают свое дело, – заметил Сэм, когда приблизительно в миле позади стрельба наконец затихла. – Ты был совершенно прав. Они расстреляли мои носки. Хорошие были носки. Думаю, мне их уже не вернуть.

– Как знать, – сказал Эрл. – У этих жителей глухих лесов ничего не пропадает. Вероятно, сейчас какой-нибудь Билли или Рей Эд как раз примеряет ваши носки. Лет через десять, когда все уже забудут о случившемся, вы приедете сюда и обнаружите свои носки у него на ногах. Он будет надевать их только по воскресеньям, отправляясь в церковь.

Лес не собирался редеть, но время от времени беглецам попадались вырубленные участки, что очень огорчало Эрла. Он всеми силами старался избегать пробежек по открытой местности: если какой-нибудь меткий стрелок выйдет на край поляны до того, как

они успеют скрыться в зарослях, он сумеет сделать прицельный выстрел, а одного точного выстрела может оказаться достаточно.

– С другой стороны, – возразил Сэм, – на открытых местах мы можем продвигаться быстрее, потому что дорогу нам не преграждают кустарники и плющи. Мы оторвемся от преследователей...

– Но они тоже смогут продвигаться быстрее. Они идут по нашему запаху. Если мы пойдем вокруг поляны, они тоже пойдут вокруг. Только так. Или вам придется найти способ перестать пахнуть. Если придумаете, немедленно дайте мне знать.

– Мне следовало бы понять, что в вопросах тактики с Эрлом Свэггером тягаться бесполезно, – заметил Сэм.

– У меня в запасе еще полно уловов, – сказал Эрл. – Черт побери, это единственное, что я знаю в этом мире.

Но лучшую свою уловку он пока приберег. Для нее требовались растущие поблизости друг от друга могучие, раскидистые деревья – не сосны, а дубы, изредка встречающиеся в этих лесах. Лучше всего – старый сухой дуб с расщепленным стволом.

И наконец Эрл нашел на противоположном склоне пологого холма именно то, что нужно.

– Так, – сказал он, – можете немного отдохнуть.

– Эрл... – запыхавшись, промолвил Сэм; его лицо блестело от пота. – Ты же понимаешь, что эти ребята где-то совсем близко.

– Я для них кое-что приготовлю. Им это очень понравится.

Опустившись на корточки, Эрл развязал рюкзак и достал большой моток веревки. Повозившись немного, он соорудил лассо со скользящей петлей, с помощью которого ковбои ловят отбившихся от стада коров.

– В перерывах между боями с япошками мы смотрели на Тихом океане вестерны, – объяснил Эрл. – Знаете, с Джоном Уэйном¹³ в главной роли. Вы их смотрели?

– Да, Эрл, разумеется, я смотрел вестерны. Но при чем тут...

– О, подождите немного, и вы сами все увидите.

Эрл раскрутил лассо над головой и бросил его вверх, стараясь накинуть петлю на расщепленный ствол на высоте футов тридцати. Первая попытка окончилась неудачей.

– Проклятье! – выругался Эрл.

– Я пойду...

– Нет. Оставайтесь здесь.

Эрл вытянул лассо назад медленно, осторожно, чтобы не зацепить за ветки. Аккуратно сложив веревку, он снова раскрутил лассо над головой и...

На этот раз петля упала на торчащий вверх деревянный палец и сползла вниз.

– Так, идем дальше.

С этими словами Эрл подошел к другому дубу, живому, подпрыгнул, уцепился за нижнюю ветку, подтянулся и забрался на нее. Он натянул веревку, но не слишком туго, так, чтобы она пружинила, и закрепил ее на стволе затейливым узлом.

Эрл спустился на землю.

– А теперь пошли.

– Эрл, что ты задумал? Это же какая-то чертовщина...

– Не спорьте и идите со мной.

Они отошли вперед на сто ярдов.

– Так, отлично. Очень хорошо. Возвращаемся назад.

Они вернулись к дереву.

¹³ Уэйн Джон – американский киноактер, снялся более чем в ста пятидесяти фильмах, по большей части в вестернах.

– А сейчас, сэр, залезайте на этот дуб и перебирайтесь по веревке на соседний.

– Эрл, я не понимаю...

– Все дело в запахе. Он держится низко над землей. Собаки чувствуют его только тогда, когда он на земле, черт побери. Вот почему они буквально тычутся носом в траву. Мы переберемся на соседнее дерево, не касаясь земли, и продолжим путь уже оттуда. Собаки отбегут от первого дерева на сто ярдов и потеряют след. Им потребуется не меньше часа на то, чтобы найти его снова.

– Проклятье! – в ярости выругался шериф.

– Черт побери, – пробурчал Перец, – ничего подобного я никогда не видел. След, который просто обрывается. Наш адвокат что, улетел на самолете?

– А может быть, это был вертолет, – заметил один из помощников. – Я видел его в кино в выпуске новостей. Он может садиться на землю прямо вниз.

– Не будь дураком, Москит, – оборвал его шериф. – В округе Фивы никаких вертолетов нет и не может быть. Они вернулись по своему следу назад и каким-то образом отпрыгнули в сторону, хотя лично я не представляю, как им это удалось. Определенно этот второй, который устроил побег, парень дошлый.

– Шериф, так далеко еще никому не удавалось уйти.

Шериф угрюмо нахмурился. Помощник был прав. Обычно беглецы направлялись в противоположную сторону, потому что река для них означала свободу; у негров сохранилось какое-то древнее, незыблемое представление о том, что если они переправятся через реку, то обретут свободу. Шериф этого не понимал, но он знал, что цветные направляются на восток, к заболоченному руслу, надеясь, что собаки потеряют на воде их след. Однако собаки были отличными ищейками и не теряли след, поскольку беглецы оставляли на камышах, кочках, листьях и полузатопленных бревнах достаточно запаха. Болото замедляло их продвижение, а порой и заглатывало их, избавляя шерифа и его людей от лишних хлопот. Ничего личного: беглый ниггер обязательно виновен, в чем бы ни нарушил он закон, и пуля была таким же решением проблемы, как и срок в колонии. Отсутствие ненужной бумажной волокиты было всем на руку.

Но этот проклятый белый парень оказался умен. Он пошел напрямик через сосновые заросли, из чего следует, что у него есть компас и он умеет ориентироваться в лесу. И собак он запутал умело. То есть ублюдок тщательно подготовился.

Да, так далеко еще никому не удавалось уйти.

– Значит, нам снова придется ходить кругами до тех пор, пока твои собаки не возьмут след, так? – недовольно спросил шериф.

– Да, сэр, – ответил Перец.

– Я тебе вот что скажу, – подумав, сказал шериф. – Сажай своих псов на цепь. Разделим их на две своры по три собаки. С одной пойдешь ты, с другой Опи. Вместо того чтобы всем ходить по одному большому кругу, возьмем каждый по половине. Как только одна из свор возьмет след, стреляйте в воздух. И отмечайте начало. Ну, платком, что ли. Опи, ты не растеряешься?

– Нет, сэр, – заверил его Опи.

– Отлично. Итак, первый отряд устремляется в погоню, а второй срезает круг, находит отметку и идет следом за первым. Полагаю, это поможет нам сберечь кучу времени.

– Вы правы, – подхватил Перец. – Шериф, ну у вас и голова!

– Хорошо, тогда за дело. Кстати, я понял, куда они направляются.

– Куда, шериф?

– К железной дороге. Милях в шести-семи здесь через лес проходит ветка Алабамской дороги. Так что наши ребята надеются прокатиться на поезде. Следовательно, нам надо обя-

зательно их схватить, вы слышите? Нам ведь не нужно, чтобы об округе Фивы рассказывали всякие небылицы, правда?

– Далеко еще, Эрл? – спросил Сэм.

Силы уже начинали покидать немолодого адвоката. Некоторое время назад Сэм повернул щиколотку и теперь ковылял, приволакивая ногу. Продвигаться вперед было очень трудно. Промежутки между стволами деревьев заросли густым колючим кустарником, увитым лианами. Листья пальм сабаль были острыми, словно битое стекло. Что хуже всего, время от времени беглецы натывались на тропу, удобную и заманчивую, уводившую прочь от азимута, который прокладывал по компасу Эрл, и каждый раз им приходилось делать над собой усилие и продолжать путь напрямую через заросли.

– Мы подошли уже совсем близко, – солгал Эрл.

Он понимал, что они подошли не «близко», а лишь «ближе». Однако вскоре послышится лай собак, и беглецы останутся наедине со своими преследователями в черном лесу.

– Эрл, у меня кончается пар.

– И у меня тоже, мистер Сэм. На такое мы с вами не рассчитывали. Но сейчас ребята уже чертовски разозлились, так что нам лучше не останавливаться. Если нас схватят, нам несдобровать.

– Я надеюсь только на то, что нам удалось оторваться от погони. Эта последняя твоя уловка обязательно должна была сбить собак со следа.

– Мистер Сэм, мы в лучшем случае выиграли час. Но помощники шерифа моложе и сильнее нас, и у них есть цель. Они ни за что не остановятся. Уверяю вас, они будут идти за нами до конца. Лучше не думайте об этом. Сосредоточьтесь на насущном.

– Наверное, тут ты прав. Я... о черт!

– Проклятье! – выругался Эрл.

Вдалеке прозвучал выстрел.

Первой учуяла след сучка Люси. Отряд возглавлял сам шериф; собаками управлял Опи. Люси вся задрожала, начала скулить. Подпрыгнув, она попыталась лизнуть лицо Опи.

– Чертова сучка! – выругался тот, отталкивая собаку от себя.

– Нет, она взяла след, – сказал шериф. – Она хочет получить награду. Опи, поцелуй ее.

– Я не собираюсь лизаться с собаками.

– Опи, я сказал, поцелуй собаку. Я видел, как Перец так делает, черт бы его побрал. Ну же, целуй!

Опи нагнулся к радостно повизгивающей собаке, изображая поцелуй. Достав из кобуры револьвер, шериф выстрелил в воздух.

– Так, ребята, – сказал он, – слушайте сюда. Сейчас я объясню, как мы поступим. Беглецы оторвались от нас не больше чем на три мили. Так что начинается настоящая гонка, а я уже человек в годах. Я буду вас задерживать. Опи, вы с Москитом снимайте рюкзаки. Оставьте их здесь. Возьмите с собой только ружья и бегите за собаками. Они вам покажут дорогу. Собаки поведут вас по следу. Они затравят этих ублюдков, вы меня слышите? Я дожусь здесь остальных. Когда остальные подойдут, мы спустим оставшихся собак, и они быстро побегут по следу. Не сомневаюсь. Но основная надежда на вас. Как только настигнете этих ребят, стреляйте на поражение. Не хочу никаких недоразумений. Зарубите себе на носу: вам нужно схватить их мертвыми, а не живыми, чтобы никто не задавал никаких вопросов, ни сейчас, ни потом. Вы все поняли, парни?

Оба помощника были опытными охотниками; оба обрадовались предоставленной возможности; оба ликовали, рассчитывая первоклассно развлечься.

– А теперь бегите, черт бы вас побрал. Я остаюсь здесь ждать остальных.

Опи спустил собак, и они рванули вперед. Сбросив рюкзаки, молодые помощники подхватили винчестеры и побежали следом за сворой, предвкушая удовольствие.

– Собаки! – воскликнул Сэм. – О господи, собаки!

– Их мало, – заметил Эрл. – Судя по всему, шериф разделил своих людей, и наш след обнаружил только один из отрядов.

– Мы сможем от них уйти?

– Нам придется прибавить шаг. Медлить больше нельзя. Извините, мистер Сэм, но теперь мы должны будем бежать.

– В таком случае, – сказал Сэм, – я приложу все свои силы.

Ускорив шаг, беглецы без раздумья бросились напролом через заросли. Сэм сделал беспрецедентный шаг, который свидетельствовал о серьезности ситуации: он ослабил узел галстука.

– Надеюсь, никто из судебного начальства не увидит вас в таком неопрятном виде, – заметил Эрл. – Иначе это нанесет ущерб вашей карьере.

– Эрл, поклянись, что не расскажешь об этом ни одной живой душе. Все это останется между нами, а как только мы вскочим на поезд, галстук вернется на место. Мало ли кого можно встретить, катаясь на товарняках.

Эрл обрадовался, услышав, что Сэм еще сохранил способность шутить. Когда человек расстается с чувством юмора, это говорит о том, что он уже дошел до предела. На войне Эрл никогда не упускал случая рассмешить своих людей какой-нибудь глупостью. Это позволяло им дать выход чувствам, чуть прибавляя шансы остаться в живых.

Местность начала повышаться, сначала полого, но даже небольшой подъем действовал против беглецов. Вскоре оба уже шли, согнувшись пополам, тяжело дыша и обливаясь потом, думая только о том, чтобы идти вперед.

Эрл присмотрел в качестве ориентира одинокую сосну, до которой было около полумили. Беглецы ускорили шаг и перешли почти на бег, подгоняя себя, пытаясь не обращать внимания на боль в усталых мышцах. Все мысли их были поглощены стремлением к спасению.

В своем теле Эрл нес множество металлических кусочков, в основном осколков японских снарядов. Время от времени то один, то другой кусочек чуть смещался, задевая нервное окончание, и Эрл вздрагивал, обожженный электрическим разрядом невыносимой боли. На прошлой войне ему пришлось пройти через все напасти, какие только может она обрушить на человека. Он полагал, что все худшее осталось позади, но сейчас выяснялось, что он обрадовался преждевременно.

Эрл упрямо не желал расставаться с ружьем. Это был старый карабин, купленный у ушедшего на покой дорожного полицейского. Карабин много лет разъезжал в кабине патрульной машины, собирая царапины и вмятины. Но если полицейскому требовалось всадить что-нибудь посущественнее, чтобы оборвать страдания раненого животного или призвать к рассудку забаррикадировавшегося грабителя, тяжелая пуля 30-го калибра из винчестера модели 1906 года справлялась с задачей как нельзя лучше. Эрл знал, что ему достаточно будет лишь взвести курок, чтобы выпустить первую из пяти заряженных пуль.

Он очень надеялся, что до этого дело не дойдет. Однако если понадобится, он выстрелит, не раздумывая. Эрл был готов ко всему.

Помощники шерифа поднялись на гребень холма.

– Смотри, черт побери! – воскликнул Опи. – Я их вижу. Они вон там, впереди!

Его зоркие глаза уловили мимолетное движение в зарослях на склоне соседнего холма всего в четверти мили – ничего определенного, что можно было бы связать с человеком, лишь что-то неуловимое, молниеносное.

– Собаки вот-вот их настигнут, – объявил Опи. – Позабавятся на славу. А тут и мы подоспеем. Это как охота на медведя. На медведя охотятся с собаками. Собаки загоняют медведя, кусают его, пускают ему кровь, а тебе остается только подойти и сделать последний выстрел, и вот уже у тебя на полу лежит медвежья шкура.

– Опи, ты никогда не охотился ни на каких медведей, – осадил его Москит.

– Ну да, не охотился, черт возьми. Мои предки не ходили на медведей. Но делается это именно так, клянусь богом, я точно знаю. Впрочем, ты, Москит, тоже никогда не охотился на медведей.

– Вот они, черт возьми! – воскликнул Москит. – Я тоже их вижу. Собачки, возьмите их! То-то будет потеха!

– То-то будет потеха! – подхватил Опи.

Два долговязых парня храбро побежали через сосновые заросли к тому месту, где в последний раз видели беглецов. Идти по следу не составляло никакого труда. Собаки неслись не разбирая дороги, вспарывая мягкую сосновую хвою, и оставленный ими след не заметил бы разве что слепой. Опи и Москит бежали вперед. Предчувствие успеха, надежда на скорое возвращение домой после многих часов муторного блуждания по лесу окрыляла их, придавала силы. Охотничий азарт посылал в кровь дополнительный адреналин, и помощники спешили следом за собаками.

Сэм споткнулся и растянулся во весь рост. Поднявшись с земли, он уселся на корточки, учащенно дыша и обливаясь потом.

– Эрл, я больше не могу. У меня, того и гляди, сердце выскочит из груди. Иди дальше один. Брось меня здесь. Иди один. Ты сделал все, что в твоих силах. Просто я оказался не готов к такой гонке.

– Мистер Сэм...

– Нет-нет, Эрл, я официально освобождаю тебя от всяческих обязанностей в отношении меня. Я не могу иначе. Возвращайся в Арканзас, воспитывай сына и...

– Мистер Сэм, отдайте мне свой пиджак.

– Я...

– Отдайте пиджак. Проклятье, у нас совсем нет времени. И шляпу тоже. Отдайте мне и шляпу, черт возьми.

– Эрл, я...

– Черт побери, Сэм, делайте, как я сказал!

Сэм был поражен тем, что Эрл, прекрасно знакомый с правилами общественного приличия, определяющими жизнь Юга, осмелился повесить на него голос. Это было совсем на него не похоже. Кричать можно на негров или – да и то только в крайнем случае – на работников, женщин и подростков, в основном на взрослых оболтусов. Но на мужчину, да еще старшего возраста...

Потеряв терпение, Эрл схватил ошеломленного Сэма за лацканы и, повернув его к себе, стащил с него пиджак. Затем сорвал с головы соломенную шляпу.

– Теперь снимайте рубашку.

– Мою рубашку?

– Вашу рубашку, черт возьми!

Сэм поспешно стащил с себя промокшую насквозь рубашку. Эрл быстро скинул свою куртку и протянул ее оставшемуся с голым торсом адвокату.

– Мы с вами поступим вот как. Я уведу погоню в сторону. Собаки нацелены на ваш запах. Я отклонюсь вправо. А вы идите прямо. Эти ребята пойдут за мной. Я постараюсь отвести их на несколько миль в сторону и сяду на поезд чуть дальше по дороге.

– Эрл, ты даже не знаешь, что поезд будет, ты не имеешь представления, когда поезд...

– Он должен прийти в Хаттисберг в половине седьмого, то есть через эту часть леса он пройдет около четырех. Следовательно, у вас есть еще минут пятнадцать. Неужели вы могли подумать, что я пошел на такой каскадерский трюк, не имея в кармане железнодорожного расписания? Весь замысел построен на этом товарняке. Обычно в нем шесть вагонов; дойдя до подъема, он сбавляет скорость, так что вы сможете без труда вскочить на подножку. Как-то раз я проехал в тамбуре от Литтл-Рока до самого Даго. Ну а теперь, черт побери, поднимайтесь, и в путь. Вы и так прохлаждались слишком долго. Шевелитесь.

– Эрл, я...

– Идите, мистер Сэм. Встретимся в Арканзасе.

– Да, я...

– И еще одно. Если мне не удастся уйти отсюда, вы наверняка захотите действовать. Обратиться к губернатору, конгрессменам, начальнику полиции, в газеты и так далее. Так вот, я вам категорически приказываю: ни в коем случае не делайте этого. Если меня схватят, в живых я останусь лишь до тех пор, пока все будут гадать, кто я такой, черт побери. Но как только большие шишки начнут задавать вопросы, меня пристрелят и закопают в глухом лесу. Вы слышите? Вы все поняли?

– Эрл, дай мне временные рамки. Сколько я должен буду ждать?

Но вдалеке послышался свисток паровоза, и Эрл, подхватив пропитанные потом рубашку и пиджак Сэма, быстро двинулся вправо.

Поднявшись с земли, Сэм запахнул куртку Эрла и тронулся в путь.

Теперь дело пошло лучше. Оставшись один, Эрл двинулся вперед, распространяя вокруг запах Сэма. Одному ему было удобнее и спокойнее. Так он мог полностью сосредоточиться на том, что ему предстояло сделать, и не нужно было отвлекаться на Сэма. Эрл с сожалением засунул в дупло рюкзак и пистолет; он уже не мог тратить силы на то, чтобы нести лишний вес.

Громкий лай собак слышался совсем близко. Эрл был уверен в том, что они клонут на приманку. Именно так работает их мозг. И все же у него мелькнула мысль: не лучше ли было бы просто остаться на месте, дожждаться собак и перестрелять их? Но кто знает, когда они появятся здесь; возможно, потом у него не останется времени, чтобы добежать до поезда самому. Нет, из всех вариантов – а хороших среди них не было ни одного – этот был самым лучшим.

Эрл прошел вдоль гребня невысокого холма, не поднимаясь на него. С противоположной стороны местность спускалась до самого железнодорожного полотна, до которого было около полумили. Все должно быть замечательно. У Сэма в запасе достаточно времени. Взглянув на часы, Эрл убедился, что теперь и он успеет добраться до поезда. Достаточно будет только выбросить одежду Сэма и сбежать вниз по склону.

Эрл зашвырнул рубашку и пиджак в густые заросли, опутавшие стволы сосен, и улыбнулся, представив себе, какой шум поднимут собаки, когда доберутся сюда. Он взбежал на гребень, готовый начать спуск вниз. У него мелькнула мысль: они с Сэмом одержали победу. Худшее осталось позади...

Взобравшись на гребень, Эрл сделал ужасное открытие.

Весь лес вниз по склону был вырублен под корень. Местность была как на ладони. И ему был прекрасно виден Сэм, один, окруженный сотнями пней, с трудом пробирающийся к железной дороге, открытый и незащищенный.

Эрл сразу же понял, что это означает.

Стрелок, поднявшийся на гребень, сможет сделать прицельный выстрел. Если он знает в своем деле хоть какой-нибудь толк, ему удастся уложить Сэма за триста метров до того, как тот добежит до железнодорожного полотна.

Присев на корточки, Эрл перевел дух. Перед ним даже не стояло выбора. Несмотря на то что он находился у границы лесополосы и, по сути дела, уже вдыхал запах свободы, от которой его теперь отделял лишь последний рывок вниз по склону, наперерез поезду, ему и в голову не пришло бежать одному.

Вместо этого Эрл снова перевалил через гребень холма и направился навстречу преследователям.

Теперь уже он охотился за ними.

Сэм чувствовал себя голым. Он понимал, что это очень плохо, но до ближайших деревьев было не меньше полумили в обе стороны. Если он побежит туда, то пропустит поезд. Горячо молясь о том, чтобы ребята шерифа не смогли сделать в него прицельный выстрел, Сэм беспомощно ковылял вниз. Он был без рубашки, в одной куртке Эрла, брезентовой с пропиткой, надетой на голое тело. Его ботинки промокли насквозь, подвернутая щиколотка болела, а дыхание вырывалось судорожными, сухими глотками, словно у него в горле не было места для того, чтобы пропустить в легкие достаточное количество воздуха.

Сэм видел перед собой рельсы, которые сверкали на солнце, словно брошенная на пол извивающаяся лента, но при этом лихорадочно дрожащая, поскольку он бежал вниз по склону, перепрыгивая через пни, и учащенно дышал. Солнце палило немилосердно. Сэму казалось, что он плывет сквозь густое облако мошек или бабочек. То и дело он задевал разбитыми ногами за пень или торчащий из земли корень, однако сила притяжения неумолимо тянула его вниз, не давая остановиться.

Внезапно он услышал звук выстрела.

Показалась первая собака. Доберман, молодой и холеный, прекрасное животное, которое шло по следу Сэма, уткнувшись носом в землю.

Увидев Эрла, собака, не медля ни секунды, перешла от преследования к нападению. Она бросилась на Эрла с нечеловеческой яростью, оскалив клыки, исторгнув из пасти рычание, наполненное чистым безумством. С налитыми кровью глазами доберман прыгнул, и Эрл убил его прямо в воздухе, с бедра, одним выстрелом. Пуля пробила гортань и вышибла мозги через относительно тонкие задние кости черепа. Красивое животное скончалось мгновенно. Собака рухнула на землю бесформенной кучей.

Пуля выбила комок земли рядом с Эрлом – фонтанчик большой энергии. Это выстрелил один из помощников шерифа.

Передернув рычаг затвора, Эрл выбросил стреляную гильзу и встал на колени за деревом. Глупый мальчишка выбежал вперед, проверяя, попал ли. Эрл навел мушку ему в грудь и уже готов был нажать на спусковой крючок, но в самый последний момент чуть повел ствол вниз и выстрелил помощнику шерифа под ноги. Увидев взметнувшийся рядом гейзер, мальчишка распластался на земле, выронив ружье; а если второй помощник и целился в беглеца, то после прицельного выстрела и он счел за лучшее укрыться.

Но Эрл ничего этого не видел.

Как раз в это мгновение, прежде чем он успел закрыть затвор, досылая в патронник новый патрон, на него набросилась вторая собака. Развернувшись, Эрл изо всех сил ударил ее в морду прикладом. Животное дернуло головой, жалобно взвизгнув. Но тотчас же следом за ней на Эрла прыгнула третья собака, и Эрл ощутил острые клыки, разрывающие рубашку у него на груди и тянущиеся к горлу. Есть что-то жуткое в том самозабвении, с каким сра-

жается животное; оно не ведаёт сомнений и колебаний, а страх лишь вбрасывает в его кровь заряд адреналина, так что сила мышц утраивается, а бешеная ярость учетверяется. Однако собаке никак не удавалось добраться до мягкой плоти горла, потому что Эрл прикрыл его, опустив подбородок. Выхватив нож, Эрл по самую рукоятку вонзил его собаке в грудь.

Та заскулила от боли, и Эрл понял, что рана смертельна. Тем не менее доберман собрал последние силы и снова бросился на него.

Но к этому времени Эрл успел перезарядить ружье и выстрелил. Его выстрел навскидку попал собаке в брюхо, и она рухнула на землю. Не в силах видеть страдания такого храброго и красивого животного, Эрл снова передернул затвор и прикончил собаку выстрелом в голову.

Вторая собака, оправившись от удара, бросилась на Эрла и сомкнула челюсти у него на запястье, лишив его возможности стрелять. Вся левая рука онемела от боли. Перехватив ружье в правую руку, Эрл размозжил ей голову. Собака обмякла. Подняв ружье над головой, Эрл со всего размаху еще раз опустил его на череп животного, и что-то хрустнуло. Собака затихла.

Эрл уселся на землю, облизывая кровь с десятка рваных ран. Кровь капала со лба, струилась по лицу, окрасила темным пятном рубашку, стекала по рукам до ладоней, делая их такими скользкими и липкими, что он с трудом мог держать карабин. Эрл старался не смотреть на изуродованные трупы животных. Казалось, случившееся наложило на все предприятие проклятие. Убить какое-то красивое и умное существо только потому, что оно делало то, чему обучено, – что ж, здесь нечем было гордиться.

Позволив себе минуту отдыха, Эрл сделал еще одно ужасающее открытие. Сила удара прикладом по голове последней собаки была такова, что рычаг затвора откинулся, открывая казенник, и два последних патрона вывалились из магазина и затерялись где-то в опавшей хвое, устилавшей землю. Эрл остался безоружен.

– Опи! Черт побери, вот он!

– Точно! Возьмем его, а вторым займемся потом. К этому времени подоспеет шериф с остальными собаками. А сейчас надо брать этого. Это проклятый адвокатишко, я уверен!

И действительно, молодые помощники узнали Сэма, спускавшегося к железнодорожному полотну. Городской житель, оказавшийся в непривычной для себя обстановке, он двигался далеко не так быстро, как следовало бы. Сэм был как на ладони – крошечная фигурка, неуклюже пробирающаяся через вырубленный лес.

Оба помощника опустили на колено и взвели курки винчестеров.

– Надо целиться выше. Возьмешь выше головы, всадишь пулю прямо в него.

– Ты смотри, куда я попаду, и кричи поправки.

– А ты для деревенщины не такой уж и тупой.

– Тупее тупой деревенщины только городской умник.

Опи считался среди всех полицейских лучшим стрелком. Он был молод, у него были зоркие глаза, и он с самого раннего детства постоянно ходил на охоту. Опи видел, как его цель неловко прыгает между пнями на удалении около шестисот ярдов – для карабина 30-го калибра далековато, но все же реально. Черт возьми, ему даже необязательно попасть в адвоката. Достаточно будет лишь напугать его, заставить залечь – и тем самым упустить приближающийся поезд. Если ему это удастся, все будет как нельзя лучше. А там подоспеет шериф с остальными и собаками, и Сэм от них никуда не денется.

Взяв адвоката на кончик мушки, Опи плавно надавил на мягкий, отполированный за долгие годы спусковой крючок ружья, лучшего творения мистера Оливера Винчестера.

Карабин дернулся у него в руках, скрыв из виду цель.

Опи быстро передернул затвор, выбрасывая стреляную гильзу и досылая в патронник новый патрон.

– Недолет по меньшей мере семьдесят пять ярдов, – крикнул Москит. – Целься еще выше!

– Да знаю, черт побери. Я просто пристреливаюсь.

Опи снова навел ружье на бегущего человека, затем поднял ствол на добрых пять ростов выше головы и нажал на спусковой крючок.

– Черт возьми, уже совсем близко. И все же чуть недолет.

– Это было пять ростов. Я целился выше на пять ростов. Теперь возьму выше на шесть.

Перезарядив ружье, Опи прицелился и выстрелил.

Пуля подняла фонтанчик земли меньше чем в десяти футах от бегущего человека.

– Теперь то, что надо.

– Отлично, значит, шесть ростов.

Опи выстрелил еще раз, и Москит увидел, как комочки земли брызнули прямо под ногами у Сэма. Тот тотчас же рухнул на землю, прополз несколько футов на четвереньках и укрылся в неглубокой канаве.

– О-хо-хо! – торжествующе воскликнул Опи. – Москит, теперь стреляй ты. Бери выше на шесть человеческих ростов, и все будет в порядке!

Сэм лежал в канаве, жадно глотая ртом кислород. Тишину разорвал глухой шлепок, и земля совсем рядом взметнулась комками и осколками. Кусочек камня больно впился Сэму в шею.

О господи!

И только потом, больше чем через секунду, лениво донесся хлопок выстрела, словно звук не спеша прогулялся следом за пулей.

О господи, господи!

Вдалеке уже слышался шум поезда. Шум приближался, а Сэм находился менее чем в ста ярдах от железнодорожного полотна. Но он знал, что ему придется рассчитать все до секунды, чтобы оставаться в укрытии до самого последнего мгновения и лишь затем вскочить и помчаться к поезду, запрыгнуть на подножку и скрыться в вагоне, прячась от пуль. Сэм понимал, что у него есть шанс, хотя и небольшой, но ему совсем не нравилось бежать по неровной местности, спотыкаясь о пни, рытвины и корни, пытаясь определить скорость поезда и сопоставить с ней свою собственную скорость, в то время как ему в спину будут палить эти ребята, жаждущие снова схватить его и обрушить на него свои дубинки.

Хлоп!

Очередная пуля впилась в землю в каком-то дюйме от лица Сэма, засыпав ему глаза.

Он ощутил прилив ярости.

Затравленный. Загнанный в ловушку. Запертый в канаве.

У него мелькнула мысль: он умрет здесь и сейчас, и никто не заплатит за это, и Эрл тоже умрет, и все почему? Потому что какому-то богачу из Чикаго вздумалось завещать деньги негру, работавшему на него!

Все было так несправедливо, но Сэм утешил себя тем, что жизнь – штука несправедливая, все происходит так, как происходит, и никогда не знаешь, во что ввязываешься.

Сэм приготовился сделать последний бросок.

Эрл зашел к ним сбоку, и помощники были так увлечены стрельбой, что не услышали его приближения, точно так же, как в азарте они забыли про своих собак. Эрл потерял много крови, он устал, и движения его стали замедленными, но он был полон решимости.

Когда он бросился на помощников, один из них, услышав шум, обернулся, но слишком поздно. Эрл с разбегу сбил его с ног, вырывая ружье у него из рук.

Отобрав ружье, Эрл швырнул его во второго мальчишку. Тот тоже обернулся и начал наводить на него свой винчестер, однако брошенное ружье попало ему в голову, и он отлетел назад.

Не успел помощник шерифа подняться на ноги, как Эрл снова налетел на него. Мальчишка нелепо поднял кулаки, принимая классическую боксерскую стойку. У него на лице не было ни тени страха, лишь чистая злоба. На вид ему было всего лет девятнадцать.

Эрл впечатал ему в подбородок свой тяжелый кулак, и мальчишка упал. Но в этот момент на него наскочил второй помощник, пытаясь повалить его обеими ногами и одной рукой, а второй отчаянно молотя Эрла по почкам. Эрл, вырвавшись, стряхнул мальчишку с себя. Поскользнувшись, он упал, тотчас же снова вскочил на ноги, но мальчишка успел дать ему в подбородок хороший прямой удар левой.

– Ха! – торжествующе воскликнул он.

Сплюнув на землю коричневую плюшку жевательного табака, мальчишка двинулся вперед, отчаянно молотя кулаками. Прищурившись, он выбирал, с какой стороны лучше приблизиться к Эрлу.

Получив два несильных удара в плечо, Эрл увернулся от хука правой, а затем уложил мальчишку одним ударом в подбородок, после которого ему придется целый месяц сосать жидкую кашку через трубочку.

Оба помощника шерифа лежали на земле.

Подобрав винчестеры, Эрл быстро откинул затворы, опустошая магазины, и отшвырнул как можно дальше разряженные ружья.

Выпрямившись во весь рост, он замахал руками. До Сэма было слишком далеко, чтобы кричать; но тем не менее Сэм увидел его, тоже встал и помахал в ответ. Эрл сделал красноречивый жест, как будто бросал воображаемый мяч, показывая, что поезд уже совсем близко. Поезд, поезд, поезд. Сэм обернулся.

Состав показался из-за деревьев. Пыхтя, паровоз тащил четыре вагона и две открытые платформы с сельскохозяйственной техникой.

Эрл повернулся к помощникам. Один мальчишка уже пришел в себя и потирал распухший подбородок.

– Извините насчет собак, но они не оставили мне выбора. А теперь седи на месте и не двигайся, или я тебе еще врежу.

Мальчишка несколько не был заинтересован в продолжении драки, поэтому Эрл повернулся к нему спиной и успел увидеть, как Сэм взбирается на поезд.

Эрл понимал, что ему самому уже не успеть, но все равно попробовать надо было.

Он побежал вниз по склону, а поезд замедлил ход, потому что начинался подъем. У Эрла мелькнула мысль, что он может успеть, но тут сзади послышался лай.

Глава 11

Сэм ехал целый час, не смея пошевелиться. Он лежал на открытой платформе, среди сельскохозяйственного оборудования, закрепленного цепями. Толчки колес на стыках рельсов передавались вверх, и от этого у него звенело в голове. Никто его не преследовал, никто не совершал обход состава, на поезде не было охранников – лишь он один лежал, распластавшись на платформе, между молотилкой и, судя по всему, комбайном, совершенно новыми, пахнущими свежей краской лучшими образцами техники производства компании «Маккормик», обещающими светлое будущее.

Сэм не испытывал никаких чувств. В нем не было радости. Он так и не увидел Эрла. Не узнал, что с ним случилось. Удалось ли Эрлу сесть на поезд? Последний раз, когда он видел Эрла, тот стоял на гребне холма и махал руками в сторону железнодорожного полотна, и Сэм тогда развернулся и побежал наперехват поезду.

Состав с грохотом несся мимо. Он был просто огромным. Глядя на поезд издалека, невозможно представить себе его истинные размеры. Что хуже, он распространял вокруг себя ужас. Под ним в прямом смысле слова содрогалась земля. Подбежав к рельсам, Сэм вдруг осознал огромность чугунных колес, с грохотом катящихся мимо него. К счастью, сзади последней платформы имелась небольшая лесенка, и Сэм вцепился в нее, больно ударившись обо что-то коленом. Он пережил мгновение страха, когда ему показалось, что он соскальзывает вниз. Однако ему удалось удержаться. Забравшись на платформу, Сэм рухнул без сил и затаился между двумя скрепленными цепью машинами, объятый ужасом.

Его рассудок был затуманен. Он не ожидал таких приключений на закате жизни, после пережитого безумства войны, когда ему наконец удалось обрести спокойствие в этом мире. Сэм никак не мог поверить в то, что ему действительно пришлось пройти через такое. При чем он с ужасом сознавал: все еще далеко не закончено. Эрл остался там, позади. От этой мысли в пищеварительном тракте Сэма образовалась большая дыра, причинявшая острую боль, словно гложущая язва.

Сэм попытался рассуждать трезво. Эрлу, вероятно, удалось оторваться от преследования. Оставшись в лесу один, он справится с десятерыми. Эрл остался в живых, ибо ничто на свете не способно погубить Эрла Свэггера, сержанта полиции штата, бывшего морского пехотинца, героя прошедшей войны и вообще самого способного человека на всей земле.

Однако это предположение верно в рациональной вселенной. Там, где правит рассудок, где господствует порядок, где существует справедливость. Но то место, где они только что побывали, рациональной вселенной назвать никак нельзя. Скорее, это какая-то потусторонняя область манихейской¹⁴ дикости, вернувшаяся из древнего предания, где выживает не более достойный, а просто тот, кому повезет, где приходится иметь дело с противником, не связанным логикой цивилизованного мира и побуждениями человеческого сердца.

Сэм подумал о том, что именно он втянул Эрла во все это, и у него снова заболело сердце, как будто чувство вины захлестнуло его мерзостной слизью, скопившейся в душе. Он опять подумал о том, что сделал с Эрлом, во что его втянул, и ради чего?

Переполненный отвращением к самому себе, Сэм задумался, не следует ли ему соскочить с поезда и вернуться назад, чтобы помочь Эрлу. Но, хорошенько подумав, он пришел к выводу, что это невозможно. Это просто выше его сил. Он не сможет соскочить с идущего поезда (ему стоило огромного труда запрыгнуть на него) и вернуться назад к Леону Гаттису и его помощникам, к их дубинкам, которыми они так мастерски владеют, и свирепым

¹⁴ Манихейство – религиозное учение, возникшее в Персии в III веке. В основе его лежит представление о борьбе двух равноправных начал – добра и зла.

псам. Сэм уже видел раскроенный череп несчастной пожилой негритянки. Кто расправился с ней, как не они? Он видел, как негров охватывал безотчетный ужас при виде наглых, самоуверенных полицейских, которые вели себя словно оккупанты, убежденные в своем праве повелевать, опираясь на силу. Сэм понял, что не сможет снова видеть все это, тем более без рубашки, с подвернутой ногой, измученный сверх пределов человеческой выносливости, сверх того, что ему пришлось перенести на войне, когда он был гораздо моложе и сильнее и вера его была значительно крепче.

Только в половине девятого, когда состав подъезжал к товарной станции Хаттисберга, до Сэма вдруг дошла еще одна ужасающая реальность: он стал беглым преступником. Теперь его будет разыскивать полиция. Во все стороны будут разосланы бюллетени о поимке, возможно, даже по радио и телеграфу. Начнется охота на человека. А у него нет денег, нет здесь никаких знакомых, кто мог бы его поддержать.

В этот момент рука Сэма нащупала что-то круглое и твердое в левом кармане брезентовой охотничьей куртки Эрла. Вытащив это, он обнаружил у себя в руках свернутую пачку банкнот. Сняв резинку, Сэм быстро пересчитал деньги, которых оказалось больше четырехсот долларов, в основном десятками и двадцатками. На это он сможет снять жилье, купить рубашку и новые ботинки. Но Сэм понимал, что ему придется быть крайне осторожным, поскольку полиция наверняка перекроет все транспортные пути. У него в голове родился план: Конни Лонгакр приедет за ним и отвезет его на машине. Он спрячется в багажнике и благополучно минует все дорожные посты. Конни пойдет на это. Конни всегда любила приключения, как будто супружеская жизнь с пустым, но богатым Рэнсом Лонгакром не была сама по себе достаточным приключением. Впрочем, возможно, это было чересчур захватывающее приключение.

План был никудышный. Эрл наверняка придумал бы что-нибудь гораздо лучше, поскольку Эрл по своей природе был человек действия, в то время как ум Сэма, настроенный на решение хитрых юридических заковырок, порой оставался безразличен к обыденности окружающего мира.

Одно Сэм знал точно: ему необходимо как можно быстрее покинуть товарную станцию. Это место будет первым, о котором подумает полиция. Больше того, он вдруг со страхом понял, что, вероятно, уже сейчас его здесь ищут.

Сэм огляделся по сторонам. Вокруг было темно. Он ничего не увидел. Запахнув охотничью куртку, он спрыгнул с платформы и снова поразился размерам железнодорожного состава. Разумеется, его не заметил никто, кроме трех сотрудников полиции, которые по воле случая проходили мимо именно в этот момент.

– Так-так, – сказал один из них. – Папаша, вам не кажется, что вы слишком стары для того, чтобы бродяжничать по железной дороге?

– А! Ну, понимаете...

Сэм, которому в обычной жизни никогда не приходилось лезть за словом в карман, который всегда говорил гладко, быстро, красноречиво, логично, убедительно, вдруг словно лишился дара речи. У него в голове не осталось ни одной мысли. Он поймал себя на том, что его рот беззвучно шевелится, легкие бесполезно наполнились воздухом, губы пересохли на ветру.

Он попался.

– Я... э... мм...

– Мистер, вы что, язык проглотили?

– Дело в том... а... э... понимаете...

– Готов поспорить, никаких документов у него с собой нет, – заговорил второй полицейский. – И ничего он ни о чем не знает. Все они такие.

Однако в их поведении не было враждебности. Ни один из них не положил руку на рукоятку револьвера, что, как знал по собственному опыту Сэм, сотрудник полиции делает в первую очередь, если его что-то беспокоит. А сейчас никто из полицейских не достал дубинку или кастет, ни у кого не побелели костяшки стиснутых в кулаки пальцев, никто не задышал учащенно, не прищурился, не расставил ноги и не напрягся, готовый вступить в схватку. В действиях полицейских не было никакой агрессивности.

– Что ж, приятель, пошли с нами, иначе, боюсь, нам придется упрятать тебя на всю ночь в вытрезвитель, чтобы ты смог хорошенько проспать.

– Сэр, – наконец обрел дар речи Сэм, – я не нахожусь в состоянии алкогольного опьянения.

– Ого, вот он и заговорил, и, черт побери, он знает умные слова!

Сэм и сам удивился, насколько быстро ему удалось прийти в себя. Он лихорадочно решал: знают ли полицейские? Получили ли они сообщение о том, что он преступник, сбежавший из-под стражи? И если так, разве не выхватили бы они револьверы и дубинки, готовые начать охоту на человека, чему Сэм уже не раз был свидетелем? Но нет, эти ребята держались совершенно спокойно, принимая его за безобидного старого пьянчужку.

– Не сомневаюсь, сейчас мы услышим захватывающий рассказ о том, как он потерял свою рубашку, – усмехнулся один из полицейских. – С участием фермера, дочери фермера, ружья и горожанина, который знает слишком много умных слов.

Сэм утвердился в мысли: полицейские ничего не знают. В противном случае они бы себя так не вели.

Поэтому он осторожно сунул руку в карман и достал бумажник.

Один из полицейских раскрыл бумажник и осветил фонариком.

– Подумать только, перед нами адвокат из Арканзаса, мистер Сэмюэль М. Винсент, проживающий в городе Блу-Ай, штат Арканзас. Ну, этого точно никто не ожидал.

– Мистер Винсент, сэр, вы изрядно удалились от родных мест. Если я правильно помню, Блу-Ай находится на западе Арканзаса, не так ли?

– Вы совершенно правы, сэр.

– В таком случае, сэр, боюсь, нам придется спросить: как случилось так, что вы приехали в наш маленький городок по железной дороге? Без рубашки, в таком виде, как будто сам дьявол только что устроил в вашу честь небольшую вечеринку?

Сэм ни за что бы не смог ответить, откуда, почему и как пришло вдохновение, однако оно пришло, и через мгновение он сам уже начал верить своим словам.

– Господин офицер, я по делам находился в Новом Орлеане. Думаю, вы хорошо знаете этот город. Боюсь, я поддался определенным низменным искушениям после того, как в течение многих лет пытался убедить себя, что начисто их лишен. В определенном заведении я познакомился с одной молодой женщиной. Негритянкой. Мулаткой.

– «Кофе с молоком». Эти самые страшные. Порядочный мужчина глазом не успеет моргнуть, как вдруг начинает вести себя словно похотливый кобель.

– Да, сэр. Должен также признаться, что определенную роль в случившемся сыграл алкоголь. Так или иначе, на следующий день я возомнил, что влюбился, и отправился вызволять негритянку из заведения, чтобы отвезти ее к себе домой. Признаюсь, я даже не подумал о том, как объясню ее присутствие своей жене, с которой прожил вместе семнадцать лет и которая родила мне пятерых детей. Так или иначе, мне ясно дали понять, что я никому не нужен, но я выяснил, что зовут эту девушку Луиза Вонетта, что родом она из Паскагулы и именно туда и возвратилась. Я вообразил себе, будто причина этого в том, что девушку тронула моя любовь и ее собственное ответное чувство, так что она решила порвать с прошлым и начать новую жизнь.

– Ха! Такое я уже слышал! Я знал многих белых парней, наивно считавших, что смогут помочь хорошенькой негрityнчке перестать быть негрityнкой.

– Из этого никогда не получается ничего хорошего. Сам Господь Бог следит за этим.

– Одним словом, прежде чем я успел опомниться, я нанял машину, приехал в Паскагулу и начал расспросы. Я отыскал Луизу Вонетту. А заодно нашел ее приятеля, его дружков, молодых задиристых негров, ее папашу, деда и, что самое страшное, ее бабу. Их нисколько не тронули ни мои заверения в любви, ни перегар виски в моем дыхании. Я с трудом вспоминаю какую-то склоку, переросшую в драку, после чего мне пришлось спастись бегством. Придя в себя, я обнаружил, что нахожусь без рубашки на товарной станции, а за мной охотятся здоровенные негры, решительно настроенные совершить в отношении меня то, что они называли «хорошенько надрать задницу старому козлу». Подобная перспектива меня нисколько не обрадовала, и внезапно моя любовь к милой Луизе Вонетте как-то поблекла. Мне удалось незаметно забраться на платформу, где я и пролежал без движения целую вечность. Затем появились белые люди, и негры бежали, но у меня не было желания кому-либо объяснять свое присутствие. Вскоре поезд тронулся, и вот я здесь.

– Че-ерт поberi, вот это история! – протянул один из полицейских.

Все трое получили огромное удовольствие от рассказа Сэма. В нем прозвучали отголоски того, о чем они слышали или что им пришлось пережить самим, и они были несказанно рады видеть такого культурного и образованного человека, как Сэм, который вляпался в приключение, поддавшись двойному соблазну – виски и смазливой негрityнчки, – что нередко приводило к падению представителей самых видных семейств Нового Орлеана.

– Ниггеры преподали бы вам хороший урок, если бы поймали вас одного и поблизости не оказалось бы никого из белых. Так что считайте, сэр, вы еще легко отделались. В ваших краях вы с этим не встречаетесь. Вы слышите только «Да, сэр» и «Нет, сэр», но смею вас заверить, сэр, ненависть к нам у ниггеров в крови, и это всегда будет так.

– Боюсь, мне пришлось усвоить этот урок на собственном горьком опыте. Понимаете, я не стеснен в средствах. У меня есть деньги. Мне нужно лишь устроиться где-нибудь на ночлег – предпочтительно не в вытрезвителе, поскольку я могу позволить себе оплатить гостиничный номер, – и купить рубашку и чистое нательное белье, и завтра же утром я сяду в автобус и отправлюсь домой.

Сэма усадили в патрульную машину и отвезли в лучшую гостиницу Хаттисберга, где благодаря короткому вмешательству полиции ему отвели лучший номер, хотя, разумеется, только после того, как он расплатился вперед наличными.

– Мы хотим, сэр, чтобы вы по полной вкусили знаменитое миссисипское гостеприимство. У вас ни в коем случае не должно сложиться мнение, что мы здесь только и делаем, что выбиваем из ниггеров повиновение. Здесь у нас прекрасное место для того, чтобы жить и воспитывать детей. А вам, наверное, следует позвонить жене и успокоить ее какой-нибудь историей, ибо наверняка старушка не находит себе места от тревоги.

Это был самый молодой, самый обходительный и вежливый из полицейских.

– Я непременно последую вашему совету, офицер.

– Дейв, мистер Сэм. Меня зовут Дейв.

Похоже, по какой-то совершенно непостижимой для Сэма причине Дейв проникся к нему симпатией. Возможно, все дело было в том, что Сэм, застигнутый врасплох в не самых благоприятных для себя обстоятельствах, не проявил в полной степени всех своих личностных качеств: не показал себя лучшим из лучших, самым умным, самым способным, могущественным прокурором, подавляющим всех вокруг. А может быть, свою роль сыграл осадок предыдущего горького опыта, разбившего веру в незыблемые понятия, впитанные с молоком матери. Сэм увидел, как быстро и бесповоротно расстается с этими понятиями мир,

позволяя озверевшим молодым полицейским выбивать своими дубинками дробь по черепу законопослушного белого мужчины в летах. В любом случае, что бы это ни было, молодой полицейский на это купился.

Сэм позвонил домой; он поговорил со своим старшим сыном, который, похоже, даже не заметил, что его отец отсутствовал три недели вместо одной, а затем с женой, которая об этом упомянула, но только вскользь. Потом Сэм позвонил Конни Лонгакр, попал на пьяного Рэнса, но оставил ему номер телефона гостиницы. Конни перезвонила через полчаса, и они очень мило поговорили – как это бывало всегда. Сэм любил эту женщину; он понимал, что у него никогда не хватит решимости разрушить свою жизнь и жизнь Конни, чтобы начать все сначала, и что это чувство, теплое и глубокое, навсегда останется тем единственным, что существует между ними.

Горничная принесла ему в номер ужин; Сэм лег спать, думая об Эрле, убеждая себя, что с Эрлом все в порядке, что у Эрла все получится, что насчет Эрла можно не беспокоиться.

В восемь часов утра в дверь номера постучали, и Сэм, вообразив, что в полицию Хаттисберга все же пришла ориентировка на бежавшего из-под стражи преступника, пережил несколько ужасных мгновений. Однако, открыв дверь, он увидел перед собой лишь дородного господина из магазина модной мужской одежды, который принес образцы костюмов, рубашек и галстуков. Выбрав себе новый наряд, Сэм расплатился наличными.

После того как Сэм позавтракал в уютном ресторане при гостинице, за ним заехал полицейский Дейв и отвез его на автобусную станцию. Изучив расписание, молодой полицейский обнаружил, что если Сэм сядет на автобус, отправляющийся в десять утра до Мери-диана, то он успеет в аэропорт на «ДС-3», вылетающий в три часа дня в Мемфис, где осталась его машина. Таким образом, проехав через весь штат, адвокат уже к ужину будет дома.

Дейв провез Сэма через весь Хаттисберг, оживленно рассказывая о своей жизни, о детях, о надеждах на будущее – молодой полицейский собирался поступить на вечернее отделение юридического факультета и задал Сэму несколько откровенных вопросов относительно будущей профессии, на которые тот дал честные, исчерпывающие ответы.

Наконец, воспользовавшись небольшой паузой в разговоре, Сэм предпринял осторожную попытку.

– Скажите, Дейв, вы что-нибудь знаете о месте, которое называется Фиванская исправительная колония для цветных? Я слышал, как о ней разговаривали чернокожие в Паскагуле, и мне стало любопытно.

– Знаете, сэр, лучше вам ничего не знать о Фивах. В Парчмене, в дельте Миссисипи, есть несколько исправительных колоний, но самых заблудших ниггеров отправляют в Фивы. И лучше не знать о том, что там происходит. Это страшное место, сэр.

– А, понимаю. Наверное, если условия там очень суровые, охране приходится беспокоиться по поводу побегов.

– Сэр, еще никому не удавалось бежать из Фив. Никогда. Это сущий ад, который очень быстро ломает дух тем, кто туда попал, так что заключенные даже не смеют мечтать о побеге. К тому же там вокруг непроходимые джунгли, худшее место на земле, и, насколько я слышал, в Фивах лучшие собаки в штате. Да и охранники способны идти по следу не хуже собак – здоровенные ребята, которые получают за работу в тюрьме неплохие деньги. Понимаете, государству так даже на руку: есть исправительное заведение для самых плохих ниггеров, одно название которого вселяет в них страх, и этот страх держит их в повиновении. Так лучше для всех. Лучше для нас, но и для ниггеров по-своему тоже лучше. Они не тешат себя призрачными надеждами и не возмущаются по поводу своего образа жизни, горького и беспросветного. Потому что всегда помнят, что где-то там есть Фивы.

Кивнув с умным видом, Сэм заметил:

– Да, очень любопытный подход.

Таким уклончивым ответом он вроде бы высказал одобрение, но в то же время не определил четко свою позицию.

Оставшаяся часть пути прошла достаточно гладко, и Сэм действительно ночью уже спал у себя дома, в одной кровати с равнодушной женой, по соседству с равнодушными детьми. Был момент, когда Сэм потерял надежду вернуться к домашнему уюту, и тем не менее это все же случилось.

А завтра он встретится с Конни, и они пообедают вместе.

И все же основные мысли Сэма были не об этом. У него из головы не выходил Эрл. Снова и снова Сэм наталкивался на категорическое требование Эрла: никому ничего не говорить, не поднимать шума, не справляться о его судьбе. Это лишь ускорит его гибель.

Сэм разбирал по слову приказ Эрла, такой, каким он его запомнил, пытаясь найти в нем какую-нибудь лазейку, какой-нибудь благовидный предлог, позволяющий нарушить или хотя бы обойти его, но в конце концов вынужден был признать, что приказание было сформулировано четко и он должен беспрекословно его выполнять. Сэм решил, что ему надо будет составить отчет для своего клиента. Он займется этим завтра же утром и отошлет отчет заказным письмом. Сэм надеялся отыскать в ультиматуме Эрла какие-нибудь обходные пути, которые позволили бы ему заняться этим вопросом. Но это все, что в его силах.

«Эрл, Эрл, что с тобой?» Эта мысль не выходила у Сэма из головы.

Глава 12

Эрлу здорово досталось от собак. Жестокость была у них в природе, но к этому еще добавился запах крови, который они учуяли: собственной крови Эрла, а также крови их сородичей. Они набросились на него одновременно, мощные молодые доберманы в расцвете сил. Злобно рыча, они молниями налетели на Эрла, и в следующую долю секунды он, отказавшись от всяческих надежд успеть на товарный поезд, сосредоточился лишь на том, чтобы защитить свои жизненно важные органы.

Эрл свернулся в клубок, как зародыш: подобрал ко лбу колени, прикрыл голову и горло руками, спрятал лицо. Этим он лишь распалил безумную злобу собак. Они знали, как его убить, и сейчас их переполняла бессильная ярость. Поскольку им никак не удавалось добраться острыми клыками до уязвимых мягких тканей, собаки набросились на руки и ноги Эрла, зная по своему опыту, что, если они причинят ему достаточно острую боль, он, подчиняясь инстинкту, переменит свою защищенную позу. Поэтому в следующие несколько минут все свелось к тому, что собаки рвали Эрла клыками, а он, преодолевая боль и ярость, всеми силами старался оставаться свернутым в клубок.

Но затем собак оттащили люди, и началось избиение ногами. Сперва Эрла били двое, затем к ним добавились еще трое; они били и топтали его, ругались, плевались и извергали проклятия. Это продолжалось еще несколько минут, пока наконец не подоспел последний полицейский, которому удалось навести некоторый порядок.

– Черт побери, ребята, оставьте его, давайте посмотрим, что за птица нам попалась.

Удары, сыпавшиеся градом на Эрла, прекратились.

– Мистер, вам лучше встать, а то я пристрелю вас лежащего.

Перекатившись на спину и распрямившись, Эрл увидел шестерых человек, то есть четверых помощников шерифа, псаря и самого шерифа, запыхавшихся, мокрых от пота, разъяренных тем, через что им пришлось пройти.

– Пожалуйста, не бейте меня, – сказал Эрл. – Я не сделал ничего плохого!

Бах!

Удар ногой в ребра с видимым наслаждением нанес псарь.

– Убил трех моих замечательных собачек, черт бы побрал твою черную душу! Ничего, еще до того, как наступит вечер, ты будешь болтаться на суку!

Двое помощников, быстро нагнувшись, перевернули Эрла на живот, заломили ему руки за спину и защелкнули на них наручники.

– Тащите и ножные кандалы. Этот парень – опасный тип, я вам точно говорю!

На щиколотках Эрла захлопнулись тесные ножные кандалы.

– Ну вот, теперь он никуда не денется, сэр.

Молодые помощники, усевшись на корточки, снова перевернули Эрла лицом вверх.

– Кто вы такой, мистер? – спросил шериф.

– Я... э...

Эрл с ужасом понял, что не может вспомнить фамилию, указанную в липовом водительском удостоверении.

– Ну? Кто ты такой, черт побери? И когда я с тобой разговариваю, грязная тварь, изволь немедленно отвечать!

– Его зовут Джек Богаш, – крикнул один из помощников, найдя выпавший из кармана бумажник Эрла. – И он тоже из этого проклятого Арканзаса.

– Вот как? Похоже, вы, арканзасцы, держитесь друг за друга? Ну как тут не удивляться? Ты пришел сюда, чтобы спасти этого старого адвоката...

– Что вы, сэр! – воскликнул Эрл. – Я понятия не имею, о чем вы говорите. Пожалуйста, только не бейте меня. Я уже и так весь в крови. Мне нужен врач. Пожалуйста, сэр, о боже, если вы не приведете ко мне врача, я умру от потери крови!

– Ничего с тобой не случится. Ну, потеряешь немного крови, но если ты не можешь спокойно смотреть на свою кровь, тебе не следует играть в крутые игры. К тому же это не должно тебя волновать. Сейчас перед тобой стоит гораздо более серьезная проблема, и эта проблема – я! – выкрикнул шериф в лицо Эрлу.

– Сэр, меня зовут Джек Богаш. Я оставшийся без работы водитель грузовика, решил устроить в здешних лесах охотничий лагерь. Сюда я пришел потому, что прослышал, будто у вас остались свободные земли, на которых водится много оленей. Я собирался купить лицензию, построить заимку и притащить сюда на охотничий сезон богатеньких людей из Хот-Спрингса или Литтл-Рока. Только и всего.

– Сынок, мы гнались за тобой двадцать миль. Ты сжег два дома, оглушил охранника, убил трех собак, отмутил двух сильных молодых парней и заставил нас хорошенько побегать.

– Это был не я, сэр. Клянусь вам. Это были те, другие парни.

– Другие парни?

– Да, сэр. Я выбрал место для лагеря милях в двух отсюда. Стал искать следы оленей. Хотел познакомиться с местностью, прикинуть, где ставить засады. Вдруг из леса выскочили те двое, наплели мне какие-то рассказы о том, что за ними гонятся черномазые. Предложили мне деньги за то, чтобы я довел их до железной дороги. Сейчас я признаю, что их рассказ был полным бредом от начала до конца, но мне предложили неплохие деньги. Тот, что постарше, говорил как по писаному и, прежде чем я успел опомниться, убедил меня помочь им. Теперь я сам не понимаю, как согласился, но у старикашки, сукина сына, язык хорошо подвешен, это я точно вам скажу. Он подвернул себе ногу, поэтому я помог ему идти – стал чем-то вроде живого костыля. Что случилось с другим, я не знаю. Я довел старикашку до железной дороги и возвращался назад, и тут на меня набросились собаки. Мой рассказ правдив от начала до конца.

– Он лжет, – возмутился Опи. – Я видел, как он пристрелил собаку. Он и в меня стрелял. Ублюдок напал на нас с Москитом и уложил обоих, даже не вспотев, словно чемпион, черт бы его побрал. Он лживый ублюдок, и он чертовски опасен. Сейчас мерзавец разыгрывает из себя запуганного, но на самом деле он только и думает, как бы нас всех прикончить, это я вам точно говорю. Он настоящий гангстер, черт бы его побрал.

– Я думаю, он красный. Он красный, которого заслали сюда, чтобы мутить ниггеров.

– А я думаю, он из ФБР, обнюхивает тут все. Ищет неприятностей.

– Шериф, полагаю, лучше всего его вздернуть.

– Пожалуйста, пожалуйста, ребята, не надо! Я ничего не сделал! Молодой человек, клянусь, это не я стрелял в вас и убил ваших собак. Это был другой тип, тот, который до сих пор бродит где-то здесь. Я даже не знаю толком, как стрелять из ружья. Да, в молодости я немного занимался боксом, это правда, и если я ударил вас, то только потому, что у вас в руках было ружье и вы собирались в меня выстрелить, вот и все. Какой у меня был выбор?

– Ты говорил, что собираешься купить охотничьи лицензии. То есть ты охотник и, если я еще не окончательно спятил, у тебя на ногах охотничьи ботинки. И при этом ты совсем не умеешь стрелять? Однако кто-то пристрелил трех быстро бежавших собак. Наверное, это был тот тип, который исчез бесследно, чей след не смогли взять собаки. После чего ты, человек уже в годах, отправил на землю двоих молодых парней, но при этом ты простой водитель грузовика из Арканзаса, оставшийся без работы. Мистер, в вашем рассказе больше дыр, чем в куске голландского сыра.

– Он очень опасный человек, черт бы его побрал.

– С меня достаточно. Сэр, нам не справиться с таким, как вы. Ребята, отведите его к дереву, и закончим на этом. Я сыт по горло этими арканзасцами.

На это ушел целый час, но ребята шли целенаправленно. Эрл понял, что им уже приходилось делать это. Его вели к виселице. Эрл догадался, что, если беглеца ловили здесь, в сосновом лесу, его отводили именно туда. Туда же отводили жителя поселка, который начал слишком много говорить. Эти ребята предпочитали не стрелять с близкого расстояния; судя по всему, они не могли вынести зрелища человеческой головы, разлетающейся в разные стороны при попадании пули 45-го калибра. Виселица лишала жизни легко и бескровно.

– Шериф, уверяю вас...

– Заткнитесь, мистер. Я не хочу, чтобы ваши слова смущали моих ребят. Так что держите рот закрытым, иначе я попрошу Перца отрезать вам язык, и это заставит вас умолкнуть навсегда. В этом случае вам придется предстать перед Творцом без языка.

– Шериф, если вам угодно, я сделаю это прямо сейчас. Именно так у нас в Миссисипи поступают с теми, кто убивает чужих собак. Убил собаку – будь добр расплатиться за это. Собака дорого стоит, а эти три были мне все равно что родные братья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.